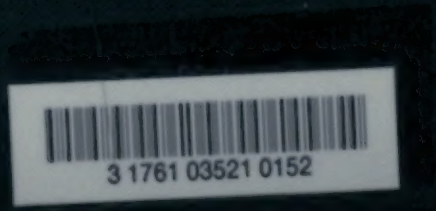
3 1761 03521 0152

I

62

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ

О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ.

azaniia inostrantsev o Moskovskom
sudarstve

В. Ключевского.

ВОЛОГОДСКИЙ
ТЕХНИКУМ 5785.

ПЕТРОГРАД
1918

Сочинения В. О. Ключевского *монополизированы* Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 г.

Настоящее издание перепечатано без всяких изменений с издания, выпущенного в Москве въ 1916 году.

Никем из книгопродавцев указанная на книге *цена не может быть повышена* под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар
Литер.-Изд. Отдела *П. И. Лебедевъ-Полянский.*

Петроградъ,
$^{15}/_{III}$ 1918 г.

DK
21
K55
1918

LIBRARY
MAR 2 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

Первая Государственная Типография.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Введение	5
I. Пределы Русского племени и Московской государственной области	24
II. Прием иностранных послов в Москве	41
III. Государь и его двор	73
IV. Войско	87
V. Управление и судопроизводство	123
VI. Доходы казны	159
VII. Вид страны и ее климатъ	174
VIII. Почва и произведения	178
IX. Народонаселение	192
X. Города	212
XI. Торговля	252
XII. Монета	302
Приложение	309
I. Библиографические дополнения къ примечаниям	314
II. Указатель географических названий	325
III. Указатель собственных имен	330

В отношениях западно-европейского мира к древней России есть две черты, повидимому, исключающие одна другую и однокож существовавшие рядом, благодаря особенным условиям, в которых находилась древняя Россия. С одной стороны, вследствие отчуждения между западною Европою и Россией, продолжавшегося до самого XVIII века, западно-европейское общество оставалось почти в совершенном неведении о положении и судьбах России; вследствие этого неведения в нем распространились и укоренились странные представления об этой стране. В начале XVIII столетия русский резидент при одном из западно-европейских дворов, подыскивая деловых людей для Петра, жаловался на то, что эти люди боятся ехать в Россию, думая, что ехать туда—значит ехать «в край света», что эта страна «с Индиями граничит» [1]). Между тем, в то самое время, как в западной Европе господствовали такие представления о России, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из западной Европы, как отдаленная лесная Московия. Нетрудно найти некоторую связь между этими противоречащими явлениями: чем первобытнее и малоизвестнее для путешественника страна, в которую он попал, чем более представляет она новых для него особенностей, тем сильнее затрогивает она его любопытство и тем легче дается наблюдающему

[1]) Поэтому Мейнерсъ имел полное право сказать, что образованная Европа в начале XVI века знала о Россіи гораздо меньше, нежели о Новой Голландіи в конце XVIII века. «Vergleichung des ältern und neuern Russlandes», Ч. I, стр. 2.

глазу. Но не один простой интерес дикой, неведомой страны, с которым описывают Новую Голландию или центральную Африку, привлекал внимание западно-европейских путешественников к Московскому государству: в их описаниях сказывается иногда другой, высший интерес, руководивший их наблюдениями; у немногих из них, но за то наиболее беспристрастных и основательных, изредка встречаются намеки на то, что они чувствовали в древнерусском обществе под его азиатской формой присутствие начал, родственных с теми, которыми жила западная Европа, и среди множества явлений, неприятно поражавших европейца, умели подметить и такие, к которым после строгой оценки не могли не отнестись с сочувствием.

Разсмотрим качества того материала, который представляют записки этих путешественников о Московском государстве. Какой интерес могут представить для изучения отечественной истории заметки иностранца о чужой для него стране, о чужом народе? Чем шире развивается народная жизнь, тем доступнее становится она для изучения, оставляя более следов после себя; вместе с тем, в такой же мере развивается народное самосознание, выражаясь в известных органах. Так с двух сторон являются обильные и притом свои источники для исторического изучения. Тогда заметки заезжего иностранца, более или менее беглые и поверхностные, могут быть любопытны, но и только. Совсем другое значение получают они, когда относятся к более ранним эпохам истории народа, когда застают его на той ступени развития, на какой стояло, например, Московское государство в XV—XVII веке. Известно, как трудно развивается и в человеке и в народе способность оглядки на себя, на пройденное и сделанное, как вообще трудно отрешиться

на время от окружающего, стать в стороне от него, чтобы окинуть его спокойным взглядом постороннего наблюдателя. Много говорят о русской привычке думать и действовать толпой, миромъ: правда ли это и, если правда, составляет ли это постоянную, или временную особенность национального характера, все равно: и в том, и в другом случае это условие очень неблагоприятствует появлению в обществе людей, которые «приходят на житейский рынок не для купли и продажи, а для того, чтобы посмотреть, как другие продают и покупают». Мы знаем также, как много помогает обсуждению себя и своего положения возможность сравнения, возможность видеть, как живут и действуют другие. Наконец, для того, чтобы возникла в обществе потребность обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться в груде всего, что сделано в продолжение веков, надобно, чтобы эта груда достигла значительных размеров и само общество имело настолько спокойствия и устоя, чтоб можно было приняться за такую разборку. Ни того, ни другого, ни третьяго не имели наши предки XV—XVII века: в своих лесах, окруженные враждебными соседями, разобщенные с другими народами, они были слишком заняты, чтобы иметь возможность и охоту приняться за подобную разборку [2]). Такие эпохи не благоприятствуют появлению

[2]) Только от второй половины XVII века имеем мы довольно живую, хотя далеко не полную картину состояния Московского государства, начертанную русским человеком; но и этот человек прежде, чем принялся за такой труд, бежал из отечества, порвал всякие, даже религиозные связи с ним и имел случай узнать обычаи и порядки других стран, непохожие на то, что он видел у себя дома; сравнение родило в нем первую мысль описать состояние своего отечества. См. Котошихин, изд 2-е, предисловие стр. XI.

литературных памятников, которые изображали бы с некоторой полнотой обычное течение народной жизни, и тут особенно дорого может быть слово иностранца, наблюдению которого доступно преимущественно это обычное течение жизни; а в древней России именно эта сторона должна была резко броситься в глаза западному европейцу, представляя во всем любопытные для него оригинальные черты. В этом отношении иностранные известия могут быть очень важным материалом для изучения прошедшей жизни народа. Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них с своей домашней, условной точки зрения. С этой стороны записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам.

Всем сказанным выше о характере и значении иностранных известий определяется и то, что в них представляет больший и что меньший интерес для изучения. Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона—вот что с наибольшею полнотой и верностью мог описать посторонний наблюдатель. Напротив, известия о домашней жизни, о нравственном

состоянии общества не могли быть в такой же степени верны и полны: эта сторона жизни менее открыта для постороннего глаза, и притом к ней менее, нежели к другим сторонам народной жизни, приложима чужая мерка. Беглые наблюдения, сделанные в короткое время, не могут уловить наиболее характеристических черт нравственной жизни народа; для оценки ее путешественник мог иметь пред собой только отдельные, случайно попавшиеся ему на глаза явления, а нравственная жизнь народа всего менее может быть определена по отдельным, случайным фактам и явлениям. Наконец, в большей части случаев западно-европейский путешественник не мог даже верно оценить и отрывочные явления этой жизни: нравственный быт и характер русских людей описываемого времени должен был казаться ему слишком странным, слишком несходным с основными его понятиями и привычками, чтобы он мог отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не с своей личной точки зрения, а со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагался этот быт и характер. Оттого иностранные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества; зато в этих известиях дано слишком много места личным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления. Вот как, например, один из иностранцев XVII века, принадлежащий к числу наиболее спокойных и основательных иностранных писателей о России, изображает празднование Пасхи в Москве: В продолжение пасхальной не-

дели все, и богатые, и бедные и мужчины, и женщины предаются такой веселости, что, подумаешь, они теряют на это время здравый разсудок. Работы прекращаются, лавки запираются, одни кабаки и другие увеселительные места остаются открытыми; суд умолкает, но за то воздух оглашается безпорядочными криками. Знакомые, при первой встрече, приветствуют друг друга словами «Христос воскресе», «воистину воскресе», целуют и дарят друг друга куриными или деревянными раскрашенными яйцами. Духовные, в сопровождении мальчиков, несущих образ или распятие, в самом дорогом облачении бегают по улицам и перекресткам, посещая своих родственников и друзей, с которыми пьют до опьянения. Куда ни посмотришь, везде видишь столько пьяных мужчин и женщин, что всей строгостью своего поста они наверное не могли заслужить от Бога столько милости, сколько навлекают гнева своим необузданным разгулом и нарушением законов трезвости [3])». В этом описании мало неточностей; но мы составили бы себе слишком узкое, одностороннее понятие о древне-русском празднике, если бы стали представлять его в подобных поверхностных чертах: а таковы почти все изображаемые иностранцами картины древнерусского быта. Поэтому в настоящем обзоре мы ограничимся иностранными известиями только о тех сторонах древней России, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей: таковы их географические сведения об области Московского государства, описание некоторых сторон и явлений государственной жизни, известия о материальных средствах

---

[3]) Mayerberg. «Voyage en Moscovie», въ «Bibliothèque russe et polonaise», t. I. p. 75—76.

страны и т. п. И в этой области остается еще много неточных, сбивчивых показаний, но крайней мере здесь эти показания отличаются большею полнотой и мы имеем больше возможности проверить их известиями из других источников.

Московское государство долго не обращало на себя внимания западной Европы, не имевшей с ним никаких общих интересов. Только со второй половины XV века, т.-е. с того времени, когда окончилось образование государства, начинает оно завязывать слабые, часто порывавшиеся сношения с некоторыми западно-европейскими государствами. Потому от XV века мы имеем немногия краткие заметки о нем от иностранцев, случайно попавших в Россию и оставававшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частым сношениям между Москвой и некоторыми западно-европейскими дворами,—и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства, составленных или по непосредственным наблюдениям, людьми, приезжавшими в Московское государство с разными целями, преимущественно в качестве послов,—или по рассказам других путешественников. Описания, которыми мы пользовались, относятся к трем столетиям; XV-му, XVI-му и XVII-му; вот их перечень в хронологическом порядке, в каком приводит их Аделунг [1]).

---

[1]) Цифры, поставленные пред каждым писателем в списке Аделунга и приводимые здесь с некоторыми изменениями, означают время пребывания писателя в России; если же писатель не был сам в России, то поставленная пред ним цифра означает год издания его сочинения. В список Аделунга не вошли из приводимых нами писателей только Лаппун и Михалон.

Век XV.

1412 и 1421. Voyages et ambassades de Guillebert de Lennoy. Mons, 1840.* Фламандский рыцарь, служивший въ Пруссии и Ливонии (род. 1386, † 1452). В 1413 посетил Новгород. Издан Лелевелем в 1844 г. с комментариями*.

1436. Іоасафа Барбаро, дворянина венецианского, путешествие к Дону (в Азов [5]).

1476. Путешествие Амвросия Контарини, посла Венецианской республики, к Уссун-Гассану, царю персидскому, в 1473 [6]).

Век XVI.

1517. Mathiae a Michovia: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis [7]).

---

[5]) Барбаро в 1436 году предпринял путешествие к Дону, где прожил 16 лет; потом ездил в Персию. Неизвестно, когда именно был он в Москве; известно только, что сочинение свое писал он после издания сочинения Контарини, о котором не раз упоминает.

[6]) Сочинения Барбаро и Контарини помещены в русском переводе, с приложением итальянских подлинников, в «Библиотеке иностранных писателей о России», В. Семенова, 1836.

[7]) Отрывки из сочинения Меховского, касающиеся собственно Московского государства, помещены в латинском подлиннике стр. 206—209 сборника «Rerum Moscoviticarum auctores arii» (Francofurti, MDC) и в русском переводе, в третьей статье «Библиографических отрывков» (Отеч. Зап. 1854 г., № 12, отдел. II, стр. 142—153). Мейнерс отказывается определить, когда явилось в свет сочинение Меховского (см. «Verlenehung» etc. I, 4), Аделунг ошибочно относит первое издание его книги к 1521 г.: это было уже третье издание.

---

* Эти и другие, отмеченные знаком *, вставки воспроизведены из авторского экземпляра книги *(прим. изд.)*.

1517 и 1526. Rerum Moscoviticarum commentarii, Sigismundo Libero Barone in Herberstein. Neuperg et Guetenhag auctore. 1549 [8]).

1523. Письмо Альберто Кампензе о делах московских к папе Клименту VII [9]).

1525. Павла Новия Новокомского сочинение о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII [10])

1525. Moscovitarum juxta Mare Glaciale religio, a D. Ioanne Fabri edita [11]).

1553. The booke of the great and miqhty Emperor of Russia and Duke of Muscovia, and of the dominions, orders and commodities thereunto belonging, drawen by Richard Chancelour [12]). Известия, изложенные Ченслером в этой записке, повторены с некоторыми добавлениями Климентом Адамом в латинской статье «Anglorum navigatio ad Moscovitas» [13]).

---

[8]) Помещено в «Rerum. Mosoviticarum auctores varii» (стр. 1—117), с присоединением статьи о генеалогии великих князей московских; к сочинению приложены две географические карты Московского государства, план города Москвы и несколько рисунков.

[9]) Помещено в Библиотеке В. Семенова в подлиннике и в русском переводе.

[10]) Там же.

[11]) Помещено в «Rerum Moscoviticarum auctores varii» (стр. 130—141).

[12]) Помещено в Hakluyt's «Collecton of the early voyages» etc. a new edition. vol. I. London, 1809 (стр. 263—270).

[13]) Подлинник не помещен в «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 142—183; но в сборнике Гаклюйта, вслед за сочинением Ченслера, помещен английский перевод записки Климента (стр. 270—284).» Журн. М. Н. П. 1848 окт.»

1557. The first voyage made by Master Antony Jenkinson from the City of London toward the land of Russia [14]).

1560. Alexandri Guagnini Veronensis: Omnium regionum Moscoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque campestrium etc. sufficiens et vera descriptio [15]).

1568. The ambassage of the right worshipfull Master Thomas Randolfe to the Emperour of Russia, briefly written by himselfe [16]).

1575. Nobilissimi Equitis Dani Iacobi Ulfeldii etc.: Legatio Moscovitika sive Hodoporicon Ruthenicum. Francofurti, 1627. * См. Попова, Прав. Обозр. 1878, 2, стр. 300.*

1576. Письмо о Московии, Кобенцеля [17]).

1576—1578. Moscoviae Ortus et Progressus. Auctore Daniele Printz a Buchau, August. Imper. Maximiliani et Rubolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae legato extraordinario. Gubenae anno 1679.

1581 и 1582. Antonii Possevini Societatis Jesu. Moscovia. Antverpiae, 1587.

1583. A briefe discourse of the voyage of Sir Jerome Bowes knight, her Majesties ambassadour to Ivan Vasilivich the Emperour of Muscovia [18]).

---

[14]) Hakluyt, vol. I, 346—368. См. также описания других путешествий Дженкинсона в Россию, помещенные у Гаклюйта на стр. 362—375 и 452—463.

[15]) «Rerum Moscoviticaum auctores varii», p. 154—206.

[16]) Hakluyt, vol. I. 422—432.

[17]) Русский перевод, сделанный проф. Домбровским, помещен в Журн. Мин. Народн. Просв. 1842 г., № 9.

[18]) Hakluyt. vol. I. 5[illegible]—523.

1584—1590. Сокращенный рассказ или мемориял путешествий сэра Джерома Горсея [19]).

1588 и 1589. Дж. Флетчер: О государстве Русском или образ правления русского царя. Лондон. 1591.

1590. Iehann David Wunderee: Reisen nach Dannemark, Russland und Schweden 1589 und 1590 [20]).

Век XVII.

1601—1611. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. Сочинение капитана Маржерета [21]).

1606—1608. Описание путешествия Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургского, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков [22]).

1609—1612. Дневник Самуила Маскевича с 1594 по 1621 год [23]).

1608—1611. Petri Petreji: Historien und Bericht von d. Grossfürst Muschkow etc. [24]).

1634 и 1636. Relation du voyage d' Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse etc. Traduit de l'Allemand par A. de Wiequefort. Tome premier, seconde édition. Paris. MDCLXXIX.

[19]) Перевод начат, но не кончен в «Библиотеке для Чтения» 1865 г., №№ 4 и 6.

[20]) «Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte», herausgeb. von Fichard. Frankf. a. M., 1811. II B., S. 169—255.

[21]) «Сказания современников о Димитрии Самозванце». ч. III

[22]) Там же, ч. II.

[23]) Там же, ч. V.

[24]) «Rerum Rossicarum scriptores exteri». a Collegio Archeographico edit. t. I

1661. Relation d'un voyage en Moscovie, écrite par Augustin Baron de Mayerberg. 2 vol. Paris, 1858 [25]).

1663. La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle etc. vers Alexey Michaïlowitz, czar et grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suède, et Frederic III, roi de Dannemark et de Norvège. Amsterdam. MDCLXI.

1659—1667. Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином (Самуилом Коллинсом), который 9 лет прожил при дворе Великого царя русского [26]).

1668—1670. Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc. Amsterdam, MDDLXXXI° P. Арх. 880, I°.

1671—1673. Якова Рейтенфельса: О состоянии России при царе Алексее Михайловиче [27]).

1675. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majestat. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Annib. Francisc. de Bottoni et Jann Carol. Terlingerenum de Guzmann gesta sunt, strictim recensita per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi, 1676.

1678. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentiss. Poloniae Regis ac Respublicae mandato et consensu, anno 1678 feliciter suscepta, nunc breviter sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato B. L. Tannero Boemo Pragense, Dn. Legati principis camerario germanico. Norimbergae, anno 1689.

1686. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, par Ph. Avril (Societatis Jesu). Paris, 1691 ° Сол. 14,67°.

---

[25]) «Bibliotheque russe et polonaise», vol. I et II.

[26]) «Русский Вестник» 1841 г., №№ 7 и 9; «Чтения Импер. Общ. Истории и Древн. Российских» 1846 г. № 1.

[27]) «Журнал Мин. Нар. Просвещ.» 1839 г., № 7.

1689. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, par Neuville. A la Haye, 1696.

1698 и 1699. Diarium itineris in Moscoviam etc., descriptum a I. G. Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae Austriae, 1700 [28]).* Устр. Ист. II. 4. 82.*

Перечисленные выше сочинения писаны с разными целями, по разным случаям и представляют материал, довольно разнообразный по форме и по содержанию. Путешественники XV века Лануа, Барбаро и Контарини, попавшие в Московию случайно и пробывшие в ней недолго, сообщают немногие беглые заметки о том, что они видели и слышали проездом; такие же беглые заметки путешественников, бывших в Московском государстве проездом, имеем мы и от позднейшего времени: таковы путевые заметки Вундерера, Штрауса и Авриля. Эти заметки любопытны для географии страны по непосредственным, иногда метким наблюдениям над местностью, по которой проезжал путешественник.

---

[28]) Биографические и библиографические подробности об указанных писателях см. у Мейнерса, I, 1—32, у Аделунга и в «Библиографических отрывках». Кроме приведенных сочинений, мы пользовались известиями Михалона Литвина (см. Извлечения из сочинения Михалона Литвина о нравах татар, литовцев и москвитян, в переводе С. Шестакова, «Арх. ист.-юрид. сведений, Н. Калачова, книги 2-ой половина 2-ая), также некоторыми статьями в «Historika Russiae Monumenta» и особенно письмами и записками Московской компании английских купцов, напечатанными в 1-м томе «Сборника» Гаклюйта; указываем здесь страницы, на которых помещены они в издании 1809 года: записка Гасса, 293 и сл., путешествие Ст. Бёрроу к Обн, 306 и сл; заметки Джонсона, 316 и сл; письма компании, 331 и 511; письма ея агентов, 293' 337—341; записка Дена, 345; путешествие Спутама и Спарка, 409 и след.; начало записки о путешествиях в Персию, 471 и нек. друг.

Религиозное движение XVI века заставило римских первосвященников обратить заботливые взоры на восточную Европу, с целью вознаградить себя там новыми религиозными завоеваниями за огромные потери, причиненные римской церкви протестантизмом; этому обязаны мы несколькими записками о Московии, составленными с целью уяснить, какими путями можно было бы провести в Московское государство католическую пропаганду и каких выгод могла ждать римская церковь от успеха в этом деле. Согласно с такой целью, составители упомянутых записок преимущественно говорят о нравственном и религиозном состоянии жителей Московского государства, о церковной иерархии и т. п. Таковы записки Кампензе, Іовия, Фабри и знаменитого иезуита—Антония Поссевина. Достоверного они сообщают мало, ибо писали по чужим рассказам, за исключением Поссевина, который сам два раза был в Москве и посвятил весь свой первый комментарий описанию религиозного состояния Московского государства и изложению планов и средств касательно распространения в нем католичества. Отличительная черта этих записок состоит в том, что составители их, не исключая даже и мрачного Поссевина, особенно выгодно отзываются о религиозном чувстве и набожности русских, только жалеют, что такая теплая вера и истинно-христианское благочестие пропадают без пользы, за границею римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия [29]).

[29]) Сказав о виденных им святынях Новгорода Великаго и о благоговении, с которым чтут их жители, Поссевин продолжает: Abeuntes miseram gentis conditionem commiserati eo amplius sumus, quod tanta erga ejusmodi res pietate ferretur, ut si catholici essent, nihil ad summam religionem eo in genere videri possit desiderandum. «Supplementum ad Historica Russiae Monumenta» № CLXII. p. 398.

В половине XVI века в Англии обнаружилось сильное движение к открытию новых стран и торговых путей: соперничая с Испанцами и Португальцами, английские купцы пытались открыть новый северовосточный проход в Тихий океан. Прохода не открыли, но открыли на северо-восточном краю Европы неизвестную страну, которая потом оказалась Московией; вследствие этого, несмотря на неблагоприятное начало, завязались деятельныя торговые сношения Англии с Московским государством: в Лондоне составилась Московская компания английских купцов (the Moscovie company of the marchants adventurers), которой мы обязаны множеством записок, сообщающих известия о Московском государстве XVI века и напечатанных в первом томе «Сборника» Гаклюйта. Сюда вошли описания путешествий английских послов, ездивших в Москву по делам компании, письма и другие деловые бумаги ее агентов. Содержание и характер этих описаний и бумаг определяется теми практическими целями, которыми руководились их составители: здесь заключается довольно богатый материал для географии Московского государства, преимущественно северного его края, для истории торговли, промышленности и вообще материального состояния страны. Деловому содержанию этих записок соответствует и их изложение, резко отличающееся от прочих иностранных сочинений о Московии: не вдаваясь много в разсуждения об особенностях страны и ее жителей, послы и агенты сообщают в на-скоро писанных, большею частью кратких записках, письмах и отчетах почти одни голые, сухие факты и наблюдения. Зато по достоверности и обилию подробностей эти записки можно отнести к

лучшим иностранным сочинениям о Московском государстве [20]).

Смутному времени мы обязаны несколькими любопытными записками иностранцев о шумных событиях этой эпохи. Некоторые из этих писателей, именно Маржерет, Шаерле, Маскевич и Петрей приложили к запискам о событиях того времени более или менее подробные описания внутреннего состояния Московского государства, не лишенные некоторых любопытных известий; из них особенно можно указать на сочинение Маржерета, который довольно долго жил в России, служа капитаном отряда иноземных телохранителей при Борисе Годунове и первом самозванце, и в сочинении своем сообщает любопытные подробности о московском войске.

Самый значительный по числу и объему сочинений отдел из выписанных выше материалов составляют описания посольств, приезжавших в Москву из разных государств западной Европы, преимущественно из Австрии. К этому отделу принадлежит большая часть и наиболее объемистых иностранных сочинений о Московском государстве. Некоторые из них имеют вид путевых записок, в которых заметки набросаны без строгого порядка: таковы сочинения Ульфельда и Мейерберга; другие, как, наприм., сочинение Флетчера, представляют систе

---

[20]) О возникновении компании и первом прибытии англичан в Белое море см. «Anglorum navig. ad Moscovitas» в «Rerum Moscoviticarum auctores varii». Об открытиях англичан на северовостоке и об их торговых сношениях с Московским государством с 1553 г. см. письмо Лена у Гаклюйта, I, 523 и сл. и «Историю Московии» Мильтона, гл. 5 (в переводе Е. Карновича в «Отеч. Зап.», т. CXXXI).

матическое описание разных сторон государственного устройства, общественной и частной жизни; третьи, наконец, к описанию путешествия и пребывания в Москве присоединяют более или менее подробные очерки истории государства и его современного состояния: таковы сочинения Герберштейна, Олеария, Корба и др. У Герберштейна, Олеария и Мейерберга, кроме заметок о местностях, по которым они проезжали, находим довольно подробные и любопытные географические описания всего Московского государства. Но главный интерес посольских описаний заключается в известиях о тех сторонах жизни Московского государства, с которыми послы приходили в непосредственное соприкосновение: таковы особенно их известия о городе Москве, о московском дворе и его дипломатических обычаях.

Главным источником, из которого черпали иностранные путешественники описываемого времени свои сведения о Московском государстве, служило, разумеется, их непосредственное наблюдение: мы видели, в какой области оно наиболее любопытно и надежно. Немногие из иностранцев знали русский язык и пользовались для изучения истории и современного им состояния Московии туземными литературными памятниками: таков был Герберштейн, хорошо знавший русский язык; в своем сочинении о Московии он поместил в переводе значительные отрывки из русских летописей, из правил митрополита Иоанна, из «вопрошания» Кирика, из Судебника Иоанна III и других русских сочинений, какия ему удалось достать в Москве. Кажется, знали по-русски, хотя немного, Флетчер, Маржерет и Мейерберг; первый часто ссылается на русские хроники и даже приходо-расходные книги приказов. Затем для иностранцев оставался

еще один обильный, но довольно мутный источник, из которого они могли почерпать сведения о Московском государстве: это — изустные рассказы самих русских. Известно, с какой подозрительностью смотрели люди Московского государства на заезжого иностранца; в его старании узнать положение их страны они всегда подозревали какие-нибудь коварные замыслы, а не простую любознательность. Многие иностранные писатели сильно жалуются на это и сознаются, что от самих русских немного можно добиться верных сведений об их отечестве. Русские сановники, замечает Рейтенфельс, посещая иноземных послов, охотно беседуют с ними о разных предметах, но если разговор коснется их отечества, они с таким уменьем преувеличивают все в хорошую сторону, что возвратившиеся иностранцы по совести не могут похвалиться знанием настоящего положения дел в Московии [31]). Для большей части иностранцев, писавших о России в XVII и даже во второй половине XVI века, самым обильным источником служили сочинения прежних путешественников, ездивших в Московию. Особенно много встречается заимствований из Герберштейна и Олеария: компиляторы выписывали из их сочинений известия целыми страницами без всякого разбора, не обращая внимания на время, к которому относились заимствуемые известия; у Гваньино даже все описание Московии есть не более, как почти дословное повторение известий Герберштейна, только расположенных в другом порядке; изредка попадаются скудные добавления самого составителя. При этом нельзя не

[31]) Рейтенфельс, 31.

указать на Олеария, который совершенно иначе воспользовался своим близким знакомством с сочинениями о Московии прежних путешественников: говоря о той или другой стороне жизни Московского государства, он не забывает упомянуть, как описывали ту же сторону прежние писатели, поправляет их, где находит у них неточности или ошибки, указывает, в чем изменилось состояние Московии в его время сравнительно с прежним: эти указания дают Олеарию преимущество пред большею частью других иностранных писателей о Московском государстве, у которых не только не находим ничего подобного, но часто встречаем повторение и даже развитие ошибочных показаний, сделанных предшественниками. Герберштейн первый пустил в ход известие, что русские женщины упрекают в холодности мужей, если те не бьют их; это известие он подтверждает коротким рассказом о немце, женатом на русской, которую он забил до смерти, чтобы дать ей требуемое доказательство своей любви. У Петрея из этого рассказа вышла целая история, украшенная курьезными подробностями.

Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве: за немногими исключениями, они писали наугад, по слухам, делали общие выводы по исключительным, случайным явлениям, а публика, которая читала их сочинения, не могла ни возражать им, ни поверять их показаний: недаром один из иностранных же писателей еще в начале XVIII века принужден был сказать, что русский народ в продолжение многих веков имел то несчастие, что каждый свободно мог распускать о нем

по свету всевозможные нелепости, не опасаясь встретить возражения [32]).

I.

Пределы русского племени и московской государственной области.

Как только западный путешественник XV или XVI века, направляясь из Германии к востоку, заезжал за Одер и вступал в Польские владения, он уже начинал чувствовать переход в другой мир, отличный от того, который он оставлял позади себя. Вместо красивых селений, каменных городов и замков с удобными гостиницами, он чем далее, тем реже встречал маленькие деревянные города и села с плохими постоялыми дворами [33]). Этот переход чувствовался все резче, по мере приближения к восточным пределам польских владений. Количество вод и лесов увеличивалось; жилые места встречались реже, а вместе с этим увеличивалась глушь и неизвестность страны. Если, перешедши Вислу в среднем ее течении, путешественник еще имел перед собой, по направлению к юго-востоку и по юго-восточным берегам Балтийского моря, страны, несколько известные по связям их с Польшей и Ливонским орденом, то далее к востоку слабели и исторические, и географические связи. С какого бы пункта, в котором северо-восточная Европа соприкасалась с западною, ни двинулся путешественник,

---

[32]) «Библиографические отрывки» в «Отеч. Записках», т. XCV, отд. II, стр. 155.

[33]) Барбаро, в «Библиотеке иностранных писателей о России», стр. 63; Контарини, там же, стр. 17.

чтобы пробраться в эти страны, он встречал обширные лесные или степные пустынные пространства, где ему часто приходилось ночевать под открытым небом. Литва, по выражению де-Ланноа, большею частию пустынная страна, наполненная озерами и лесами [31]). Пробираясь через владения Ливонских рыцарей в Новгород Великий, он должен был проехать значительное пустынное пространство «без всяких следов человеческого жилья»; такие же пустыни встретили его на верховьях Днестра и не оставляли потом до самой Кафы [32]).

При таких условиях северо-восточная Европа не могла иметь живых сношений с западною; потому и на западе не могло быть точных и подробных сведений о ней. Писатель первой четверти XVI века, приступая к описанию Московии, должен был сознаться, что западные космографы и географы его времени без стыда и совести рассказывают о северо-восточной Европе всякие небылицы, показывающие, что их сведения о ней недалеко ушли от сказаний древних греческих и римских географов [33]). Но и самому Кампензе не много верных сведений могли сообщить его соотечественники купцы, долго жившие в этих странах: тем менее можно ожидать таких сведений от путешественников XV века. Сводя иностранные известие за XV и первую четверть XVI века, мы находим в них следующие географические представления о северо-восточной Европе.

[31]) «Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy, p. 24.

[32]) Ibid., p. 17, 35.

[33]) Кампензе, в «Библиотеке иностранных писателей о России», стр. 29.

За Польшей на восток и северо-восток лежит обширная страна, ровная, обильная лесами, озерами и реками, во многих местах пустынная и вообще менее населенная, нежели Польша [37]). Более известную часть этой страны, ближайшую к Польше и Литве и подвластную им, составляют Красная и Нижняя Россия [38]); далее на северо-восток, до самых границ Азии, простирается также Россия, называемая Белой Россией или Московией, но независимая, вовсе неизвестная западным космографам и историографам [39]) и составляющая как бы другую часть света; в первой четверти XVI века можно было еще сказать, что имя этой страны недавно стало известно западной Европе [40]). На западе Московия соприкасается с Литвой и Ливонией, от которой отделяется рекой Нарвой и Чудским озером. На юг от Московии, тотчас за Рязанью, тянутся обширные степи, по которым кочуют Татары. К востоку, выходя своими владениями за пределы Европы, Московія соприкасается с Скифией или Азиатской Сарматией, которая за Доном или Танаисом, древней границей Европы и Азии, тянется длинною и широкою полосой по Волге на север до самого океана и населена также Татарами. На севере не указывается определенной границы; говорится только, что с этой стороны Московия простирается до Ледовитого океана под самый север; на этих пространствах живут безчисленные племена в безграничных лесах, которые, не прерываясь тянутся, на северо-восток до Гиперборейской Скифии и никому неизвестно Скифского океана, на расстоянии трех месяцев пути, по

[37]) Барбаро,, 62.

[38]) G. de Lanno, p. 36.

[39]) Кампензе, 12.

[40]) Новий в «Библиотеке иностранных писателей о России», 22.

показанию Русских, от которых заимствовал сведения о Московии П. Новий. В Московии живут Москвитяне и многие другие племена, недавно покоренные ими. На окраинах северо-восточной Европы наших географов оставляют всякие достоверные сведения: по их представлениям, эти страны покрыты не только мраком неизвестности, но и действительным мраком, в котором живут дикие Лапландцы и щебечущие по птичьему пигмеи, неизвестные даже самим Москвитянам. Западные космографы знают, что Москвитяне говорят тем же языком и исповедуют ту же веру, как и Русские, подвластные Польше; но историческая связь тем и другим представляется им уже смутно. Кампензе остается даже в каком-то недоумении, говоря, что весьма многие и доселе считают Русских или Рутенов, подвластных польскому королю, за одно с Москвитянами, основываясь на одинаковости их языка и вероисповедания [1]). Имя Москвитян сближается с разными именами у Плиния, Птоломее и других древних географов, а Татары и другие племена, окружающие Московию с севера и северо-востока, отожествляются с Скифами. Любопытно это постоянное заимствование географических и этнографических названий у древних писателей. Во многих случаях к этому заставляла прибегать необходимость: не знали современных местных названий. Но даже там, где известны были современные туземные названия, видим старания поставить рядом с ними классические, или из последних вывести и объяснить первые. Видно, что исторические воспоминания о северо-восточной Европе, основанные на сказаниях древних, прерывались для западного географа XV или начала XVI в. там, где оставляли его эти руководители, и, описывая современную

[1]) Кампензе, 20.

Россию, он ничем лучше не надеялся уяснить своим читателям собственные известия, как сближая их с классическими сказаниями. Действительно, у известных нам иностранных писателей о России до второй четверти XVI века мы находим самые скудные и смутные исторические сведения об этой стране. Они помнят, что между Борисфеном, Танаисом и Меотийскими болотами было когда-то царство Россов, столицей которого был Киев: это царство с своей столицей было завоевано татарским героем Батыем [42]); они помнят и другого татарского героя-завоевателя Тамерлана, которого называют сыном Батыя. Этим почти и ограничиваются их сведения по истории России до XV века.

Герберштейн первый делает довольно точное определение главного народа, живущего в северо-восточной Европе за Польшей, и довольно подробно обозначает пределы занимаемой ими области. Русскими, говорит он, называются вообще все народы, говорящие по-славянски и исповедующие христианскую веру по обряду греческому; они так размножились, что вытеснили все жившие между ними чуждые племена или распространили между ними свои обычаи. Область этих Русских простирается от Сарматских гор [43]), недалеко от Кракова, по Днестру

[42]) Кампензе, 17, 19.

[43]) Иоанн Ласский так определяет Европейскую Сарматию: Terra Sarmatica procedit a Polonia minori ex parte Occidentis versus Orientem per fluvium Borysthenem magnum ac per totam Sarmatiam Europaeam inclusive usque ad Tanaim et ad insulam Tauricam. Страна по ту сторону Дона известна была под названием Азіатской Сарматіи, которую Ласский называет еще Скифией: Tanais Scythiam et Sarmatiam dividit. -Histor Russ. Monum-., I, № CXXIII. Так же определяет границы Сармати и М. Меховский «Библиографические отрывки», статья 3-я, «Отеч. Зап.», т. XCVII отд. II, стр. 141.

до Днепра и Понта Эвксинскаго; только с недавнего времени на низовьях Днестра и Днепра утвердились Турки и Татары и, благодаря их нападениям на Днепровскую область, христианско-русское население не идет ниже по Днепру далее города Черкас. От городка Черкас граница русского племени идет вверх по Днепру до Киева, потом за Днепр по Северской области и оттуда прямо на восток к верховьям Дона, потом к впадению Оки в Волгу, где можно положить границу распространения христианства с этой стороны, ибо за этим пунктом на восток и юг живут дикие племена магометанской веры, между которыми еще много язычников. Определяя точнее границу государства в этом пункте, Герберштейн полагает ее на р. Суре, отделяющей владения Московские от Казанских; но при этом надо разуметь только нижнее течение Суры, при впадении которой в Волгу великий князь Василий Иванович построил Васильсурск (Basilgorod). От Нижнего вверх по Волге граница идет прямой чертой до северного Океана, оттуда через северные племена, подвластные королю шведскому и государю московскому, по пределам Финляндии, чрезъ Финскій заливъ (Sinus Livonicus), по восточным краям Ливонии, Самогитии, Мазовии и, наконец, Польши, гдѣ пограничная черта возвращается к Сарматским горам (по р. Сану). В Самогитии и Литве Русские перемешаны с чуждыми иноязычными и иноверными племенами; однакож первые и здесь преобладают. Политически эта область Русского племени принадлежит двум государствам: большая часть ее составляет Московское государство, меньшая принадлежит Литве с Польшей. Пограничная черта Литвы и Московии шла в первой половине XVI века по Днепру; правый берег принадлежал

Литве, левый Москве, кроме городов Дубровны и Мстиславля, входивших также в состав Польско-Литовских владений. Определяя точнее эту границу, Герберштейн говорит, что она начиналась въ 12 миляхъ отъ Смоленска со стороны Дубровны, отъ которой считалось до нее 8 миль. На северо-западе граница Московского государства шла по пустынным болотистым пространствам, лежавшим по теченію реки Великой; потому Герберштейн, проезжая этой стороной в Москву, не мог с точностью рассмотреть и определить здесь пограничную черту; он говорит только, что эта черта проходит западнее Корсулы, не доезжая Опочки. Далее на север пограничная черта с Швецией шла по р. Польне, в Корельской стране. О Корелах Герберштейн говорит, что они, находясь между Шведским и Московским государствами, платят дань и тому и другому. В конце века тоже говорит Флетчер о Лопарях, живших севернее Корелы: они подвластны русскому царю и королям датскому и шведскому, которые все берут с них подать; но русский царь имеетъ здесь самое значительное влияние и получает гораздо более доходов, нежели прочие. На северо-востоке граница не могла быть точно определена вследствие постояннаго движения завоеваний и колонизации в этой стране. В русском описании пути к Оби Герберштейн прочитал, что князья тюменские и югорские, племена по Оби и даже далее в глубь Сибири подчинены московскому государю и платят ему дань; но и сам Герберштейн усомнился в вероятности этого, соображая, что эти данники не так еще давно нанесли много вреда Московскому государству своими набегами на его восточные области [44]). В первой половине XVI в.

[44]) Herberstein. «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 1, 2, 60, 77, 76, 86, 90, 103.—Флетчер «О государствѣ Русском», гл. 20-я.

это показание действительно было неверно, но затов ерно выражало постоянное стремление государства, которого историческия условия принуждали двигать свое население все далее и далее на северо-восток, занимая и колонизуя пустынные пространства северо-восточного угла Европы и Северной Азии. Такой же неопределенностью должна была отличаться граница государства и на юго-востоке, потому что эти страны носили отчасти тот же характер и представляли государству ту же задачу, как и страны на северо-восток от него, и если к концу XVI в. северо-восточное движение терялось в безпредельных пустынях Сибири, то на юго-востоке оно несколько раньше достигло, наконец, по крайней мере, въ одном пункте, своего естественного предела.

Позднейшие писатели сообщают нам об окраинах Московского государства более подробные, хотя далеко не полные известия, которые позволяют в общих чертах следить за постепенным его распространением на юг, юго-восток и восток. Во время Герберштейна, Тула была самым крайним городом Московского государства со стороны южных степей, представлявших привольное и просторное поприще для подвигов крымских Татар. Этот степной край обозначается у писателей XVI и XVII в. общимъ именемъ Малой Татарии или Европейской Сарматии. В начале XVII столетия пределы государства с этой стороны простирались уже до Борисова, Белгорода и Царева города [48]). Впрочемъ по прямому направлению къ югу государство вместе с земледельческим населением двигалось медлен-

[48]) Царев-город находился в 8 верстах от нынешнего Изюма. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», часть 3-я, примеч. 15.

нее, нежели по направлению к юго-востоку, где помогал этому прямой и открытый водный путь, шедший изъ средины государства до моря. В первой половине XVII в. граница государства по правому берегу Волги настолько уже отодвинулась от устья Суры к югу и настолько была безопасна, что в Васильсурске, имевшем первоначальным своим назначением отражение татарских набеговъ, можно было не держать гарнизона [46]). В конце XVI в. правый берег Волги от того пункта, где с другой стороны впадает в нее Кама, до Астрахани, назывался «крымским берегомъ» (the Krim Side of Volga), который составлял восточный предел области крымских Татар, простиравшейся на запад до Днепра и далее, между южными пределами Московского государства и берегами Черного и Азовского морея. В XVII в. мы уже не встречаем этого названія, а встречаем по Волге ряд московских городов, возникших в конце XVI в. [47]). В XVII в. граница государства значительно углублялась в юго-восточный уголъ, в горную область между Каспийским и Черным морем. Герберштейн знает Черкас (Circassi seu Ciki), обитавших в горах за Кубанью (Cupa), смелых пиратов, которые по рекамъ, текущим с этих гор, выезжали в Черное море и грабили купеческие корабли, плывшие изъ Кафы в Константинополь и обратно. Эти Черкасы не подчинялись ни Туркамъ, ни Татарамъ; в Россіи сказывали Герберштейну, что эти горцы христіане, в религіозных обрядах сходны с Греками и отправляют богослуженіе на славянском языкѣ, который есть вместе и разговорный их языкъ [48]) Въ XVII в.

[46]) Olearius 282.
[47]) Hakluyit's Collection, I, 472
[48]) Herberstein 74.

обитатели этих гор сохранив прежнее имя, были уже магометанами. Под именем Черкас известны были также полумагометанские и полуязыческие обитатели страны, простиравшейся къ северу от закубанских горцев, между берегами Каспийского моря и Кавказским хребтом. Здесь с конца XVI в. стало утверждаться чрез Астрахань влияние Московского государства, сосредоточивавшееся в Терском городе [49], который Олеарий называет крайним пунктом московских владений. С того же времени влиянию Московского государства открывался путь и далее, на Закавказье, но это влияние не могло утвердиться там прочно по отдаленности этих стран, хотя имена некоторых из них еще с конца XVI в. вошли в титул Московского государя.

Прочнее и быстрее распространялись пределы государства на востоке. Страна на восток от Волги обозначается у иностранцев общим, неопределенным именем Татарии или Азиатской Сарматии. Часть ея к югу от бывшего Казанского царства, от Камы до Каспийского моря, между Волгой и Яиком, составляла степную страну ногаев или мангат [50]). Главным пунктом этой страны была Астрахань. Любопытно, что некоторые иностранцы въ XVII веке, при описании этого края, удерживают одно географическое название, хотя предмета, им обозначившегося, давно уже не существовало: на левой стороне Волги они указывают место древнего Болгарского царства и довольно обстоятельно определяют границы

---

[49]) Terki, под 43° 23 с. ш., по определению Олеарія, на маленькой речке Темевке, рукаве большой реки Bostro (стр. 338).

[50]) Olearius, 315 — Haclayt I, 363 — А. Джеккинсон, несколько раз ездивший по Волге в Персию и Бухарию, говорит, что пределы Ногайской области простирались к юго-востоку до Туркмении.

его области: по их словам, это царство находилось между царством Казанским и Астраханским, простираясь между р. Камой и Самарой, от Волги до Яика. Столицей его был большой город Болгары, на левом берегу Волги, в XVII веке он был уже селом и имел смешанное население, состоявшее из Калмыков, Мордвы и Русских [31]). В северной полосе Ногайской страны обитали Черемисы; южная, большая половина ея, была местом кочеванья ногайских орд. Сюда же, в прикаспийские степи на восток от Астрахани, повременам приходили из-за Яика Калмыки, тревожа своими разбоями Черемис и Ногаев [32]). Нельзя, разумеется, ожидать от иностранца точности и определенности в показаниях о расселении этих бродячих племен, чему мешал самый образ жизни последних. Герберштейн неопределенно говорит, что за Волгой живут Татары, называемые Калмыками; но в его время Калмыки еще не успели перебраться из-за Яика всей массой и появлялись здесь отдельными толпами; преобладающим кочевым племенем на этих пространствах и в XVII веке долго оставались Ногаи, которые потом уступили приволжские степи Калмыкам, удалившись на запад, к низовьям Днепра. Из слов Штрауса можно заключить, что Калмыки во второй половине XVII века не появлялись севернее Саратова и постоянно враждовали с Ногаями [33]). Еще более смутны показания о племенах,

---

[31]) Olearius, 292. – Mayerberg. II. 79—80.—Struys. 150. На карте, приложенной к книге Авриля, Болгары помещены между Казанью и Самарой. На этой карте стоит надпись: tirée de l'original de la chancellerie de Moscou.

[32]) Avril. 99.—Struys. 164.

[33]) Struys. 162: C'est en ce lieu (около Саратова) qu'on commence a voir de ces derniers Calmuques).

обитавших на север и северо-восток от Ногайской страны. Герберштейну сказывали в Москве, что за Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермью, живут Татары тюменские, шибанские и казацкие; из них тюменьские обитают в лесной стране, простирающейся прямо к востоку от Перми [34]).

Кроме тюменьских Татар, в Москве известны были в первой половине XVI в. по ту сторону среднего Урала имена Обдорской и Кондийской земли, которые скоро включены были в титул государя. В русском описании пути к Оби Герберштейн читал, что в области Иртыша, кроме Тюмени, есть город Ierom. По реке Сосве (Iossa) и к северу от нея по Оби живут Вогуличи и Угричи; в области первых есть город Lepin. В том же описании сообщаются смутные, перемешанные с сказочными подробностями известия о других сибирских племенах, живших далее к востоку, в области верхней Оби и Енисея. На расстоянии двух месяцев пути от устья Иртыша находится город Грустина; здесь живет народ Грустинцы;

---

[34]) Herberstein, 74: Ultra Wiatkam et Kazan, ad Permiae vicinam Tartari habitant, qui Tumenski, Schibanskii et Casatzki vocantur.— Мейнерс («Vergleichung», I. 74) разумеет под шибанскими Татарами Татар хивинских; но соседство с Пермью, в которое ставит Герберштейн шибанских и казацких Татар, показывает, что нет нужды искать первых так далеко. Теми же самыми пределами ограничивает он область, которую называет Сибирью, помещая ее и на карте и в описании страны в области верхняго Яика, по обе стороны Южных Уральских гор, т. е. в нынешней Оренбургской губернии, в том крае, который еще в первой половине XVII в. известен был в Москве под именем Башкирии. В таком случае не будет затруднения признать в Татарах казацких Киргиз-кайсацкия орды, жившия в ближайшем соседстве с Башкирами.

от их города до озера Китайского, по реке Оби, вытекающей из этого озера, более трех месяцев пути. В Лукомории, горной и лесной стране, лежащей за Обью подле Ледовитого Океана, есть город Серпонов, где живет другой народ Серпоновцы; с Грустинцами и Серпоновцами ведут немой торг черные люди, лишенные дара слова человеческого, которые приходят от озера Китайского с разными товарами, преимущественно с жемчугом и драгоценными камнями. В Лукомории живут другие дикие люди, с одним очень странным и баснословным свойством; разсказывают, что каждый год в ноябре они умирают или засыпают, а на следующую весну, в апреле, оживают, подобно лягушкам или ласточкам. Грустинцы и Серпоновцы торгуют и с ними, но особенным образом. Когда настает урочное время зимнего засыпания, Лукоморцы кладут в известном месте свои товары и скрываются; Грустинцы и Серпоновцы приходят и берут эти товары, оставляя взамен их свои, в соразмерном количестве. Если же Лукоморцы, проснувшись, найдут, что их обманули, что оставленное ими не стоит взятого, они требуют назад свои товары; от этого происходят у них частые ссоры и войны с Грустинцами и Серпоновцами [33]). С гор Лукомории течет большая река Cossin, при устье которой стоит город того же имени. Оттуда же вытекает другая река Cassima, которая впадает в большую реку Tachnin; за этой последней, как разсказывают, живут также необыкновенные люди, из которых одни по-

[33]) Подобную немую торговлю еще недавно вела одна отрасль Тунгусов, обитающая в северных частях Енисейской губернии и Якутской области. О значении Грустинцев и Серпоновцев см. «Географ. извест. о древн. России» в «Отеч. Зап.» 1853. № 6.

крыты шерстью, как звери, у других собачьи головы, у некоторых вовсе нет ни головы, ни шеи, лицо помещается на груди; ног также нет, а есть длинные руки [56]).

Такие представления существовали в Москве в первой половине XVI века о стране, куда скоро должна была направиться русская колонизация. Подобные же представления о северной Азии издавна распространены были и в остальной Европе. Если Герберштейн, относясь к ним с недоверием, не находит однакож возможности совершенно отвергнуть их, то писатели XVII века пытаются уже по возможности объяснить эти баснословные рассказы. В Посольском приказе, в Москве, Олеарий говорил с двумя Самоедами, понимавшими по-русски, которых соплеменники их послали к царю московскому с подарками; эти Самоеды передали Олеарию подробности об образе жизни своего племени, и ими он объясняет некоторые баснословные рассказы о северных странах. Рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью и т. п., по его мнению, произошли от того, что жители берегов Ледовитого Океана носят особенного рода верхнюю одежду из звериных шкур, обращенных шерстью наружу; она закрывает тело с головы до ног и имеет один разрез около шеи; рукавицы пришиваются к рукавам, так что когда в зимнее время дикарь наденет эту одежду, у него видно только лицо из отверстия около шеи [57]). Подобным образом объясняет Олеарий и басню о северных жителях, умирающих на зиму, применяя объяснение к образу жизни ближайшего и более известного ему племени Самоедов. Они живут в шалашах, построенных на

---

[56]) Herberstein. 60—61.

[57]) Olearius. 127.

половину в земле, с отверстием вверху, которое служит им трубой, а в продолжение зимы и дверью, ибо снег совсем засыпает обыкновенный выход. Тогда Самоеды скрываются в своих шалашах, редко вылезая на открытый воздух, и сообщаются между собой подземными ходами, которые они прокапывают от одного шалаша до другого. Такую подземную жизнь они переносят тем легче, что в их стране зимой несколько месяцев продолжается непрерывная ночь. Эта особенность, заключает Олеарий, и послужила основанием басни о народах, умирающих на зиму и оживающих весной [58]). Во второй половине XVII века подобные рассказы считались уже сказками старух, по выражению Мейерберга. Между тем тот же Мейерберг называет Самоедов людьми, которые едят друг друга, хотя Олеарій, на которого он при этом ссылается, говорит об этом, как о прошедшем, не решаясь признать, чтобы так было и в его время [59]).

Жилища Самоедов простирались от р. Печоры до Каменного или Земного пояса (Северного Урала), Вайгачского пролива и Татарского моря [60]), далее за Урал, по обеим сторонам р. Оби, т. е. занимали две области, Югорию,—между Печорой и устьем Кары, и Обдорию, по Оби [61]). В Печорской области, кроме Самоедов, живут Папины, около Пашинова города. Весь приморский край

[58]) Ibid, 125—126.

[59]) Mayarberg II, 99.—Olearius, 125 ils (Русскіе) vouloient marquer par là (названіем Самоѣдов) que ces les estoient anthropophages; parcequ'en effet ils mangeoient de la chair humaine, et mesmes celle de leurs amis trespassez, qu'ils méloient et maugeoient avec la venaison.

[60]) Такъ называетъ Олеарій, вероятно, Карское море.

[61]) Herberstein. 60.—Olearius, loc. cit.—Hakluyt, I. 317.

от Урала до границ Норвегии, с находящимися к северу островами Ледовитого океана, сделался достоянием географии только со второй половины XVI века, благодаря экспедициям, предпринятым компанией английских купцов для открытия новых стран и рынков [62]). К западу от Белого моря, по Мурманскому берегу, лежитъ Лапландия, крайние пункты которой суть Нордкап, Святой Нос (Cape Grace) и Кандалакса. Обитающие на этом пространстве Лопари охотно давали дань чиновникам, посылавшимся сюда из соседних государств Датского, Шведского и Московского: этим средством Лопари надеялись приобрести себе право оставаться в покое от нападений этих государств: так прост и миролюбив этот народ, замечает один из агентов английской компании, описывая Лопарей [63]). В области мурманских Лапландцев главным пунктом служил Вардгуз, далее которого к западу запрещено было ходить Русским. В Лапонии, принадлежавшей московскому государю, важными в торговом отношении пунктами были Кола и Кегор [64]). К югу от Лапландии, до пределов Новгородской области простирается Карелия, несколько раз делившаяся и переходившая из рук в руки между двумя соседними госу-

[62]) Новая земля и Вайгачъ впервые были открыты и описаны англичанами въ 1556 году Hakluyt I, 306.

[63]) Hakluyt, I, 467. — Флетчер говорит, что Русскіе делили Лопарей на мурманских или норвежских, и диких. Ср. слова Р. Джонсона, Hakluyt, I, 316, in which lande (Lappia) be two manner of people, that is to say, the Lappares and the Scrickfinnes, which Scrickfinnes are a wilde people which neither know God nor yet good order.

[64]) К северу от Колы. Hakluyt, 329

дарствами [65]). С этой стороны граница между Швецией и Московией около половины XVII века проходила в нескольких милях к югу от Нотебурга [66]). Граница с Ливонией шла по р. Нарове, Чудскому озеру и Нейшусу, далее к югу пролегала по полям не далеко от Печорского монастыря (в Псковск. губерн.) [67]). Граница с Польшей в XVII веке менялась неоднократно. После смутного времени она опять отодвинулась от среднего Днепра ближе к Москве, оставив за собой Смоленск и Северскую область, и только во второй половине XVII века возвратилась на Днепр, захватив сверх Смоленска с Северской областью и восточную половину Малороссии с Киевом. Со стороны Смоленска она шла даже западнее Днепра, именно по небольшой речке за Шкловом [68]).

Во второй половине XVII века так обозначали пределы Московского государства. К востоку оно граничит с реками Обью и Днепром; к югу с Малой Татарией или степями крымских Татар, от которых отделяется реками Донцом, Десною и Пселом; к западу с Литвою, Польшей, Ливонией и Швецией по Днепру и Нарове; к северу граница заходит за Полярный круг и идет по Ледовитому Океану [69]). Заключающееся в этих пределах простран-

[65]) Hakluyt, I. 318.

[66]) Olearius. II. ср. Herberstein, 56.

[67]) Mayerberg. I. 63. Во второй половине XVII в. граница с этой стороны заходила на некоторое время далее Чудского озера к западу, захватывая Дерпт и некоторые другие города Ливонии.

[68]) Tanner, 26.—Avril 284.—Korb. 29. Пограничным литовским городом с этой стороны был Kadzin на реке Brzeza.

[69]) Lyseck, 2: Terminos habet ab ortu communes Europae fines, h. e. Obum et Tanain fluvios. Автор описания посольств Карпиня с большей точностью передвигает древнюю границу Европы по Дону, далее к востоку, на нижнее течение Волги, où il separe l'Europe d'avec l'Asie. P. 25.

ство известно было в западной Европе под именем Московской или Великой России, чаще же называлось Московией [70]). Московское государство в XVII веке было самым обширным из всех Европейских государств: оно простиралось на 30 градусов или 450 немецких миль в длину и на 16 градусов или 240 миль в ширину [71]). * *108.000 кв. м.* X*).

II.

Прием иностранныхъ послов в Москве.

Иностранные известия XV и XVI в. застают Московское государство в тот многознаменательный период его развития, когда оно, прочно утвердившись в своей первоначальной основной области и собрав средства и силы, обнаруживает в бо́льших размерах стремление к распространению этой первоначальной области и быстро присоединяет к ней окрестные независимые княжества, с другой стороны, в то же время образовав сильную верховную власть, дает ей окончательную победу над враждебными ей родовыми и дружинными притязаниями, завещанными прежней историей. Таким образом два главные явления, тесно связанные между собою, характеризуют внутреннее государственное движение означенного вре-

[70]) La grande Russie ou la Russie Moscovite, ordinairement nommée la Moscovie. Mayerberg. II, 37.

[71]) Olearius III.—Lysec k. 2. Полагают, что в начале XVII века Московское государство заключало в себе до 154.894 квадр. миль, тогда как в половине XV века оно заключало не больше 15.000 квадр. миль. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, примеч. 5.

мени: объединение северо-восточной Руси под властью московского государя и торжество самодержавия этой власти. Но прежде, нежели войдем в подробности, которые сообщают иностранцы о Московском государстве, познакомимся с порядком приема иностранных посольств, приходивших к московскому государю и потом распространявших у себя дома сведения о виденном и слышанном в Московии. Это познакомит нас с первыми впечатлениями, которые испытывали западные европейцы в Московии, и вместе укажет нам, как московские люди, особенно московское правительство относились к заезжим иностранцам, как старались держаться перед ними и в каком виде представляли им положение своей страны.

Иностранный посол из более отдаленных западноевропейских государств был в XV в. редким необыкновенным явлением в Москве; с XVI в. эти послы стали появляться здесь чаще и чаще, но и тогда появление их задавало важную работу разным служилым людям государства и занимало не одно заседание государевой думы. Приезд иноземного посла, кроме того, имел часто и важное торговое значение: часто вместе с посольством приезжал целый караван купцов с иностранными товарами.

Иностранные описания этих посольских поездок с Запада в Москву наполнены рассказами о лишениях и опасностях, которые посол встречал на своем пути. В конце XVI в., когда дорога в Москву была несколько уже проторена для западного посла, Поссевин, зная по опыту ее трудности, старается однакож ослабить господствующее о них представление и говорит, что на этом пути не приходится переезжать ни чрез моря, ни чрез высокия горы, так что посол может доехать до самой столицы Московии на том же экипаже, на котором он выехал из

Рима [72]); но западно-европейскому путешественнику, ехавшему в Москву, сдвали было легче от того, что ему на этом пути не приходилось пересажать через моря, а отсутствие высоких гор с избытком вознаграждалось обширными лесами и пустынями без следов дороги, где ему не раз приходилось ночевать под открытым небом.

Послы из западной континентальной Европы ехали в Москву обыкновенно чрез Польшу и Литву; в Кракове, если дело было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались две большие дороги к Москве: одна более длинная, но менее трудная, шла чрез Ливонию на Новгород, другая кратчайшая, но сопряженная с большими трудностями, шла чрез Минск, Борисов, Оршу, Дубровну на Смоленск и оттуда через Дорогобуж, Вязьму и Можайск. Герберштейн в 1516 году избрал третий, средний путь—из Вильны на Полоцк и оттуда чрез Опочку и Новгород; но, кажется, он сильно раскаялся в этом, потому что ему пришлось ехать глухим лесным краем, пограничным между Литвой и Московией, и потому страшно разоренным набегами с обеих сторон, небезопасным от разбойников и наполненным таким множеством озер, болот и рек, что и сами туземцы, по его выражению, не знают им ни числа, ни названий. Этот путь от Вильны до Новгорода он проехал в марте в 22 дня; оттуда в апреле в неделю доехал до Москвы.—В начале второй половины XVI в. англичане впервые проехали в Москву с севера, Северным Океаном и Белым морем; но русские послы уже в конце XV в. ездили этим путем в Данию.

[72]) A. Possevini «Moscovia», p. 84

Подъезжая к Московским пределам с запада, посол посылал в ближайший Московский город известить о себе наместника, при чем объявлялось, какого он звания, как велика его свита и каким облечен он достоинством или характером. В Москве строго различали три степени посольского достоинства: высшее достоинство принадлежало большому или великому послу, ниже было звание посланника, последнею была степень гонца. С различием этих степеней сообразовался самый прием посла. Когда пристава узнали, что Мейерберг, объявивший себя на границе цесарским посланником, в грамоте императора прописан большим послом, они не знали, как принимать его и просили вывести их из затруднения, точнее объяснив им свой характер. Наместник тотчас послал с известием о посольстве к государю, а навстречу послу отправлял более или менее значительного человека со свитой, смотря по характеру посла и по важности того государя, от которого шел он. Посланный, в свою очередь, посылал с дороги кого-нибудь из своей свиты объявить послу, что навстречу ему идет большой человек, который дождется посла в таком-то месте. Большой человек встречал посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шаг не сторонился, чтобы дать проехать иностранцам, которые должны были при проезде сворачивать с дороги. Зимой, когда такой объезд был не очень удобен, подле дороги расчищали снег, чтобы дать послу возможность проехать мимо, не завязнув в снегу. Сошедшись, обе стороны, прежде чем начать объяснение, должны были сойти с лошадей или экипажей, о чем послу делалось внушение заранее; отговориться от этого нельзя было ни усталостью, ни болезнью, потому что—объясняли встречавшие—ни говорить, ни слушать, что говорят от имени

государя, нельзя иначе, как стоя. При этом, оберегая честь своего государя, московский большой человек тщательно наблюдал, чтобы не сойти с лошади первым, от чего часто происходили важныя недоразумения и споры с иностранным послом. Когда все спешивались, большой человек подходил к послу с открытой головой и в довольно длинной речи извещал его, что он послан наместником великого государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли он ехал. При этом, где случалось упоминать имя государя, сказывался его титул с перечислением главнейших княжеств. Затем посланный протягивал послу руку и, дождавшись, пока тот обнажит также голову, уже неофициально спрашивал его, благополучно ли он ехал. Наконец, сев на лошадей или в экипажи, посол с свитой отправлялся объездом мимо большого человека, который при этом справлялся об имени и роде посла и каждого из его свиты, также об именах их родителей, о месторождении, какой кто знает язык, из какого звания, не родственник ли послу и т. д., о чем тотчас в подробности писали в Москву. За послом и его свитой двигались, на значительном от нихъ разстоянии, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы никто из иностранцев не отставал от своих. Ехали обыкновенно очень медленно, в ожидании ответа из Москвы, что иногда выводило послов из терпения. Герберштейн на расстоянии 12 нем. миль от границы до Смоленска почевал три раза, дважды под открытым небом на снегу. Проводники готовили ночлег и доставляли все нужное. В больших городах, например, Смоленске, Новгороде, наместники угощали послов разными родами вин и медов и если посол был от важного государя, дружбой с которым дорожили, его допускали в крепость города, делая

ему честь пушечной пальбой. В Смоленске или Новгороде посла встречали обыкновенно пристава из Москвы и провожали до столицы. Если ответ из Москвы не приходил долго, то пристава под разными предлогами старались как можно долее проволочить время, не двигаясь вперед. Съестные припасы доставлялись иногда вместе с приставами из Москвы и следовали за посольскимъ поездом, потому что в пустынной стране, по которой лежала иногда дорога, их трудно было доставать в местах стоянок. Случалось, что, благодаря дорожным приключениям, или корыстным расчетам приставов, послы оставались на целый день без пищи; между тем пристава строго смотрели, чтобы посолъ ничего не покупал дорогой. Однажды это так раздражило Герберштейна, что он пригрозил разбить приставу голову, если он не будет лучше заботиться о пище, или не позволит покупать ее у местных жителей.

По обычаям московского двора, иноземное посольство, с самого вступления на почву Московского государства, освобождалось от всяких путевых издержек. Не только продовольствие посольства, но и перевозка его до столицы производилась на счет московского государя. Для последней цели по главным дорогам устроены были ямы или станции, которые ставили для посольства известное количество верховых лошадей и подвод для перевозки посольства и его багажа. Подводы состояли из телег, запряженных каждая в одну лошадь. С этими подводами приставам и посольству было не мало хлопот. Подводчики, стараясь избавиться от повинности, иногда тайком убегали от посольства, уводя с собой лошадей или даже бросая их на волю посольских служителей. Корб советует строго смотреть за ямщиками при сменах, чтоб

они что не стащили у посольства, потому что, замечает он, эти извозчики страшные воры. Другое затруднение происходило от дурного состояния дорог: мосты чинили иногда во время самого проезда послов, при чем происходили шумные сцены у приставов с местными поселянами [73]). В полумили от Москвы послу объявляли гонцы, что в таком-то месте ждут его большие люди от государя, пред которыми надо сойти с лошадей или экипажей на землю. Придворные, выезжавшие навстречу послу, старались более всего повести дело так, чтобы посол первый обнажил голову, первый вышел из экипажа, или слез с лошади: это значило оберегать честь государя. Если посол не знал хорошо обычаев московских дипломатов, он не обращал на это внимания и много проигрывал во мнении последних. Но послы, знавшие, какое значение придавали в Москве этим формальностям, особенно польские, принимали подобные же меры с своей стороны и оттого при встречах происходили безконечные, часто шумные ссоры. В ожидании посла, высланные встречать его стояли на дороге длинным рядом и когда обе стороны спешивались и сходились вместе, один из больших людей от имени государя (при чем сказывался уже полный титул) справлялся о здоровье государя, от которого ехал посол; другой таким же образом извещал, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставлении ему всего нужного. Если послов было двое или более, то с такими речами обращались к каждому отдельно. Затем первый прежним официальным образом справлялся от имени своего государя, благо-

---

[73]) Korb, 36.

получно ли посол ехал; другой представлял ему оседланных лошадей в подарок от государя. Пока говорили эти речи и отвечали на них, обе стороны стояли с открытыми головами, потом подавали друг другу руки и неофициально повторяли взаимные приветствия. Затем обе стороны садились на лошадей или в экипажи, при чем вся ловкость московских приставов устремлялась на то, чтоб прежде посла надеть шапку, первым вскочить на лошадь или в экипаж. Чтоб вернее успеть в этом, прибегали ко всевозможным уловкам: Олеарий рассказывает, что при встрече турецкого посла в 1634 г. последнему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сесть скоро. По переезде чрез Москву-реку поезд встречали многочисленные толпы народа, сбегавшегося изъ города и окрестностей. Как здесь, так и в других значительных городах при проезде иностранных послов, по приказу государя, обыкновенно собирали народ в город из окрестных селений, в праздничном наряде, чтобы этим внушить послам выгодное понятие о населенности страны и зажиточности ее обитателей. В самых городах при этом случае запирали лавки, торговцев и покупателей гнали с рынка, ремесленники прекращали свои занятия и наполняли улицы, по которым проезжало посольство.

В XVII в. еще чаще, нежели в XVI-ом, стали являться в Москву блестящие посольства из западной Европы, и в Москве старались принимать их с соответствующим великолепием и торжественностью: это был лучший случай блеснуть пред чужими людьми и внушить гостям самое выгодное понятие о хозяевах. Вследствие этого, обрядность приема усложнялась еще более. Посольство до въезда в столицу останавливалось в каком-нибудь из подмосковных сел, чтоб приготовиться к торжественному въезду. Посоль-

ство выступало в сопровождении многочисленного московского конвоя; при въезде английского посольства в 1664 г. ехали 200 саней, кроме посольских служителей, шедших пешком. Послов с обеих сторон окружали пристава. — По мере приближения поезда посольского к Москве, его встречали один за другим отряды всадников, в одежде разных цветов; они выстраивались по обеим сторонам дороги, по которой двигалось посольство. Последний отряд, встречавший его под самым городом, был самый великолепный: это были «жильцы», на белых лошадях, одетые все в красное платье, с особенным украшением назади, похожим на крылья, которое некоторые иностранцы находили очень красивым [71]). Назначалось место, где посольство должны были встретить придворные сановники, и чтобы обе стороны могли прибыть сюда в одно время, перед посольством взад и вперед скакали гонцы из города с приказами ускорить или замедлить, а иногда вовсе остановить на несколько времени движение поезда. Оттого поезд двигался очень медленно: английское посольство, вступая в Москву, 6 февраля 1664 г., с 2-х часов до ночи не могло проехать 3-х верст. Встретившись с упомянутыми сановниками и исполнив обычные формальности, послы вместе с новыми своими приставами перемещались в экипаж, обыкновенно высылавшийся для этого из дворца. Иностранцы подробно описывают взятые с казенного двора великолепные одежды, в которых являлись пристава и вся их свита; но особенно удивлялись множеству и богатству украшений, которыми покрыты

[71]) Это были особенного покроя терлики, которые надевали конные «жильцы» при торжественных придворных случаях. См. «Описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ», ч. I, примеч. 166.

были лошади московских сановников и всадников. При въезде в город посольская и московская музыка, непрерывавшаяся с самого начала поезда, начинала играть громче. По обе стороны улиц, по которым проезжало посольство, стояло рядами несколько тысяч стрельцов. Такое событие, как въезд великолепного иностранного посольства, не могло не возбуждать любопытства в жителях Москвы. Они высыпали из домов, и во множестве покрывали улицы, лавки, окна и кровли домов. При въезде польского посольства 1678 г., отличавшегося особенной пышностью, между зрителями видно было даже много девиц, набеленных и нарумяненных. Можно было подумать, замечает Мейерберг при описании своего въезда в Москву, что в это время ни одной души не оставалось в домах.

Западная Европа более и более привлекала к себе любопытство московских людей, а чтобы удовлетворить этому любопытству, посмотреть на ея представителей, понемногу начинали жертвовать вековыми предубеждениями, и со второй половины XVII века встречаем известия, ярко рисующие это стремление. Областные правители, при проезде иностранного посольства, начали чаще нарушать принятый обычай не видеться лично с послами; воеводы открывали им доступ в крепости, приглашали к себе на пир, отваживались даже показывать иностранцам своих жен, исполнявших при этом все обычаи, которыми сопровождалось явление хозяйки пред почетными гостями. Рассказывают об одном смоленском воеводе, который, при въезде посольства в город, переодетый вмешался в толпу крестьян, помогавших поднять опрокинувшийся экипаж посольства. То же любопытство проникало и в такую сферу, где самое общественное положение заставляло с особенной строгостью держаться в пределах принятых обычаев.

При въезде Карлиля в Москву в 1664 году, царь с царицей и детьми решились тайком посмотреть на блестящий поезд и для этого поместились где-то у ворот кирпичной стены, чрез которые должно было проехать посольство. Так как въезд происходил ночью, то около этого места улица была ярко освещена. Перед самыми воротами пристава выдумали какой-то предлог к остановке поезда, продолжавшейся около четверти часа, чтобы дать царю и его семейству время насмотреться на иностранцев. Царица Наталия Кирилловна упросила царя в 1675 г. назначить аудиенцию цесарскому послу де-Боттони в селе Коломенском, где ей удобнее было смотреть на посольство, и, приближаясь к селу, пристава нарочно вели поезд не прямой дорогой и замедляли его движение, чтоб царица дольше могла любоваться зрелищем из дворцового сада. Впродолжение аудиенции, она, поместившись на постели в соседней комнате, смотрела чрез отверстие в двери на представление посольства; но маленький Петр выдал мать, неосторожно растворив дверь прежде, чем посол успел выйти из приемной залы. Наконец в 1698 г. с той же целью решились провести посольство чрез Кремль, что изумило и иностранцев, и москвичей [73]).

В XVI веке в Москве отводили посольству квартиру в пустом здании без мебели, даже без постелей. Когда Герберштейн напомнил об этом приставам, они отвечали, что у них не в обычае давать послам постели. Пристава каждый день приходили к послу, спрашивая, не терпит ли он в чем недостатка. Съестные припасы приносил дьяк, особо для того назначенный. В обращении с послами

[73]) Olearius, 24 и след. — Matterberg I, 97. — Carlisle, 120. — Lysseck, 34, 48 и след. — Tanner, 43—49. — Korb, 40.

пристава наблюдали строгое различие, смотря по тому, откуда и с каким характером приезжал посол: с большим послом обращались не так, как с посланником или гонцом; с послом немецким не так, как с польским, литовским, и проч. Также строго до мелочей определено было количество всех припасов, выдававшихся послу ежедневно, хлеба, соли, мяса, перцу, овса, сена и даже дров для кухни. Если посол хотел купить что-нибудь на рынке, пристава очень сердились и всеми мерами старались не допустить до этого, говоря, что это значит наносить бесчестье государю. Спустя дня два по приезде, пристава выведывали чрез переводчиков, что намерен посол дать им в подарок, прибавляя, что они должны донести об этом государю. Поссевин сильно жалуется на их назойливость в этом случае и советует или прямо отказывать им, или обещать с условием, если будут хорошо вести себя [76]).

Квартира послам обыкновенно отводилась вне Кремля; останавливаться в Кремле не дозволялось. Контарини, по ходатайству русского посла, с которым он возвращался из Персии, приехав в Москву, поселился-было в доме приятеля своего Аристотеля, недалеко от дворца, но через несколько дней получил приказ перебраться из Кремля на посад [77]).

Известия XVII века подробнее описывают и помещение и содержание послов в Москве. Посольству, с которым в 1634 г. приехал в Москву Олеарий, отведено было помещение в двух обывательских домах в Белом городе, потому что случившийся перед этим пожар истре-

---

[76]) Herberstein.—Possevino.

[77]) Контарини, 108.

был дом, в котором обыкновенно останавливались иностранные посольства. Во время пребывания Олеария в Москве этот дом был возобновлен. Усиление дипломатических сношений с иноземными дворами заставило подумать об устройстве для иностранных посольств помещения более просторного, более соответствовавшего достоинству государя и блеску его двора. Вследствие этого при Алексее Михайловиче построено было великолепное каменное здание, которое подробно описывает Таннер. Этот новый посольский двор находился в Китае-городе, недалеко от Кремля [78]). Это было обширное здание в 3 этажа, с 4 башенками по углам. Над подъездом возвышалась пятая, большая башня, вокруг которой устроены были в 3 ряда, один над другим, балконы («гульбища»), откуда открывался красивый вид на Москву. В этом здании в 1678 г. без труда поместилось с экипажами и лошадьми польское посольство, состоявшее более чем из 1.500 человек. Среди здания находился квадратный двор, с колодезем посредине. В комнатах вокруг стен шли лавки; в одной палате посредине стояли длинные столы с такими же длинными скамьями, покрытыми, как и лавки, красным сукном. Таким же сукном обита была нижняя часть стен над лавками, сколько могла захватить спина сильного человека. В одной из внутренних комнат стены обиты были златотканными обоями, на которых изображалась история Самсона. Двое обширных сеней служили местом прогулки и приемными залами. Окна в здании были узки и малы, пропускали скудный

[78]) Мейерберг замечает, что он находился недалеко от церкви Ильи Пророка, куда бывал торжественный царский выход 20 июля. I, 156.

свет; в них было больше железа и камня, нежели стекла, снаружи к ним приделаны были железные ставни. При доме были три обширные кухни с кладовыми, погребами и прочими хозяйственными принадлежностями [79]).

Во все время пребывания послов в Москве их окружали самым бдительным надзором. При дверях занимаемого ими дома ставились «караульщики», особые приставники сопровождали иностранцев, когда они по каким-нибудь делам выходили со двора, что впрочем не дозволялось без уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опасного подозрения, приходить к послу и говорить с ним по частным делам; даже когда кто-нибудь из посольства заболевал, к нему не допускались или редко допускались придворные лекаря из иностранцев,—единственные тогда лекаря в Москве [80]).

Все иностранцы XVI века, ездившие послами в Москву и описавшие свои поездки, с большей или меньшей горечью жалуются на дурное обращение с ними московских приставов, на стеснения, которым посол подвергался в Москве,—говорят, что с ним обращались презрительно, держали его скорее как пленника, нежели как министра иностранного государя, едва позволяли ему выходить из квартиры с провожатыми, которые зорко следили за каждым его шагом. Олеарий, всегда так аккуратно отмечающий перемены и улучшения, замеченные им в жизни современного ему Московского государства сравнительно с прежним временем, знает все неудобства, которым в былое время подвергались в Москве иностранные послы; но он оговаривается при этом, замечая, что в его время

[79]) Olearius. 25. 40.—Tanner, 50 и след.

[80]) Possevino, 36, 37, 98.

положение посла в Москве много изменилось к лучшему, что послов принимали тогда с большей вежливостью, и после первой аудиенции посол и его свита без труда могли выходить из квартиры и осматривать город, даже без провожатых. Оттого европейские государи,—добавляет Олеарий,—не боятся теперь посылать в Москву послов, а некоторые даже имеют там постоянных резидентов. При Олеарии в Москве жили шведский и английский резиденты; во второй половине XVII века упоминаются, кроме них, резиденты датский, польский и персидский. Но до первой аудиенции послов держали попрежнему в самом строгом заключении. Тот же Олеарий говорит, что едва голштинское посольство разместилось на своей квартире, пристава принесли ему суточное содержание и, удаляясь, заперли ворота и приставили к ним 12 стрельцов, с приказанием никого не пускать ни со двора, ни на двор; одни только пристава приходили к послам каждый день, чтоб развлекать их и справляться, не имеют ли они в чем нужды. После первого представления государю посольство получало более свободы. Посольству, с которым Корб приезжал в Москву, позволено было даже до первой аудиенции ездить к резидентам, жившим в Москве, и принимать их у себя; но это было уже в последние годы XVII века, когда многое пошло не по-старому. Устранены были некоторые жесткие формальности в обращении с послами; подозрительность к иностранцам не обнаруживалась так резко, как это бывало прежде, но она не исчезла и во второй половине XVII века. С прежней зоркостью следили за тем, чтобы посольство не входило в слишком короткие сношения с жителями Москвы, особенно с иностранцами. Послам говорили, что их могут посещать все, кому будет угодно, но на самом деле

устраивали так, что немногим удавалось проникнуть в посольский дом. Стража подвергала строгому допросу желавших видеть посла и своей бесцеремонностью у многих отбивала охоту к подобным посещениям. Если иностранец, служивший в русском войске, просил у своего начальника позволения повидаться с посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этом оставить свое намерение, чтоб не возбудить подозрения при дворе. Женщинам вовсе запрещено было входить в посольский дом. Карлиль никак не мог добиться позволения английским купчихам из Немецкой слободы видеться с его женой. Из отряда стрельцов, сторожившихся посольский дом и ежедневно сменявшихся, несколько человек размещались по потаенным углам двора, с целью предупредить секретные посещения посольской квартиры; под каждым окном также стояло по несколько сторожей. Так же заботливо старались помешать сношениям посольств со своими дворами. Мейерберг напрасно просил у московского двора и устно и письменно позволения сообщить в Вену некоторые известия о себе. Письма, посылавшиеся из-за границы послам в Москву, вскрывались, прочитывались и потом уничтожались [81]).

В описаниях иностранных посольств находим несколько указаний на количество припасов, ежедневно отпускавшихся на содержание посольства во время его пребывания в Москве, равно как и на пути к ней. Английскому послу Рандольфу со свитой, состоявшей из 40 человек, в 1568 г. на пути к Москве пристава ежедневно выдавали припасов на два рубля. Гольштинскому посольству

[81]) Olearius, 26. 184.—Mayerberg. I, 132–135; II, 138.—Carlisle, 141.—Lyseck. 89.—Korb. 49.

1634 года, свита которого состояла из 34 человек, ежедневно выдавалось на содержание по 2 руб. 5 коп., и благодаря дешевизне жизненных припасов, которую послы встречали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для продовольствия их со свитой. По прибытии в Москву, то же посольство ежедневно получало на содержание по 62 коровая хлеба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 кур, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яиц, по 10 коп. на свечи и по 5 на мелочные расходы по кухне, по четверти ведра испанского вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и несколько меньше водки [52]); кроме того посольским слугам отпускалось по бочке пива, по боченку меда и по боченку же водки. Сверх всего этого выдавали на неделю пуд масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньям прибавляли мяса по 2 барана и одному гусю. В день прибытия посольства в Москву, также в дни больших праздников и придворных торжеств, содержание посольства удвоялось [53]). Иногда пристава приносили посольству уже готовые кушанья, что ставило иностранцев в большое затруднение, потому что московские блюда редко были им по вкусу, и гораздо удобнее было для них получать сырые припасы, которые они могли приготовлять по-своему. С XVII в. начинаем встречать известия о том, что пристава на пути к Москве предоставляли послам на

[52]) Olearius 96 huit pots d'hydromel, trois pots de bière et trois petits pots d'eau de vie. Так как в списке припасов, выдававшихся на содержание Боуса, галлон, содержавший 8 пинт, приравнивается к тогдашнему московскому ведру, а пинта—$\frac{1}{8}$, pot, то мы полагаем в тогдашнем ведре 4 pots. См. Hakluyt's Collection I, 519.

[53]) Olearius 15, 96.

выбор—получать ли содержание припасами, или брать прямо деньги, назначенные для этого из казны; послы, разумеется, охотнее соглашались на последнее, тем более, что при покупке припасов самим посольством пристава назначали таксу, чтоб продавцы не могли запрашивать слишком много за свои товары [84]).

В первые дни, по прибытии посольства в Москву, пока в думе наводились справки и шли разсуждения о нем, послам предоставлялось отдыхать от дороги; но иногда это отдохновение продолжалось так долго, что наскучивало им. Здесь также дело не обходилось без проволочек, подобных тем, какие испытывал посол на пути к Москве: назначат день для представления государю, потом отложат и т. д. Наконец объявляли решительный срок; накануне его пристава несколько раз приходили к послу, внушая ему приготовиться к явлению пред светлые очи государя. Утром, на другой день, те же пристава являлись к послу в богатых парчевых одеждах, которые они надевали в сенях посольского дома, и объявляли о приближении бояр, которые имели представить посла во дворец, добавляя, чтобы посол вышел к ним навстречу. Бояре, с многочисленной свитой подъехав к посольской квартире, сходили с коней, но не входили в дом, а ждали выхода посла, стараясь сделать так, чтобы посол дальше вышел к ним навстречу. Сев на коней или в экипажи, которые присылались из дворца, отправлялись в Кремль, обыкновенно чрез Спасские ворота. Поезд, как и при въезде в столицу, двигался между рядами нескольких тысяч стрельцов, с прежними замедлениями и остановками, чтоб привести послов во

[84]) Ibid.—Korb. 34.

дворец именно в ту минуту, когда царь садился на престол. Массы народа по-прежнему наполняли ближайшие улицы и покрывали окна и кровли домов. В Кремле поезд встречали разные служилые люди в богатом платье, которые вели посла к дворцу. В 1582 г., когда происходили беседы Поссевина с царем о вере, при проходе иезуита во дворец, огромные толпы придворных служителей и народа наполняли кремлевскую площадь, ступени крыльца, сени, окна и переходы дворца. Идя на третий дворец, Поссевин видел на площади Кремля по крайней мере тысяч пять простого народа. Далеко не доезжая до крыльца, все сходили с коней и шли далее пешком. Подле крыльца у послов и их свиты отбирали оружие, с которым никто не мог являться пред государем. С Красной площади во дворец вели три лестницы, из которых каждая имела, как объясняли Лизеку, особенное назначение в обряде приема посольств: среднею вводили во дворец послов турецких, персидских и прочих бусурманских, правою—послов христианских, левою—тех из последних, которым хотели оказать особенную почесть [85]). На половине лестницы посла встречали государевы советники, которые вели его до вершины лестницы, где, передав его высшим советникам, сами следовали позади. При входе в палаты посла встречали первостепенные бояре, которые вели его к государю. Передние палаты, которые проходил при этом посол, были наполнены князьями, боярами и другими важнейшими придворными людьми, между которыми особенное внимание иностранцев обращали на себя старики с длинными седыми бородами, сидевшие и сто-

[85]) О положении этих трех лестниц см. «Домашний быт русских царей» И. Забелина, стр. 68.

явшие вдоль стен передних палат: это были гости, или важнейшие купцы государевы, присутствовавшие здесь для того, чтоб своей почтенной наружностью придать больше важности и торжественности обстановке приема. Как на них, так и на сановниках, находившихся здесь, были богатые парчевые кафтаны и превысокие шапки, похожие на башни, по выражению Рейтенфельса [86]). Проходя мимо этих людей, Герберштейн был несколько удивлен одной замеченной в них странностью, «при нашем появлении, говорит он, никто из них не сделал нам никакого приветствия и даже приятельски-знакомые с нами, когда мы кланялись им и заговаривали с ними, оставались совершенно неподвижны и ничего не отвечали нам, как будто не замечали наших поклонов и вовсе не были с нами знакомы. При входе посла в палату, где находился сам государь, бояре, сидевшие по лавкам в шапках, вставали и снимали их. На них длинная до пят одежда (ферезь), которую иные, за неимением своей, брали на этот случай из государевых кладовых. Ченслер, представлявшийся царю в 1553 г., видел здесь бояр человек до 100, во время приема польского посольства 1678 г. Таннер насчитал их до 500, все они хранили глубокое молчание впродолжение аудиенции, пристально следя за всеми движениями государя [87]). Государь сидел на возвышенном месте, на престоле, по правую сторону которого на стене висел образ Спасителя, а над головой государя — образ Божіей Матери. Престол помещался не посредине-

---

[86]) Это были так-называвшіяся «горлатные» шапки. См. «Описание одежды и вооружения россійскихъ войскъ», т. I, рисун. №№ 13 и 14.

[87]) Miro silentio ab ore nutuque Principis pendent, по выражению Поссевина.

палаты, а к углу, между двумя окнами [66]). По правую сторону на пирамидальной подставке из чеканного серебра находилась держава из массивного золота. По обеим сторонам около престола стояли четыре телохранителя (рынды «для береженія») в белых одеждах (турских кафтанах) с серебряными бердышами на плечах. На государе была также длинная до пят одежда; он сидел с открытой головой; по правую сторону около него на скамье лежала остроконечная шапка (колпак), похожая на голову сахара; в руке держал он посох с изображеніем креста на верху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Олеарій видел в руках у государя золотой посох, который был так тяжел, что государь для облегченія держал его попеременно то в той, то в другой руке. Здесь же на скамье стояла вызолоченная лохань с рукомойником, покрытым полотенцем. Эта лохань должна была неприятно поражать послов, ибо известно было, что в ней государь моет руки после приема иностранных послов; если верить словам Герберштейна и Мейерберга, это омовеніе совершалось только после приема католических послов. Поссевин выходит из себя при одном воспоминании об этой лохани. Впрочем, во второй половине XVII века только один Мейерберг упоминает об этой лохани; Рейтенфельс, напротив, говорит, что обычай выставлять лохань при приеме и даже мыть в ней руки по окончании его давно уже оставлен царями.

Как только посол входил в приемную палату, думный дьяк или один из первостепенных бояр докладывал о нем государю. Став против престола, посол передавал письмо и грамоту от своего государя, при имени которого

[66]) Olearius, 90

московский государь вставал и сходил с верхней ступени престола. Когда оканчивались первые приветствия, государь справлялся о здоровье своего брата-государя и, пока посол отвечал, садился на прежнее место; потом, по приглашению дьяка, посол подходил к престолу и целовал руку государя, который при этом спрашивал его, благополучно ли он ехал. Затем поклонившись сперва государю, потом на обе стороны князьям и боярам, во все это время стоявшим из почтения к послу, последний, по приглашению того же дьяка, садился на скамью, которую ставили против государя, между тем как свита подходила к государевой руке. Послы из Польши, Литвы, Ливонии, Швеции и проч. являлись во дворец с подарками или «поминками», которые думный дьяк или один из приставов подносил государю. Каждый из членов посольской свиты приносил особенный подарок и о каждом докладывалось особо, причем громко и внятно произносилось его имя и назывался подарок. В стороне сидел дьяк и записывал каждый подарок с именем того, кто его подносил. Герберштейн явился без поминка и, когда ему напомнили об этом, отвечал: «у насъ этого не водится». Но в XVII веке и цесарские послы обыкновенно приезжали с подарками. Посидев немного, посол получал от государя приглашение отведать с ним хлеба-соли. После того посла отводили в другую палату, где он излагал и обсуждал с думными людьми дела, касавшиеся его посольства. Если посол приезжал для важных и сложных переговоров, эти рассуждения тянулись несколько дней, даже месяцев, сопровождаясь многими формальностями, крайне утомлявшими иностранцев. Всякий раз, когда посол делал новое предложение, рассуждавшие с ним думные люди шли к государю за ответом, который, иногда уже

на другой день, в точности передавали послу. Когда для ответа требовалось много предварительных справок, его откладывали на несколько дней. Поссевин дивился той тщательности, с которой московские думные люди выкапывали из архивных дипломатических актов за долгое время все, что могло обратить переговоры в их пользу. Потому ответы выходили иногда очень длинные. Медленность переговоров увеличивалась еще от порядка, в каком передавались ответы. В них, где было нужно, повторялись сполна титулы обоих государей, между которыми велись переговоры, и дословно передавались предложения посла. Изложенный таким образом на нескольких длинных листах ответ разделялся по листам между думными людьми и каждый из них поочередно прочитывал свой лист послу. Чтение это продолжалось иногда часа по 4, хотя, по замечанию Поссевина, весь ответ можно было бы передать менее, чем в час. Копия с прочитанного акта отдавалась послу.

Мейерберг описывает порядок переговоров, которые он вел в Москве с боярами. Посла с его товарищем ввели в довольно обширную (ответную) залу, в которой подле угла стоял длинный и узкий стол. Послов пригласили сесть за стол на приделанной к стене лавке; в углу, на почетном месте, поместился первый из бояр, назначенных для переговоров, кн. Алексей Никитич Трубецкой. На одной с ним лавке, но дальше от стола, поместились двое других бояр; думный дьяк сел особо, на скамье недалеко от стола. Когда все уселись, первый боярин встал, за ним поднялись и прочие присутствующие. Призвав Св. Троицу и сказав полный титул царя, он объявил послам, что государь выслушал их предложение и велел перевести письмо цесаря. Второй боярин, сделав

такое же предисловие, только сократив титул, сказал, что государь прочитал это письмо со вниманием и увидел из него, что послы имели сделать ему некоторые предложения, касающиеся общего блага обоих государств. Третий боярин тем же порядком продолжал, что в письме написано, чтобы верили предложениям, которые должны были сообщить послы, что они, бояре, готовы исполнить. Наконец, думный дьяк, еще раз повторив то же вступление, объявил, что им, думным людям, приказано от государя выслушать предложение послов. Тогда послы, встав вместе с прочими присутствующими, прочитали полные титулы сперва цесаря, потом царя; затем все опять сели, и товарищ посла прочитал по грамоте другое предложение своего государя, которое переводчик, по мере чтения, фразу за фразой, передавал по-русски. Выслушав предложение, бояре потребовали копии с него. Поговорив потом о разных делах, бояре с дьяком вышли из палаты, чтобы сообщить государю новое предложение послов; последние между тем одни оставались в палате. Четверть часа спустя, возвратился один дьяк и объявил послам, что он докладывал государю об их предложении, но что ответ на него они получат после, а теперь могут возвратиться на свое подворье.

Дипломатические приемы московских бояр часто повергали в отчаяние иностранных послов, особенно тех, которые хотели вести дело прямо и добросовестно. Они горько жалуются на двуличность и бесцеремонность московских дипломатов, на их непостоянство и легкость, с которой они давали и нарушали обещание. Чтоб не попасть в их сети, недостаточно было увериться, что они лгут; надо было еще решить, куда метит эта ложь, что о ней подумать. Если их уличали во лжи, они не

краснели и на упреки отвечали усмешкой. Как бы точно и решительно ни был определен и установлен какой-нибудь пункт переговоров, в случае нужды они всегда находили возможность, посредством разнообразных ученых толкований, ослабить его силу или даже представить его в другом, неожиданном виде. Отличаясь такими качествами, московские думные люди могли бы назваться ловкими дипломатами, если бы в равной степени обладали другим необходимым для этого условием—знанием политических дел Европы. Это знание было у них крайне бедно и черпалось из скудных и мутных источников. Прусская или голландская газета, занесенная в Москву иноземным купцом, которой они верят, по выражению Мейерберга, как дельфийскому оракулу, пленный солдат, готовый всего наговорить при допросе, лишь бы вынутаться из беды,—вот почти весь круг обыкновенных источников, из которых заимствовались сведения о том, что делалось в Европе. Все это, по словам того же иностранца, до того затрудняло деятельность западных послов в Москве, что им часто приходилось раскаиваться в том, что они взяли на себя такую обязанность [89].

Пока посол рассуждал с боярами, готовили обед. При входе посла в столовую все приглашенные, уже сидевшие по местам, прежним порядком встали, на что посол отвечал поклонами и сделся на указанное государем место. Среди столовой стоял большой поставец, снизу квадратный, сверху суживавшийся пирамидально, уставленный множеством золотой и серебряной посуды, в которой особенно внимание англичан обратили на себя

[89] Маскевич, I, 115—122. То же самое говорит и Котошихин о характере и приемах московских думных людей, которым поручались дипломатические дела. Гл. IV, 24.

в 1553 г. четыре огромные вазы до 5 футов вышиной. Вокруг, по сторонам столовой, расставлены были столы на известном расстоянии один от другого. Англичане в 1553 г. видели их по 4 на каждой стороне в золотой палате; эти столы стояли на помосте, возвышавшемся над полом на 3 ступени. Государь перед обедом снимал пышную одежду, в которой принимал послов, и являлся за стол в другой, обыкновенно белой, одежде, что, по объяснению Рейтенфельса, означало дружественное расположение. От стола государева до других оставляли столько пространства, сколько можно захватить распростертыми руками. Ниже государя сидели его братья или старшие сыновья, если были. На более значительном расстоянии от последних помещались важнейшие князья и бояре, по степени важности и значения у государя. За дальнейшими столами по обеим сторонам палаты садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо против стола государева садились особо послы, а недалеко от них посольская свита. Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями, и уставлялись сосудами с уксусом, перцем, солью в таком порядке, что на каждых 4-х гостей приходилось по одной уксуснице, одной перечнице и одной солонке. Все эти сосуды были из чистого золота или серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанавливали ее на столах, а между тем недоставало многих необходимых принадлежностей европейского стола, что ставило иностранцев, обедавших у государя, в большое затруднение [90]). Салфеток не употребляли вовсе, ножей, вилок и

[90]) D. Printz a Buchau, p. 194: orbibus et quarum rerum apud nos usus est carnimus.

тарелок подавали очень мало. Бухау на парадном царском обеде не нашел в своем приборе ни ножа, ни тарелки: у сидевшего подле боярина ему удалось добыть один нож для себя и своего товарища, которым они и пользовались вместе впродолжение всего обеда. На обеде у первого самозванца Паерле видел перед столовой залой кучи серебряных сосудов, из которых некоторые были величиной с котлы и ведра; но на столах он не заметил ни тарелок, ни ложек, кушанья большею частью состояли из пастетов, дурно приготовленных [71]). Даже при Алексее Михайловиче, когда обедал у него Карлиль, каждому гостю подали только по одной тарелке на весь обед. Посуда подавалась не всегда в опрятном виде: поданная Карлилю серебряная посуда была так нечиста, что походила скорее на свинцовую. Пока расставляли посуду, в столовую входило несколько стольников в блестящих одеждах и, никому не кланяясь, не снимая даже высоких шапок, становились вокруг поставца. Государь, подозвав к себе одного из служителей, давал ему продолговатый ломоть хлеба и приказывал отнести его послу; подошедши к последнему, служитель громко объявлял ему, что великий государь жалует его, посылает хлеба с своего стола. Пока он произносил это, посол и прочие гости стояли. Приняв хлеб и положив его на стол, посол молча кланялся сперва государю, потом всем присутствующим на обе стороны. Такие же посылки делались и некоторым другим из приглашенных в знак особой милости государя, что каждый раз сопровождалось вставаньем всех гостей и поклонами получавшего хлеб. Когда

[71]) Olfeld. 35 Imperator (Ив. В. Грозный) et filius utebantur cultris ad longitudinem dimidiae ulnae, parulo modo et cochleari ligneo.

государь хотел оказать кому-нибудь самую большую милость и любовь свою, тому посылал соли с своего стола. После раздачи хлеба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили перед обедом, потом жареных лебедей, составлявших первое блюдо на государевых обедах, когда не было поста. Государю подносили трех лебедей и он пробовал ножом, который лучше. Выбранный тотчас выносился, разрезывался на части и на 5 тарелках приносился опять государю. Отрезав по частичке от разных кусков, государь давал прежде отведать их стольнику, потом отведывал сам и посылал на тарелках послу и кому-нибудь из остальных гостей в знак особой милости, причем повторялась прежняя церемония вставаний и поклонов, доводившая непривычного иностранца до утомления. Остальные лебеди разрезывались и подавались гостям на тарелках, по 4 куска на каждой. Лебедей ели с уксусом, солью и перцем. Для той же цели во все время обеда стояли на столе сметана, соленые огурцы и сливы. В таком же порядке подавались и прочие блюда, с той впрочем разницей, что уже не уносились из столовой, подобно жареному. Об остальных блюдах иностранцы не сообщают подробностей: в подаче их они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить, при множестве разных блюд, что за чем следовало. В пост первым кушаньем, которым открывался обед, была икра с зеленью. За ней на обеде, данном Карлейлю, подали очень понравившуюся ему уху, потом рыбу в разных видах, вареную, жареную, в пирогах: всех блюд подано было до 500. Из напитков на столах стояла обыкновенно мальвазия и другие вина, также разных родов меды. Впродолжение обеда у поставца стояли 4 прислужника с перекинутыми через плечо по-

лотенцами и кубками в руках. Обыкновенно государь приказывал подавать себе кубок один или два раза впродолжение обеда. Когда он пил, подзывал к себе посла и ласково приглашал его, как и прочих гостей, хорошенько есть и пить. Многие иностранцы, зная обычай русского гостеприимства, садились за стол с тревожной мыслью, что их заставят пить много, и Карлиль был очень рад, что его опасения на этот раз не оправдались, хотя впродолжение обеда ему часто напоминали не забывать государева здоровья. За столом говорили мало; изредка обращался государь к послу с каким-нибудь вопросом. Так в. кн. Василий Иванович между прочим спросил однажды Герберштейна, брил ли он бороду и, получив утвердительный ответ, прибавил: «и это по-нашему», а сам первый из московских государей, замечает при этом Герберштейн, обрил себе бороду в угоду второй своей жене. Беседа оживлялась перед десертом, когда посол должен был подойти к столу государя и взять из рук последнего заздравный кубок. Карлиль при этом принужден был выпить предложенный царем кубок в память «мученика» короля Карла I, и царь долго говорил с послом об Англии, о польской войне, о его посольстве. Между тем стольники, в начале обеда бывшие в далматиках, на подобие левитов, по выражению Герберштейна, и подпоясанные, среди обеда переодевались в терлики, усыпанные драгоценными камнями. Этих стольников на посольских обедах насчитывали иногда до 150, и впродолжение обеда они три раза переменяли платье. Обед продолжался три или четыре часа, иногда до самой ночи, так что оканчивался уже при огне; обед, данный Карлилю, тянулся от 2-х до 11-ти часов пополудни. По окончании стола государь отпускал всех гостей домой. В 1553 г. Англичане очень

удивлялись, когда при этом царь назвал по имени каждого из многочисленных гостей, и недоумевали, как мог он помнить столько имен.

Но угощение посла не оканчивалось в этот день приемным обедом во дворце. Те же люди, которые привели посла во дворец, вели его обратно на квартиру и приносили с собой серебряные чарки и другие сосуды с напитками, преимущественно с разными медами. Таким образом в посольском доме пристава устраивали настоящую попойку: это называлось «поить посла», причем главнейшей заботой приставов было, во что бы ни стало, напоить посла как можно пьянее. Герберштейн дивится их умению потчивать в этом случае. Отказываться от приглашений не позволялось ни под каким предлогом, потому что пили сперва за здоровье великих государей, а потом их братьев, сыновей и других родственников, а когда и их мало, начинали пить за здоровье важных лиц обоих государств. Осушив несколько чарок, говорит Герберштейн, не иначе можно было избавиться от дальнейшей попойки, как притворившись очень пьяным или спящим. Из рассказов о польских и татарских посольствах мы знаем, что пристава часто вполне достигали своей цели — напоить посла, причем дело не обходилось часто без печальных историй. Но при этом достигались иногда и другие важные цели: подпивший посол не раз проговаривался о том, что ему приказано было держать только на уме.

Олеарий замечает, что с некоторого времени при Московском дворе стал выводиться обычай приглашать послов после первой аудиенции к государеву столу; послам объявляли обыкновенно, что им пошлют пищу со стола государева на посольское подворье. Действительно,

описания приемных обедов во дворце у иностранцев XVII в. встречаются редко; зато находим не лишенные интереса подробности об угощении послов на их квартире. По возвращении последних с первой аудиенции, на посольский двор привозили несколько телег с напитками и кушаньями, изготовленными на государевой кухне, с подвижными плитами для их разогревания и т. д. Пристав покрывал скатертью только конец стола, где должен сидеть посол, и только для него клал нож, вилку и ложку: свита должна была обойтись без этого. Кушанья, состоявшие преимущественно из разного рода печений, затейливо приготовленных, так щедро приправлялись маслом, луком и чесноком, что иностранцы с трудом могли есть их [92], да об этом и не заботились: московское хлебосольство выражалось вовсе не в «ѣствахъ». Пристав приносил с собой длинный список «здоровий», и впродолжение стола предлагал их одно за другим, начиная с обоих государей, титулы которых сказывались при этом сполна по бумаге, не выходившей из рук пристава до конца обеда. В подаче напитков сохранялся строгий порядок. Для низших служителей посольства выставлялся среди двора большой сосуд с водкой, из которого всякий черпал, сколько хотел.

В остальные дни государь часто посылал послу кушанья с своего стола. По окончании переговоров, для которых приезжал посол, государь иногда приглашал его с собой на охоту или какую-нибудь другую потеху, а перед отъездом на прощальный обед. В конце его госу-

[92]) Lyseck 48: quibus cupediniis, allio et caepis conditis, potius Germanorum oculi, quam stomachus his condimentis non assuetus explebantur satur.

царь, встав с своего места, приказывал подать себе кубок, говоря, что он пьет в знак любви и за здоровье своего брата-государя, прося посла передать последнему все, что он здесь видел и слышал. Потом государь подавал кубок послу, приглашая выпить его также за здоровье своего государя. Этот кубок, в знак особенной милости, иногда дарился послу. Приняв его, посол отступал несколько назад и, выпив, кланялся государю. Кубок этот был довольно велик, и Контарини, небольшой охотник пить, едва мог выпить четвертую долю того, что в нем было. С таким же приглашением обращался государь ко всем присутствовавшим на обеде. После того он подзывал посла к руке и отпускал его. Обыкновенно посол со всей свитой, не исключая и низших служителей, получал от государя подарки, состоявшие из шуб и разных мехов. Герберштейн во второй приезд получил, сверх собольей шубы, два сорока соболей, 300 горностаев и 1500 белок. Послов из западной Европы дарили почти исключительно мехами, преимущественно собольими; но послов татарских и вообще восточных государь жаловал, кроме того, разным платьем, шапками, сапогами, даже материями на платье. Татарские послы были особенно падки на эти подарки, которые часто были единственной целью их приезда в Москву. Олеарий видел в 1634 г. кавалькаду трех татарских послов с многочисленной свитой, направлявшихся во дворец: на них было платье из грубого красного сукна, а чрез несколько часов татары с гордостью возвращались из дворца, одетые в камку: одни в алую, другие в желтую. Того же добивались и разные владельцы, посылавшие этих послов к московскому государю. Не проходит почти года, замечает Олеарий, без того, чтоб татарские владельцы не посылали в Москву посольств, не

столько по делам, сколько для того, чтобы выманить у царя несколько мехов и шелковых одежд [93]). При отъезде посол должен был в свою очередь дарить приставов; Поссевини советует давать им 25 или 30 золотых и столько же их служителям, если нельзя будет дать больше. Прежним порядком пристава провожали посольство до Московской границы и там при расставании также получали подарки [94]).

III.

Государь и его двор.

В такой обстановке являлась в Москве верховная власть перед иностранными послами. Далеко от столицы, с первых шагов, на почве Московского государства, наблюдательный иностранец начинал уже чувствовать вокруг себя, на людях, которых он встречал, могущественно действовавшее обаяние этой власти, и

---

[93]) Как бесцеремонно пользовались татарские послы случаем поживиться в Москве, видно из того, что рассказывает Котошихин, гл. V, стр. 17: «И иные изъ тѣхъ пословъ, выкинувъ романею и медъ, суды (сосуды) берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху; а говорятъ они послы: когда-де царь пожаловалъ ихъ платьемъ и питьемъ, и тѣмъ судамъ надобно быти у нихъ же; и у нихъ тѣхъ судовъ царь отнимати не велитъ, потому что спорватися съ бусурманомъ въ стыдъ; и для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣланы нарочно въ англійской землѣ сосуды мѣдные, посеребряные и позолочены».

[94]) Herberstein, 89—97, 113—114.—Ulfeld 35.—P. a Buchau, 104.—Possevino, 32, 78, 82, 99, 153.—«Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 148.—Контарини, 105—116.—Паерле в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 2-я, стр. 58.—Olearius, 38, 184.—Maeyerberg, 110—112.—Lyseck, 58.—Tanner, 57—59.

должен был чувствовать это тем сильнее, что в соседних западных государствах он встречал совершенно противоположные явления. Умный австрийский дипломат, хорошо знавший состояние соседних с Австрией стран, проезжая чрез Венгрию, поет ей полную грустного чувства похоронную песнь, видя, как разоряют ее пышные и ленивые вельможи. Таких могущественных и пышных вельмож должен был он прежде всего заметить и в Польше. В Литве он дивится страшной вольности вельмож и сосредоточению в их руках земельной собственности. Совсем иного рода явления встречал он в Московском государстве. После всех церемоний на пути, в которых московские пристава с такой неумолимой строгостью оберегали честь своего государя, в полумиле от Москвы Герберштейн встретил знакомого старика, который был товарищем московского посла, ездившего в Испанию; он прибежал озабоченный, обливаясь потом, с известием, что на встречу послам едут бояре. Когда Герберштейн спросил его, зачем бежал он с таким спехом, тот отвечал: «у насъ служатъ государю не по вашему, Сигизмундъ!» — Поэтому иностранец, приезжавший в Москву, и без особенной наблюдательности, только присматриваясь и прислушиваясь к тому, что происходило и говорилось вокруг него, мог понять значение и размеры власти московского государя. По описанию иностранцев, этот государь стоит неизмеримо высоко над всеми подданными и властью своею над ними превосходит всех монархов в свете. Эта власть одинаково простирается как на духовных, так и на светских людей; ни от кого не завися, никому не отдавая отчета в действиях, свободно располагает государь имуществом и жизнью своих подданных. Боярин и последний крестьянин равны перед ним, одина-

кою безответны пред его волей. Такому значению верховной власти соответствует высокое понятие о ней самих подданных. Иностранцы дивятся благоговейной покорности, с которой подданные относятся к московскому государю. Слушая рассказы московских послов, венский архиепископ приходил в умиление от такого послушания подданных государю «яко Богу» [95]). Никто из подданных, как бы он ни был высоко поставлен, не смеет противоречить воле государя или не соглашаться с его мнением: подданные открыто говорят, что воля государя—Божия воля, и государь—исполнитель воли Божией. Когда их спрашивают о каком-нибудь сомнительном деле, они отвечают выражениями, затверженными с детства, в роде следующих: это знает Бог да великий государь; один государь знает все; одним словом своим разрешает он все узлы и затруднения: что мы имеем, чем пользуемся, успехи в предприятиях, здоровье,—все это получаем мы от милости государя,—так что, добавляют наблюдатели, там никто не считает себя полным хозяином своего имущества, но все смотрят на себя и на все свое, как на полную собственность государя. Если среди беседы упомянут имя государя и кто-нибудь из присутствующих не снимет при этом шапки, ему тотчас напоминают его обязанность; нищие, сидя у церковных дверей, просят милостыню ради Бога и государя. Рассказывать, что делается и говорится во дворце государевом, считается величайшим

[95]) Fabri в «Rerum Moscovitarum auctores varii», p. 132: Ad illud singulare est, quod in ipsis summe commendari potest, ut nullus sit eorum tam illustris dives ac praepotens, quin accersitus a duce per quem humillimum etiam praeconem, statim advolet, omnibus mandatis sui Imperatoris, instar Dei, obtemperet, etiam in iis causis, quae vel vitae detrimentum periculumque exigere videntur.

преступлением. В день именин царя никто не смеет работать, хотя в церковные праздники простой народ вообще не прекращает будничных занятий. В челобитных царю все пишутся уменьшительными именами: бояре и все служилые люди прибавляют к этому «холопъ твой», гости — «мужикъ твой», прочие купцы — «сирота твой», боярыни — «рабица или раба твоя», поселяне — «крестьянинъ твой», слуги бояр — «человѣкъ твой».

Ясно и скоро, даже не изучая обычаев Постельного крыльца, поняли иностранцы и значение московских вельмож, их характер и отношение к государю. Как ни старались иные московские послы выставить пред иностранными дворами могущество и богатство этих вельмож, преобладание аристократии в Московском государстве [96]), но довольно было иностранному послу бросить беглый взгляд вокруг себя при проходе по передним палатам дворца и в самой приемной палате, довольно было узнать, откуда достали многие из толпившихся здесь магнатов свои дорогие блестящие кафтаны, чтобы понять, что это за вельможи и в каких отношениях стоят они к своему государю. Поссевин дивится отсутствию всякого аристократического гонора в этих вельможах, рассказывая, как большие послы московские, приехав на Киверову гору для заключения мира с Польшей, привезли с собой товары и бесцеремонно открыли лавки для торговли с польскими купцами. Во второй половине XVI века всем осо-

[96]) На основании их рассказов, доверчивый венский архиепископ Фабри писал в 1525 г., что преобладание аристократии составляет отличительную черту Московского государства и что там есть такие богатые и могущественные вельможи, которые выставляют государю во время войны по 30.000 всадников. «Rerum Moscovitarum auctores varii», p. 132 и 141.

бенно ясно сказывалось бессилие этих вельмож пред верховною властью. Государь мог каждого из них, кого захочет, лишить сана и имущества, которые он же и дал ему, и низвести в положение последнего простолюдина. Все вельможи, советники и другие люди высшего класса называли себя холопами государя и не считали бесчестием для себя, когда государь приказывал кого-нибудь из них побить за какой-нибудь проступок: побитый, напротив, оставался очень доволен, видя в этом знак благосклонности государя, и благодарил его за то, что пожаловал, удостоил исправить и наказать его, своего слугу и холопа [97]). Неудивительно, что люди, привыкшие к другим порядкам, побывав при московском дворе, уносили с собой тяжелое воспоминание о стране, в которой все рабствует, кроме ее властелина [98]).

О составе двора государева иностранцы XVI века сообщают немного подробностей. Новгородские послы говорили, что двор государя составляют важнейшие князья и военные сановники, которые чрез определенное число месяцев поочередно вызываются из областей для поддержания придворного блеска, для составления царской свиты и отправления разных должностей [99]). Подле царя

[97]) Herberstein. 10, 11.—Giugnbino в «Rerum Moscoviticarum auctores varii». p. 179. 183.—Possevino. 22—25. 93—99.—Prinza Buchau. 234.—Mayerberg. II, 32. ср. Котошихин, гл. VIII, ст. 5 и 6.—Коллинс в «Русск. Вестн.» 1842, № 9, стр. 591.— Tanner, 76.

[98]) Carlisle. 314.

[99]) Іовій. 55.—У Герберштейна читаем на стр. 36: Solet Princeps quotannis ex suis provinciis ordine quodam vocare, qui Moscoviae sibi omnia ac quaelibet praestant officia. В XVII в. стольники, дьяки и другие придворные служители делились на две половины, из которых каждая поочередно жила в Москве «для царских услуг, по полугоду, а другое полугодие, кто хотел, отъезжал на деревни свои до сроку». Котошихин, гл. II, ст. 7 и 20.

всегда находился окольничий, принадлежавший к числу высших советников государя; этот окольничий, по словам Герберштейна, занимал должность претора или судьи, назначенного от государя. Из других придворных сановников в конце XVI века упоминаются: конюший боярин, смотревший за царскими лошадьми,—первый сановник при дворе; потом дворецкий, казначей, контролер, кравчий, главный постельничий и 3 фурьера. При дворе постоянно находились на страже 200 жильцов-стряпчих, из детей дворян. Ночью подле царской спальни находился главный постельничий с одним или двумя приближенными; в соседней комнате сторожили по ночам еще 6 верных служителей, а в третьей несколько дворян из жильцов-стряпчих, которые чередовались каждую ночь по 40 человек; у каждых ворот и дверей во дворце стояло на страже по нескольку молодых людей истопников. К постоянной дворцовой страже принадлежали также 2000 стремянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями, по 250 у дворца, на самом дворе и у казначейства [100]).

Известия XVII в. описывают с большими подробностями лествицу чинов, сосредоточивавшихся при дворе, около особы государя. На верху ее стояли бояре, которых, по словам Олеария, при дворе было обыкновенно до 30; они занимали разные или чисто-придворные или государственные должности, между которыми впрочем не проходило резкой разграничительной черты. Трое из бояр занимали три высшие должности в государстве, принадлежавшие по существу своему к дворцовому

[100]) Флетчер. гл. 27-я.

ведомству. Это были: конюший боярин, дворецкий и оружейничий. Конюший считался первым боярином в государстве [101]). Первым после него был дворецкий, главный управитель государева двора, или «набольший во дворѣ», как его называли в простонародье. За ним следовал оружейничий, ведавший придворный арсенал, украшения дворца, принадлежности торжественных царских выходов и вообще все, что составляло обширное ведомство Оружейной палаты [102]). За боярами следовали, по порядку чиновного достоинства, окольничие, думные дворяне, думные дьяки или государственные секретари, спальники с постельничим во главе, комнатный с ключем, или главный камердинер, стольники и кравчий, стряпчие, дворяне московские, наконец, жильцы или пажи, дьяки и подьячие. При дворе жило также множество низших дворцовых служителей и приспешников. Число всех вообще слуг, постоянно живших при дворце, на непосредственном содержании государя [103]), Олеарий полагает больше 1000. В это число не входили стрельцы, составлявшие царскую гвардию и находившиеся при дворце «для береганія». Вот люди, которых иностранные послы

---

[101]) Котошихин, гл. VI, ст. 6. «А кто бываетъ Конюшимъ, и тотъ первый боярин чиномъ и честью». В XVII в., с царствованія В. И. Шуйского, эта должность оставалась незамещенной, потому что, как говорит Котошихин, «прежъ сего конюшій Б. Годуновъ, что былъ царемъ, умышлялъ себѣ достать царство чрезъ убіеніе царевича Димитрія, и нынѣ въ такой чинъ допускати опасаются».

[102]) О составе ее ведомства см. «Домашній бытъ русскихъ царей» И. Забелина, стр. 82—83.

[103]) «Которые спятъ на царскомъ дворѣ», по выражению Котошихина.

встречали при дворе московского государя в качестве придворных сановников или служителей, употреблявшихся «для царскихъ услугъ». Те же люди, восходя из чина в чин, размещались по разным приказам в Москве, служили орудиями государственного управления, ибо вообще не полагалось строгого различия между делом государевым и делом государственным.

Бояре и прочие люди высших чинов, не «спавшіе на царскомъ дворѣ», тем не менее имели с ним самую тесную связь, были постоянно на глазах у государя. Они постоянно жили в Москве, редко отлучались в свои деревни и то не иначе, как спросившись у государя. Кроме торжественных случаев при дворе, когда они в парадном наряде окружали государя, в обыкновенное время они обязаны были каждый день и не один раз являться во дворец ударить челом государю. При дворе проводили они большую часть дня. По словам Маржерета, они вставали летом обыкновенно при восходе солнца и отправлялись во дворец, где присутствовали в думе от первого до шестого часа дня (по старинным московским часам), потом шли с государем в церковь, где слушали литургию от 7 до 8 часов, по выходе государя из церкви возвращались домой обедать, после обеда отдыхали часа 2 или 3, а в 14 часов (пред вечерней), по звону колокола снова отправлялись во дворец, где проводили около 2 или 3 часов вечера, потом удалялись, ужинали и ложились спать. Во дворец они ездили летом на лошадях верхом, зимой в санях; в каретах ездили только старики, которые не могли сидеть верхом. Когда боярин ехал верхом, у арчака его седла висел маленький кабат, около фута в поперечнике; проезжая по улице или рынку, где было много народа, боярин время от времени

ударял по этому набату рукояткой плети, чтобы встречные сторонились с дороги [104]).

Мы видели, в каких резких чертах рисуют иностранцы власть московского государя и его отношения к окружающим; в заключение наиболее спокойные из них приходят к нелестной дилемме: трудно решить, говорят они, дикость ли народа требует такого самовластного государя, или от самовластия государя народ так одичал и огрубел. Другие с горькой иронией решают эту дилемму басней о журавле и лягушках. При таком представлении о власти московского государя очень легко было причислить его к восточным, азиатским деспотам, или подумать, что он старается подражать соседу своему, султану турецкому [105]). Сравнение с турецким султаном стало даже общим местом для иностранных писателей при характеристике власти московского государя. По замечанию Поссевина, московский государь считает себя несравненно выше западных христианских монархов, и когда папский легат указал ему главнейших из них, тот с пренебрежением возразил: «что это за государи» [106]).

Но как ни резки черты, в которых изображают иностранцы отношения верховной власти к ея окружению, мы не можем назвать их преувеличенными. В XVI в., к которому относятся приведенные известия, между государем и людьми, составлявшими его двор, его думу, сохранялась прежняя близость, непосредственность отно-

[104]) Маржерет в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, стр. 38—39.—Olearius, 218—220. 223.—Mauerberg, II, 116.

[105]) Possevino, 77.—Флетчер, гл. 7-я.

[106]) Possevino, 55.

шений, но не сохранилось прежней свободы, прежнего доверия. Близость сохранялась потому, что придворные вельможи сами старались сохранить свое положение в прежнем дружинном виде, оставаясь дружинниками, дворовыми людьми великого князя, состоящими на личной ему службе и на его содержании, а князь не имел причин изменять такое положение; но свобода, доверие дружинных отношений было потеряно, потому что великий князь не остался прежним вождем дружины, получил другое, более широкое значение, получил большие силы и средства, предъявил новые требования, на которые не могли согласиться прежние дружинники, не отказываясь от своего прежнего характера. Отсюда борьба, результатом которой было низведение прежних дружинников и вступивших в их число служилых князей, советников и товарищей великого князя по прежним отношениям на степень слуг. Иностранцы не могли во всей ясности разглядеть все фазы этой борьбы, но результат они заметили: все эти знатные вельможи и советники, говорят они, зовут себя холопами великого князя.

Также не покажутся нам преувеличенными резкие отзывы иностранцев [во] второй половине XVI в. о произволе, с которым московский государь распоряжался имуществом своих вельмож, если сравним их с мерами Василия и Іоанна IV касательно вотчин служилых князей; таким именно произволом, и только произволом, могли иностранцы объяснить себе эти меры, не видя других побуждений, коренившихся в более отдаленных условиях и отношениях, среди которых росла власть московских государей.

Но если иностранцы не представляли ясно этих отдаленных условий и отношений, под влиянием которых

начался и продолжался рост верховной власти в центре северовосточной Руси, то они не могли не заметить того движения, которым обнаруживалось усиление этой власти со второй половины XV в., тем более, что это было тогда единственное движение в северо-восточной России, которое могло обратить на себя внимание иностранцев. Они не могли не заметить тесной связи и последовательности стремлений в деятельности трех государей, преемственно занимавших московский престол со второй половины XV и до конца XVI в. Они видели, как одновременно с украшением столицы быстро поднималась и власть живущего в ней государя, делаясь все недоступнее для подданных [107]). Они не знают, откуда все это взялось, и вместе с недовольными московскими боярами готовы все приписать личным свойствам этих трех государей и другим случайным обстоятельствам вроде появления Софьи в Москве и т. п.; но они знают пункт, с которого начало обнаруживаться такое неожиданное по их взгляду усиление. Поссевин прямо говорит, что нестерпимая надменность московских государей началась преимущественно с того времени, как они сбросили с себя иго татар [108]). Они ясно отмечают два явления, которыми обнаружилось это государственное движение, в то время, как извне сказывается все сильнее и сильнее стремление государства к расширению своих пределов на восток и запад, внутри заметно столь же сильное стремление к объединению; постепенно и быстро исчезают один за другим независимые областные князья, унося с собою в Москву или Литву почти одни только назва-

[107] Herberstein. 9.

[108] Possevino. 85.

ния прежних своих вотчинных княжеств; последний из этих независимых князей уже в конце первой четверти XVI в. отправляется в московскую тюрьму, сопровождаемый горькой насмешкой московского юродивого, гибнет самостоятельность северных вольных городов,—и иностранный путешественник, пересчитывая в первой четверти XVI в. города и области северо-восточной России, не находит вокруг Москвы ни одного пункта, в котором уцелели бы какие-нибудь следы прежней политической особности, кроме свежих еще воспоминаний о ней [109]).

Местные князья, выжитые из своих вотчин, перебрались мало-по-малу в Москву; и здесь опять поднялась борьба, которую иностранцы расписывают самыми черными красками. Если они не понимали настоящего характера этой борьбы при отце и сыне, которые вели ее осторожно и рассчетливо, то тем менее могли они понять ее при внуке, который возобновил ее со всею страстностию личной вражды. «По всей Европе, говорит Одерборн, ходит молва о его страшных жестокостях и, кажется, в целом свете не найдется человека, который бы не желал тирану всяких адских мук» [110]). Гваньини не находит ни в древнем, ни в новом мире таких деспотов, с которыми можно было бы сравнить Іоанна Грознаго [111]); даже спокойный Герберштейн, до которого также дошел слух о страшном московском царе, приходит в недоумение, не зная, чем объяснить его ожесточение, тем более, до-

---

[109]) Herberstein. 50 и 51.

[110]) Oderbornii: «Ioannis Basilidis vita» въ «Rerum Moscovi licarum auctores varii», p. 242.

[111]) Ibid. p. 183.

бавляет он, что, говорят, в лице этого тирана нет ничего напоминающего свирепые черты Аттилы [112]).

Итак, не зная истинных, скрытых мотивов борьбы, виня во всем только одну сторону, иностранцы заметили однако же последние ступени, которые прошла в продолжение этой борьбы власть московских государей, начав явно усиливаться.

Василий, говорит Герберштейн, докончил то, что начал отец,—именно, добавляет он в пояснение, отнял у князей и других владетелей все города и укрепления, не доверяет даже родным своим братьям и не дает им городов в управление. Сын Василия заставил всех князей и бояр писаться своими холопами и название слуги сделал самым почетным титулом.

Іоанн IV, довершивший образование Московского государства, едва ли не более всех государей древней России сделался известен в современной Европе, хотя и с черной стороны. Иностранцы XVII в., писавшие о России, готовы были отнести к нему даже и то, что сделали его предшественники для утверждения своего единодержавия. Описывая неограниченную власть московского государя над подданными, Олеарий замечает, что к такой покорности приучил их царь Иван Васильевич, хотя голштинский ученый, так часто ссылающийся на Герберштейна, не мог не знать, что последний теми же самыми чертами описывал самодержавную власть великого князя Василия Ивановича. Такой известности, без сомнения, много содействовал личный характер Иоанна: его страшный образ в отечественных, как и иностранных, известиях, резко

---

[112]) Ibid. «Genealogia Magni Mosc. Ducis».

выделяется из ряда его предшественников, столь похожих друг на друга. При том писатели вроде Гваньини или Одерборна распространяли в Европе о его жестокости всевозможные рассказы, которые Мейерберг, далекий от желания оправдывать в чем-нибудь Иоанна, вынужден был однако же признать слишком преувеличенными [113]). Но была другая, более важная причина, почему Иоанн IV оставил по себе такую черную память в Европе. Недаром иностранные писатели XVII в. с его царствования, как с поворотного пункта, начинают обыкновенно свои очерки русской истории. Это царствование действительно было поворотным пунктом в истории Московского государства. Иоанн IV первый резко столкнулся с западной Европой, решительно наступив на тех из своих западных соседей, которых Европа считала своими и которые, обращаясь к ней с жалобами на притязания московского государя, старались выставить на вид, что эти притязания, в случае успеха, не ограничатся какой-нибудь Ливонией, а пойдут дальше за море [114]). Вот почему Европа обращала такое внимание на Иоанна, что не было сочинения по истории его времени, как говорит Олеарий, в котором не говорилось бы о его войнах и жестокостях. Так почувствовались следы и другого стремления, которым не замедлило заявить себя сложившееся государство,—стремление возвратить себе старые растерянные вотчины.

[113]) Mayerberg, II, 16.

[114]) Postquam hanc provinciam (Ливонию) sub imperium suum, redegerit, transmarinas quoque regiones adorietur et invadet. См. письмо из Ливонии от 22 мая 1576 г. у Герберштейна в конце «Генеалогии вел. кн. Московского».

IV.

Войско.

Переходя к определению отношений верховной власти к подданным вообще, к изложению известий, сообщаемых иностранцами о государственном управлении и его органах, мы, разумеется, должны прежде всего остановиться на устройстве войска. Если и теперь в государствах вполне сложившихся, давно упрочивших свое существование, войско составляет важнейший предмет государственных забот, то понятно его значение для Московского государства XV или XVI в., которое только что начало становиться на твердую ногу и на каждом шагу должно было бороться за свое существование. Военное дело не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собою последние; военная служба сосредоточивала в себе все роды государственной службы и остальные, не военные отрасли управления являлись не только второстепенными по отношению к военной, но и подчиненными, назначенными служить интересам последней. Князья, бояре, окольничие, стольники и другие придворные чиновники, которых иностранные послы встречали во дворце в таком невоинственном виде, были собственно военные люди, хотя на них не видно было никаких знаков военного звания и жили они при дворе больше для личных услуг государю. Это были высшие члены того военного класса, который еще не так давно составлял вольную княжескую дружину. В XVI в. положение прежних дружинников, как мы видели, значительно изменилось. Хотя в конце XV в. в княжеских договорах иногда еще повторялось старинное

условие: «а боярам и детям боярским и слугам между нас вольным воля», но уже и тогда эта вольность подвергалась сильным ограничениям, главные дружинные права постоянно стеснялись и нарушались; прежние думцы и слуги вольные низводятся до значения подневольных служилых людей, всеми своими отношениями прикрепленных к особе единодержавного государя московского. Согласно с таким значением служилого класса, в состав его входит новый элемент, чуждый старинной дружине: подле прежней младшей дружины, наравне с детьми боярскими и даже иногда выше их, государь ставит своих дворовых слуг, дворян. Условия государства, в котором эти люди составляли собственно военный класс, произвели и другую перемену в их положении. Прежние княжеские дружины, постоянно находившиеся при князе, содержавшиеся непосредственно на его счет, можно было еще назвать постоянным войском: по характеру прежних отношений княжеского рода к стране, сравнительно немногие из дружинников князя отвлекались от его двора для отправления невоенных должностей в стране. С усилением Московского государства, потребность государственного управления и способ содержания служилых людей чаще отвлекали их к посторонним невоенным занятиям и лишали характера постоянного войска. Хотя войны были очень часты, но в промежутки мирного времени масса служилых людей оставляла оружие до нового сбора и расходилась: низшие чины возвращались в свои поместья, высшие оставались при дворе или отправлялись на правительственные должности по областям.

Главное учреждение, которое ведало (по крайней мере, во второй половине XVI в.) дела, относившиеся к войску, был Разряд или разрядный приказ. Здесь хранились

списки всех служилых людей; в эти списки вносились имена всех дворян и детей боярских, достигших определенного возраста. В каждой области наместник также вел счет находившимся в ней служилым людям. Каждые два или три года государь производил по всем областям общий пересмотр этих людей, чтоб знать их число и сколько каждый имеет лошадей и служителей. О сборе служилых людей имеет известие от конца XVI в. Начальники четвертей в случае войны разсылали повестки к областным правителям и дьякам, чтобы все дети боярские к известному дню собирались на такую-то границу, туда-то.

Там отбирали их имена писцы, назначенные Разрядом. Не явившиеся в срок подвергались штрафу и строгому наказанию. Герберштейн говорит, что на это время прерывался обычный ход замещения очередных должностей и все служилые люди должны были идти в поход. Служилым людям редко дается покой, говорит тот же иностранец. Отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью; на востоке шла непрерывная борьба с степными хищниками, против которых ежегодно выставлялось на Украйну значительное войско.

О числе войска имеем различные показания. Те из иностранных писателей, которые не были сами в России, сообщают огромные цифры. Кампензе, перечисляя княжества, составлявшие собственно Московское государство (без Пскова, Новгорода и Смоленска), говорит, что в одном Московском княжестве считается до 30,000 бояр и дворян (детей боярских), служащих всадниками и всегда готовых к войне; кроме того государь всегда может собрать в нем 60,000—70,000 пехоты из простолюдинов. В кня-

жестве Рязанском считается до 15,000 таких же всадников, да из простолюдинов можно набрать всегда вдвое или втрое больше этого числа; в Тверском считается 40,000, а из простолюдинов можно также набрать вдвое или втрое более. По показанию Новия, великий князь Василий всегда мог выставить в поле до 150,000 всадников. По свидетельству Иоанна Ласкаго, гнезенскаго архиепископа, обыкновенное число конного войска московского государя превышало 200,000. Адам Климент со слов своих соотечественников, бывших в Москве, говорит, что, готовясь к войне, московский государь никогда не вооружает меньше 900,000 человек: из них 300,000 выводится в поле, из остальных составляются гарнизоны, располагаемые в пограничных местах для обороны государства. Чеислер ограничивается 200,000—300,000 человек, которых государство могло выставить в поле, и добавляет, что если сам царь выступает в поход, войска при нем никогда не бывает менее 200,000: немало ставят ратных людей и по границам; так на западной границе, при Иоанне IV стояло 100,000, да по границам с ногайскими Татарами до 60,000 человек. Так как приведенные показания заимствованы прямо или посредственно из рассказов русских, то эти, без сомнения, преувеличенные, цифры легко объясняются понятным желанием рассказчиков выставить в выгодном свете военные силы своего отечества. Московские послы в Вене говорили доверчивому Фабри, что в их отечестве есть такие могущественные и богатые вельможи, которые в случае нужды выставляют своему государю по 30,000 всадников, и что там в несколько дней, подобно пчелам, может сделаться огромное войско в 200,000—300,000 всадников. Из писателей, бывших в Москве, Герберштейн, от которого мы могли

бы ожидать наиболее достоверного показания, нигде не определяет числа всего войска; другие значительно уменьшают приведенные цифры. Поссевин, имея в виду показание Фабри, говорит, что как ни обширны владения московского государя, но в них больше пустых, чем населенных мест, и неосновательны известия некоторых, будто из этих владений выходит на войну 200,000 или даже 300,000 всадников. Однакож и по его взгляду число войска было очень велико сравнительно с населенностью страны: он говорит, что из 10 жителей один служит или в царских телохранителях, или в походе, или в гарнизонах по крепостям. Более определенные известия находим у Флетчера, хотя трудно сказать, насколько они достовернее. По его показанию, число конного войска на постоянном жаловании простиралось до 80,000. Из них 15,000 дворян составляли отряд царских телохранителей, разделяясь на 2 степени: дворян больших, дворян средних и детей боярских. Остальные 65,000, также из дворян, ежегодно отправлялись на крымскую границу, если не получали другого назначения. В случае надобности брали еще детей боярских, не получавших постоянного жалования, а если и их было мало, то приказывали помещикам выставить в поле соразмерное с их поместьями число крестьян в полной аммуниции.

Здесь мы должны остановиться на известии Флетчера о 65,000 ратников, выставляемых ежегодно против крымских Татар. Герберштейн говорит, что даже в мирное время по Дону и Оке ставится ежегодно гарнизоны и сторожа в числе 20,000 чел. для предупреждения татарских нападений. Гваньини, повторяя это известие в конце XVI в., считает нужным прибавить, что выставляется и больше 20,000. Мы знаем, что «бережение»

южных границ от степных кочевников всегда составляло одну из важнейших забот московского правительства; знаем, какие страшные следы оставляли по себе Татары в Московском государстве, когда им удавалось тайком пробраться за Оку из южных степей. Чем более московский государь обращал внимание на запад, тем сильнее чувствовалась нужда обезопасить южные границы от азиатских хищников. Во второй половине царствования Иоанна IV мы видим, как правительство хлопочет о лучшем устройстве пограничных сторожей, станичной польской службы «для береженья от приходу воинских людей». Сличение показаний Герберштейна и Флетчера, из которых одно относится к первой, а другое к последней четверти XVI века, наглядно показывает, в какой мере увеличивались усилия Московского государства для защиты южных границ от его давних врагов.

Служилые люди, дети боярские, составляли главную массу войска; но и люди не служилые из городского и сельского населения участвовали в войне личной службой. В XV в. посылали в поход ратников из городских жителей; в XVI в. города «рубили» пищальников; сельское население издавна участвовало в отправлении военной службы, поставляя пехоту. Войско преимущественно состояло из конницы: в битвах почти исключительно участвовала конница. Пехотные отряды были издавна; городовые пищальники и посошные ратники были и конные, и пешие, но последние употреблялись только для работ; купцы, смерды, бобыли и прочие «житейские», неслужилые люди также издавна составляли пешие рати. По словам Чеслера, пешие ратники употреблялись только при наряде и для работ; их было 30,000 человек. Пешие отряды вообще имели второстепенное значение и большею

частию не участвовали в схватке в открытом поле. Это преобладание конницы условливалось частию самым характером войн с степными юговосточными соседями; Новий имел некоторое основание сказать, что пехота в обширных пустынях почти бесполезна, потому что Татары более выигрывают внезапным нападением и быстротою своих коней, нежели фронтовою службою или стойкостию в схватке. В первой половине XVI в., при великом князе Василие, в русском войске положено было начало важному нововведению: в сражение начали вводить пехоту. Введение пехоты, как главной составной части войска, в Европе стоит в тесной связи с введением огнестрельного оружия и постоянных армий; этими тремя нововведениями открывается новая эпоха в развитии военного искусства. Стефан Баторий своею славой и успехами на военном поприще обязан был, кроме личного таланта, и тому, что он первый в северовосточной Европе вышел в поле с закаленной в боях пехотой. По свидетельству Герберштейна, Василий вывел в поле пехотный отряд впервые против Татар, вместе с пушками; по его же словам, у этого князя было 1,500 пехоты, состоявшей из Литовцев и всякаго пришлого сброда. Ясно, что эта пехота имела характер, отличный от употреблявшихся до того времени пеших отрядов; можно думать, что этим сбродным отрядом положено было основание постоянной пехоте в московском войске.

Во второй половине XVI в. число наемных пехотных солдат из иноземцев увеличивается; при Флетчере их было уже до 4,300 челов.; из них малороссийских казаков (черкас) около 4,000, Голландцев и Шотландцев около 150, Греков, Турок, Датчан и Шведов один отряд из 100 человек. Последних, прибавляет Флетчер, употребляют

только на татарской границе и против сибиряков, а Татар, которых нанимают только на время, против Поляков и Шведов. Проезжая в Москву, Ульфельд видел больше 25,000 легко вооруженных Татар, направлявшихся в Ливонию. Подле иностранной пехоты во второй половине XVI в. видим и русскую пехоту — стрельцов. При Флетчере их было 12,000; из них 5,000 в Москве, или где находился царь, 2,000 (стремянные стрельцы) при самой особе царя; последние принадлежали к дворцовой страже; остальные отправляли гарнизонную службу по городам.

В первой половине XVII в. конница по-прежнему преобладала в московском войске, только во второй половине этого века, по показанию Мейерберга и Рейтенфельса, пехота превышала численностью конницу и составляла лучшую часть русского войска. Конное войско составлялось из дворян московских, выборных [115]), городовых и детей боярских. Отряды назывались по имени городов, в округе которых дворяне имели свои вотчины или поместья; некоторые города, напр., Смоленск, Новгород, выставляли от 400 до 1,200 всадников. Каждый помещик и вотчинник обязан был приводить с собой по одному конному и одному пешему ратнику со 100 четвертей владеемой земли [116]). Так составлялось до 100,000 конной рати из служилых людей. К ним присоединяли до 28,000 конных Татар, Черемис и Мордвы, а в случае нужды до 10,000 казаков. В пехоте первое место занимали

[115]) Выборными дворянами, по Маржерету, назывались лучшие поместные владельцы, которые поочередно присылались в Москву из областей на три года. Стр. 52.

[116]) Маржерет, 59.

стрельцы, из которых одни жили в Москве, другие по областным городам. При Маржерете первых было до 10,000; вторые составляли гарнизоны по городам, особенно пограничным с Татарами. Во второй половине XVII в. число стрельцов увеличилось; при Невиле их было 18,000, разделенных на 28 полков [117]), всех же стрельцов, по показанию Мейерберга, было в Московском государстве до 40,000. Они разделялись на приказы, по 500 человек в каждом. Каждым приказом заведывал голова, от котораго зависели полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники, заведывавшие отдельными частями приказа. Кроме стрельцов, державших караулы в Москве, Невиль упоминает об отряде, который составлялся из московских горожан и в мирное время употреблялся для той же цели. Когда приходила их очередь замещать караулы, они получали одежду из казны и, отстояв положенное время, возвращали ее. Стрельцы имели характер постоянного пешего войска; остальная пехота собиралась только в военное время. Эта временная пехота составлялась из малопоместных или беспоместных служилых людей, преимущественно же из неслужилого населения посадских людей и крестьян. В случае большой потребности в людях брали из этих классов 10-го, 7-го и даже 3-го. Духовенство также поставляло «даточных людей» с своих поземельных имуществ, по одному конному и одному пешему со 100 четвертей. У Мейерберга находим неопределенное известие о «солдатахъ»: он говорит, что в случае нужды царь мог собрать какое-угодно число пеших ратников, которые сбегаются на звук барабана в надежде поживиться во время похода богатой

[117]) Ср. Котошихин, гл. VII, ст. 5.

добычей; в отличие от стрельцов, их называют солдатами; они распределяются на полки, под командой иностранных офицеров. Это известие, несовсем точное, указывает на особый род войска, возникший или по крайней мере развившийся во второй половине XVII в., под управлением иноземных офицеров. Хорошее жалованье привлекало иностранцев в русскую службу, и в XVII в. число иностранных офицеров в русском войске увеличивалось в значительной степени. При Мейерберге (в 1662 г.), кроме 4 генералов, в Москве было более 100 иноземных полковников, множество подполковников, майоров и других офицеров. Усилившийся наплыв людей, знавших военное дело, дал правительству возможность ввести хотя в некоторые части войска правильное устройство и обучение военному делу. Такие войска были и конные, и пешие; они назывались рейтарскими и солдатскими полками, которые набирались из охочих людей, беспоместных или малопоместных дворян и детей боярских, а также из крестьян по всему государству [118]). Ими командовали преимущественно иностранцы. Рейтенфельс уверяет, что эти полки могли равняться с лучшими войсками Европы.

По известиям XVII в., в мирное время содержалось на-готове до 100,000 войска; когда открывалась война, число это возрастало до 300,000, кроме холопей и обозных служителей, которые не считались в действующем войске. Задумав войну, московское правительство, за год до того времени, когда предполагалось открыть ее, при-

[118]) См. Котошихин, гл. IX, ст. 2: «А прибираючи тѣхъ рейтаръ полные полки, отдаютъ иноземцомъ и русскимъ людямъ полковникомъ, и бываетъ имъ ученіе». То же самое говорит он и о солдатских полках.

казывало произвести общий осмотр ратных людей по всему государству, чтобы знать, сколько можно собрать их. Если число оказавшихся находили недостаточным, назначали чрезвычайный набор с крестьян и посадских людей, с русских инородцев, по одному с 10-ти, 7 или даже с 3, смотря по надобности [119].

Собравшиеся и осмотренные служилые люди распределялись по десяткам, сотням и т. д., высшее деление было на полки. Каждый полк имел свое знамя и своего воеводу. На знамени главного полка изображался Иисус Навин, останавливающий солнце, на других—Георгий Победоносец. Во главе всего войска стоял большой воевода, непосредственно подчиненный царю, избиравшийся обыкновенно из представителей главных вельможеских родов в государстве. При этом выборе не обращалось внимания на таланты и опытность; для замены этих недостатков к большому воеводе присоединяли в товарищи более даровитого и опытного, хотя и менее знатного родом человека. Эти двое главных воевод управляли большим полком. Им подчинены были воеводы остальных полков: передового, правого, левого и сторожевого или резерва. Каждый из этих последних воевод имел при себе по два товарища, которые дважды в неделю должны были делать смотр своим отрядам. Под воеводами стояли головы, начальствующие над 1,000, 500, 100, 50, 10. Кроме воевод 5-ти главных полков, были еще: нарядный воевода, начальник гулевого отряда, состоявшего из 1,000 отборных всадников, употреблявшихся для разъездов и шпионства. Все эти начальники должны были раз в день

[119]) Ulfeld, 10 и 42.—Маржерет, 52 и след.—Mayerberg, 11, 125 и 133.—Рейтенфельс, 38—40.—Neuville, 41.

являться к большому воеводе с донесениями и для получения приказаний. Петрей оставил описание осмотра, который производился собравшимся ратникам пред выступлением в поход. Воеводы собираются вместе и садятся в избе у окон или в шатрах и вызывают к себе один полк за другим. При них стоит дьяк со списком в руках, по которому он вызывает по имени каждого ратника; ратник должен выступить вперед и показаться воеводам. Если какого ратника не оказывалось налицо, дьяк ставил в списке против его имени отметку для дальнейших распоряжений. При осмотре не обращали внимания на то, в каком вооружении, с какими слугами и лошадьми явился ратник; смотрели только, явился ли он сам лично. Неявка на службу преследовалась строго; виновный терял имущество или поместье, если таковое имелось за ним. Никому не позволялось заменять себя другими; в оправдание неявки не принимали никаких отговорок, ни старости, ни болезни. Смотр повторялся и во время похода каждую неделю. Гваньини и Кобенцель упоминают об особенном способе, посредством которого царь узнавал число отправившихся в поход, а также и не вернувшихся из него ратников: перед выступлением каждый ратник отдавал в казну одну деньгу (по Кобенцелю 3), которую получал назад по возвращении; деньги не возвратившихся оставались в казне [120]).

Лошади, на которых всадники выступали в поход, были мерины, ниже среднего роста, но обыкновенно быстрые и сильные, неподкованные, с легкими уздами; кроме русских, в войске употреблялись татарские лошади. Михалон говорит, что Москвитяне каждую весну получают из

---

[120]) Кобенцель, 50.—Guagnino, 177.

Ногайской орды по нескольку тысяч лошадей, годных для войны, платя за это одеждой и другими дешевыми вещами. Седла делались так, что всадники без затруднения могли поворачиваться на них и стрелять во все стороны. На лошади сидели они по-турецки, поджавши ноги, вследствие чего не могли выдерживать значительного удара копьем. Шпоры были у очень немногих, большая часть употребляли ногайки, которые вешали на мизинце правой руки; повода у узды были двойные, с отверстием в конце, которым они надевались на палец правой руки, чтобы можно было, не выпуская его, пользоваться луком. Обыкновенное вооружение всадника состояло из лука на левом боку, колчана со стрелами под правой рукой, топора и кистеня; у некоторых были продолговатые ножи, употреблявшиеся вместо кинжалов, глубоко запрятанные в суме; употребляли также, особенно пешие, дротики или небольшие пики. Мечи имели только люди познатнее и побогаче. Хотя всадник в одно и то же время держал в руках: повод, лук, меч, стрелы и ногайку, однако же умел ловко и свободно управляться со всем этим. Некоторые из знатных надевали кольчуги искусной работы, латы, нагрудники, но очень немногие имели шлемы с пирамидальной верхушкой. Одежда на всех была длинная до пят, у некоторых шелковая подбитая шерстью, чтоб лучше могла выдерживать удары. У воевод и других начальных людей лошади украшались богатой сбруей, седла делались из золотой парчи, узды убирались золотом с шелковой бахрамой и унизывались драгоценными камнями; сверх лат надевали одежду с горностаевой опушкой, голову покрывали стальным блестящим шлемом, на боку вешали меч, лук и стрелы, в руке держали копье с прекрасным нарукавником; впереди

воеводы везли шестопер или начальнический жезл. За каждым воеводой возили до 10 набатов или медных барабанов, которыми давали знак к сражению. Сабли, луки и стрелы похожи были на турецкие. Стреляли, как Татары, взад и вперед. Стрельцы носили только бердыш за плечами, меч с боку и самопал в руке, с прямым, гладким стволом, весьма тяжелый, хотя он заряжался очень небольшой пулей. Ратники из крестьян выходили в поле даже с рогатинами, удобными только для встречи медведя, по выражению Маржерета.

В XVII в., с усилением пехоты, стало входить в большое употребление огнестрельное оружие. Солдатские полки употребляли мушкеты с фитилями, рейтары—карабины и пистоли, которыми умели действовать, по словам Петрея, не хуже европейских стрелков. Татары и другие восточные инородцы долго и в XVII в. являлись только с луком и кривыми саблями или пиками, пока и их не стали снабжать карабинами и пистолями. Мы видели, что вместе с пехотой в княжение Василия впервые была выведена в поле и артиллерия. Пушки упоминаются в Москве еще в конце XIV в. В XVI в. нарядом заведывали иностранцы. Герберштейн говорит, что великий князь Василий имеет литейщиков из Немцев и Итальянцев, которые, кроме пушек, льют железные ядра, подобные тем, какие употребляются на западе, но что Русские не умеют употреблять пушки в сражении, потому что главное у них—быстрота движений. Но в конце XVI в. Гваньини уже говорит, что Русские в его время очень часто и очень искусно действовали пушками, выучившись этому у каких-то беглых Итальянцев, Немцев и Литовцев. Полагают, говорит Флетчер, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как

русский царь, чему отчасти может служить доказательством оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве пушки, все литые из меди и весьма красивые. Пушки делали за границей и привозили в Россию через Архангельск или также и в Москве. При Олеарии в Белом городе был литейный завод, которым управлял вызванный из Голландии мастер Иоган Вальк. Русские, работавшие под его руководством на этом заводе, по отзыву Олеария, не уступали в литейном мастерстве самым опытным Немцам [121]).

Относительно продовольствия войска во время похода Флетчер говорит, что царь никому ничего не отпускает, кроме иногда некоторого количества хлеба, и то на деньги служилых же людей; поэтому каждый, идя в поход, должен иметь при себе провианта на 4 месяца, а в случае недостатка может приказать привесть его к себе в лагерь из своего имения. Но из Русских известий XVI в. мы знаем, что хлеб иногда доставлялся в лагерь посошными людьми или подрядчиками на казенный счет. Обыкновенно же брали кормы по местам, по которым проходило войско. Русскому войску, прибавляет тот же иностранец, много помогает то, что каждый Русский в отношении жилища и пищи с детства готовится быть воином. Люди среднего состояния обыкновенно имеют при себе сухари, несколько крупы, пшена и муки, которую мешают с водой, делая таким образом комок теста; его едят сырым вместо хлеба; кроме того, берут фунтов 8 или 10 ветчины или другого сушеного мяса, несколько соли, к кото-

[121]) Petrejus 301. Sie (москвитяне) machen jetz und selbst Musketen und Stücken, wie auch andere Kriegsmunition, daran sie ein grosses Vermögen haben und reich sein.

рой у богатых присоединяется перец; простые ратники довольствуются сухарями и толокном, т. е. поджаренным и высушенным овсом, измолотым в муку. Кто имеет с собой 6 лошадей и столько же слуг, на одной лошади укладывает обыкновенно все жизненные припасы для содержания себя и прислуги. Каждый имеет также при себе топор, трут, котел или медный горшок. Для лагеря избирают обширное место, где знатнейшие раскидывают палатки; здесь же выпускаются на пастбище лошади, для чего между палатками оставляют большие пустые пространства. Лагерь не укрепляется ни рвом, ни обозными телегами, ничем другим, если только не попадалась такая местность, которую сама природа оградила лесом, рекою или болотами. Иностранцы с удивлением говорят о терпении и неприхотливости простого московского ратника во время лагерной жизни. Простые воины строят себе шалаши из прутьев, покрывая их войлоками, где хранят седла, луки и сами защищаются от дождя, или, еще проще, прибовают к земле ветви кустарника, раскидывают сверху собственные епанчи и укрываются под ними от непогоды. Довольствовались очень скудными средствами. Имея лук и чеснок, московский ратник легко обходился без остальных приправ. Пришедши в местность, где и этого нет, этот житель снегов, этот темный и пренебрегаемый сармат, по выражению Климента, разводит себе небольшой огонь, наливает воды в горшок, кладет туда ложку муки или крупы, добавляет соли и, сварив, довольствуется этим наравне с прислугой; последняя, впрочем, когда господин в нужде, голодает дня по два и по три. Когда господин хочет пообедать роскошнее, он кладет в котел кусок ветчины или другого сушеного мяса. Не лучшим продовольствием пользуются

и лошади; большею частию, если они не находят подножного корма, они питаются древесною корой или мягкими прутьями. Нередко месяца по два терпят такую нужду всадник и лошадь, и однакоже сохраняют прежнюю силу и бодрость. Все это, разумеется, не относилось к знатнейшим и начальным людям, которые пользовались в походах большими удобствами: они помещались в палатках и имели гораздо лучшие запасы. К своему столу они иногда приглашали людей победнее, которые,—добавляет Герберштейн,—хорошо пообедав у них, после 2 или 3 дня постятся. Государь, когда бывал в походе, окружал себя особым великолепием; шатер его обтягивался золотым полотном, украшенным узорами и жемчугом. Петрей описывает порядок выступления московских полков из лагеря, из чего можно отчасти видеть их ратный строй, каким был он в начал XVII в. и каким сохранился до котошихинских времен. Впереди выступает передовой полк, во главе которого идет около 5.000 стрельцов в зеленой одежде, с длинными пищалями, по пяти в ряд. За ними ведут 8 или 10 воеводских коней, богато убранных; седла на них покрыты большими черными медвежьими или волчьими шкурами. Затем следует воевода полка; он едет один; на седле у него висит небольшой котлообразный набат. За воеводой движется самый полк безпорядочною толпой, и как скоро кто-нибудь поравняется с воеводой или обгонит его, последний ударяет плетью по набату, давая знать, чтобы тот подался назад За передовым полком идет большой, со множеством трубачей и литаврщиков, которые бьют в литавры и трубят в трубы.

Эта музыка наводила тоску на иностранцев; по словам Корба, она скорее могла навеять уныние, нежели

возбудить воинственное одушевление. За музыкантами идет несколько тысяч стрельцов, одетых в красное платье, с белою горностаевою опушкой, по 5 в ряд, за ними ведут коней большого воеводы, в богатом убранстве; седла на них покрыты леопардовыми кожами и рысьими мехами. Наконец, за конями едет большой воевода, в сопровождении военных советников из служилых московских людей и иностранцев, за которыми следует толпою большой полк; направо от него идет правый, на лево — левый полк. Шествие замыкает огромный обоз; все кричат как бешеные, едут без всякого порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство [122]).

«Если бы русский ратник, говорит Флетчер, с такою же твердостью исполнял те или другия предприятия, с какою он переносит нужду и труд, или сколько же был бы способен и навычен к войне, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей».

Такой нелестный переход делает иностранец от удивления перед суровостью и терпением, с которым московский ратник переносил неудобства и лишения всякого рода, к его военному искусству. Контарини замечает, что у московского государя довольно ратных людей, но большею частию они никуда не годны. Некоторые иностранцы удивляются физической силе московских ратников; Гваньини советует осторожно схватываться с ними в сражении,

[122]) Ср. Котошихин, гл. IX, ст. 1.

чтоб не попасть к ним в руки, из которых, благодаря их необыкновенно крепким мускулам, трудно вырваться. Москвитянин, говорит Гваньини, один без всякого оружия смело выходит на дикого медведя и, схватив его за уши, таскает до тех пор, пока тот в изнеможеньи не повалится на землю. Михалон говорит, что Москвитяне превосходят Литовцев деятельностию и храбростию; у них не было также недостатка и в преданности своему делу, в особенности к самопожертвованию. Стефан Баторий рассказывал Поссевину, что в литовских крепостях находили московских ратников, которые, едва дыша от утомления и голода, еще оборонялись от осаждающих, чтобы до конца не нарушить верности своему государю: «этим только и берут они», добавляет от себя Поссевин. Поэтому московское войско действовало хорошо в тех случаях, которые требовали означенных качеств, где самая обстановка заставляла брать терпением и упорством. Оно редко брало города приступом, но предпочитало вынуждать их к сдаче продолжительною осадой, моря осажденных голодом или стараясь склонить их к измене, за то оно отлично отстаивало города, обнаруживая здесь удивительную деятельность и стойкость. Но по общему мнению, московское войско оказывалось несостоятельным, где требовалось искусство, где обстановка дела не поддерживала твердости и не отрезывала путей к отступлению. По сознанию самих иностранцев, Московское государство, благодаря своей артиллерии, какая бы она ни была, стояло в военном отношении гораздо выше восточных своих соседей. Стефан Баторий, по свидетельству Поссевина, именно тем и объяснял успехи Иоанна IV на востоке, что его войска действовали против Татар с артиллерией, незнакомой последним, и лучше их владели ору-

жием [123]). Но в каком отношении стояли Татары к Москвитянам в деле военного искусства, в таком отношении находились сами Москвитяне к западным своим соседям. Открытый бой с Поляками и Литовцами в чистом поле, говорит Гваньини, очень редко удается московскому войску и оно редко вступает с ними в такой бой, потому что не имеет тех качеств, которыми враги обыкновенно побеждают его, не имеет ловкости и стойкости, не умеет драться и владеть оружием по правилам искусства. Подобно всем восточным ополчениям, состоящим преимущественно из конницы, оно, за недостатком искусства, старалось брать более количеством и силою первого натиска, нежели стойкостью и строгим порядком в действии. Вступая в бой, оно двигалось нестройною, широко-растянутою толпой, сохраняя только деление по полкам. При наступлении, музыканты, которых всегда в нем было множество, все вдруг начинали играть на своих трубах и сурнах, поднимая странный, дикий шум, невыносимый для непривычнаго уха. К этому присоединялся при самой аттаке оглушительный крик, который поднимало все войско разом. В сражении прежде всего пускали стрелы, потом брались за мечи,—хвастливо размахивая ими над головами прежде, чем доходили до ударов.

Первый натиск старались произвести как можно стремительнее и сильнее, но не выдерживали долгой схватки,

[123]) Так же смотрели на дело и сами Татары. Когда во время Ливонской войны водили по улицам Москвы пленных Ливонцев напоказ народу, один татарский хан, тоже пленный, сказал: «По делом вам, Немцы! вы дали царю въ руки розги, которыми он сначала нас высек, а теперь сечетъ нас самих». Соловьевъ «Исторія Россіи», т. VI, стр. 240.

как будто говоря врагам, по замечанию Герберштейна: «бегите, или мы побежим». Зная это свойство московских ратников и их мускульную силу, западные враги их остерегались вступать с ними прямо в рукопашный бой, но старались стойкостью и изворотливостью выдержать первый напор и потом обратить их в бегство. С своей стороны, московские войска, с большею твердостью сражаясь издали, нежели вблизи, больше всего старались обойти неприятеля и напасть на него с тыла. Первое нападение делала обыкновенно конница, а пехоту помещали в засаде, откуда она могла бы произвести неожиданный и наиболее удачный натиск на неприятеля. Это иногда удавалось московскому войску. Засада решила дело в его пользу в Ведрошском сражении. Но, с другой стороны, привычкой открывать бой стремительным нападением и недостатком стойкости в дальнейшем действии также ловко пользовались иногда и западные неприятели Москвитян, как было, напр., при Орше в 1514 году.

Вообще в XVI в. все резче и резче обнаруживалось расстояние, на которое Москва отстала в военном искусстве даже от Литвы, не говоря уже о других западных государствах.

Польское войско было в Москве на лучшем счету, по словам Флетчера. Герберштейн, а за ним Флетчер делают следующее любопытное сравнение московскаго ратника с турецким и татарским: «Русский ратник, если он уже раз начал отступать, все свое спасение полагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не молит о пощаде, зная, что должен умереть. Турок, потеряв надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает оружие, поднимает руки вверх, как бы дозволяя связать себя, на-

деясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля. Татарин охотнее соглашается умереть, нежели уступить неприятелю, и, свергнутый с коня, обороняется до последнего издыхания зубами, руками и ногами, чем только может [124]).

Если войско одерживало победу, брало город, царь посылал ратным людям награды. Для воевод и других начальных людей обыкновенной наградой была золотая деньга овальной формы; простым ратникам раздавали серебряные такой же формы медали.

Несмотря на перемены, происшедшие в устройстве русского войска в XVII в., тактика до конца века оставалась прежняя: бой открывали стремительным натиском, но, встретив отпор, также неудержимо обращались в бегство; изменился только порядок нападения. Пехоту, вооруженную бердышами, как главный оплот войска, стали выставлять вперед. Иностранцы выгодно отзываются о московской пехоте: под управлением мужественного вождя, она дралась необыкновенно хорошо, соблюдая приемы правильного боя, если у нее была какая-нибудь опора, ров или ограда из обозных телег. Зато о коннице, состоявшей из служилых людей и их дворовых слуг, иностранцы самого дурного мнения: она билась гораздо хуже пехоты; сделав залп и видя, что неприятель не дрогнул, она быстро обращалась в бегство, оставляя пехоту без поддержки.

Вообще служилые люди Московского государства, по самому рождению призванные быть воинами, по отзы-

[124]) Кампензе, 23 и след.—Новий, 53 и след.—Fabri, 132.—Clemens Adam, 149.—Herberstein, 7, 10 и 36.—Possevino, 8, 11, 19 и 60.—Михалон, 11, 27 и 29.—Флетчер, гл. 15-я, 16-я и 17-я.—Hakluyt, I, 265.

вам наблюдателей, сильно страдали недостатком мужества и военной чести. Они не считали предосудительным, пользуясь продажностью московских дьяков, дорогой ценой откупаться от похода или даже, в случае возможности, убегать домой из лагеря.

По замечанию Корба, они не понимали, как можно добровольно подвергаться опасностям войны, и считали безумными тех немцев, которые сами напрашивались на участие в походе. Понятно, почему и в XVII в., несмотря на некоторые перемены к лучшему в военном устройстве, московское войско попрежнему оказывалось несостоятельным при встрече с западными войсками, даже польскими. По выражению Корба, только Татары боялись московского оружия; западные соседи смеялись и над духом и над искусством московских ратников [123]).

Увеличение враждебных столкновений с западными соседями, тяжелый опыт, выносимый отсюда, сознание отсталости—все это заставляло московское правительство, обыкновенно во всем так ревниво оберегавшее старину, отцовский обычай, делать некоторые перемены в ратном деле, хлопотать о наряде, о найме способных заправлять им иностранцев, о заведении постоянной пехоты. Недостаток искусства заставлял увеличивать количество сил, а увеличение количества требовало увеличения расходов. Служилые московские люди, говорят иностранцы, должны отправляться в поход на свой счет, а походные издержки у них не такие, как у нас, каждый дворянин едет на войну с 6-ю или более лошадьми и таким же числом слуг. Государство обязывало служилых людей

[123]) Korb 183. Umbratilis certe miles et hostis ludibrium nisi parem invenerit.

являться на войну «конно, людно и оружно». Откуда добывали они средства для этого?

Служилый класс составляли бояре, дворяне и дети боярские с разными подразделениями. Мы видели, какая перемена произошла в отношениях высших членов старинной дружины к их прежнему вождю, великому князю, а потом царю московскому; мы знаем, что эта перемена была не в пользу первых. Эта перемена, разумеется, должна была отразиться и на низших членах дружины; они также из вольных слуг стали теперь подневольными холопами государя. Но, поставив последних в такое положение, эта перемена имела для них и выгодное следствие, какого не имела для бояр. Борьба государей московских со старыми дружинными притязаниями была собственно борьбой только с боярством и вообще с высшими членами дружины: они отстаивали свои старые права, окружая власть, которая не могла с ними ужиться. Эта борьба верховной власти с прежнею старшею дружиной, уничтожив прежнее доверие между ними, заставила первую обратиться к младшей дружине, позаботиться об ея интересах, чтобы найти себе в ней опору и противопоставить ее противникам. В XVI в. правительство старалось поднять значение дворянина, дать ему высшее место перед сыном боярским; но точно также в конце этого века интересы сына боярского оно предпочло интересам боярина. Это ясно сказалось в мерах, которые правительство принимало для обеспечения материального положения служилого класса. Меры эти условливались отношением служилого класса к остальному народонаселению. В России, говорит Флетчер, каждый воин есть дворянин, и нет других дворян кроме военных, на которых такая обязанность переходит по наследству от предков—явление, не исключи-

тельно-свойственное России,—и каждый иностранец из какого-нибудь западно европейского государства по одному этому известию мог составить себе понятие об отношении военного класса в России к остальному народонаселению, припомнив историю своей собственной страны, он мог понять, что в России военный класс составляет особую массу, не смешивающуюся с остальным народонаселением, и кормится на счет последнего. Как кормится?—так, как кормится военная масса, еще не смешавшаяся с остальным народонаселением, во всех неразвитых и преимущественно земледельческих государствах, страдающих недостатком движимого капитала, производящих мену больше натурой, т. е. кормится натурой же, непосредственно на счет рабочего населения. Именно в таком первоначальном положении застали иностранцы XV и XVI в. отношения между военным и невоенным населением Московского государства; перемены, происшедшие в положении различных элементов Московского государства в эти два века, не изменили сущности отношений между военным и невоенным населением страны в сравнении с XIII или XIV в. Еще в начале XV в. живо сохранялось старинное значение слова «муж»; если понимали прежнее значение «мужа», понимали и прежнее значение «людей», мужиков. Какие бы чины и деления ни вносило государство в общество, в котором такие понятия опирались на живую действительность, в сущности это общество распадалось на два класса; военный, который защищал страну, и невоенный, который непосредственно кормил этих защитников. Если древняя Россия не оставила нам слова, которым одним мы могли бы назвать и охарактеризовать военный класс во всем его объеме, то для невоенного мы имеем несколько таких характеристических слов. «люди», «про-

стые, черные люди», «земские, тяглые люди»,—каждое из этих названий близко передает значение, какое имел невоенный класс в государстве.

Главною, общею формой непосредственного кормления военного класса на счет черных людей была раздача поместий. И здесь обнаружилось то различие, которое, вследствие известных нам причин, делало правительство между высшими и низшими членами служилого класса.

В то время, когда князья Рюриковичи, переходя на службу к князю московскому, теряли свои вотчины за исключением небольших участков, когда и эти сильно урезанные отчины, вместе с вотчинами старых бояр московских, по приказу государя, отнимались, менялись на другие, жалованные государем, и разными средствами, под разными предлогами, отписывались на государя, — в то самое время правительство сильно хлопочет о мерах к обеспечению содержания низших служилых людей, дворян и детей боярских. Когда собирание северо-восточной Руси, с таким успехом конченное в первой половине XVI в., увеличило до громадных размеров количество земли, которою могла располагать казна, этою землей прежде всего воспользовались именно для испомещения низших служилых людей. Низшим же служилым людям прежде других положено было и постоянное денежное жалованье; наконец, в их интересах и к невыгоде крупных землевладельцев, которыми были те «старейшие бояре», на которых указывал царь В. И. Шуйский, как на противников прикрепления крестьян, в интересах именно мелких землевладельцев заказан был выход крестьянам. Но если иностранцам, приезжавшим в Москву из западной Европы, это непосредственное кормление военной массы на счет невоенного народонаселения, не могло показаться

само по себе новостью, то в самом устройстве этого кормления, в отношениях к нему правительства, их внимание не могли не остановить на себе некоторые особенности. Впрочем, мы имеем от них очень немногие отрывочные известия о поместьях: короткого пребывания в Москве и расспросов здешних жителей было слишком недостаточно для того, чтобы составить ясное понятие об этом предмете. Потому иностранные известия о нем касаются только внешней, наиболее видной стороны дела, именно некоторых отношений правительства к поместьям и помещикам. Герберштейн говорит, что знатнейшим служилым людям для отправления посольств и других более важных должностей даются, между прочими средствами содержания, и поместья [125]; но он ничего не говорит о поместьях, которые давались простым служилым людям для отправления военной службы,— не говорит, может-быть, потому, что в первой четверти XVI в. раздача поместий еще не достигла значительных размеров. По словам Флетчера, сын дворянина, поступивший на службу, являлся в Разряд, где имя его записывалось в книгу, а ему самому давались известные земли для отправления службы, обыкновенно те же самые, какими пользовался его отец. Последние слова можно принять только в самом общем смысле, но совсем нельзя принять причину, которою Флетчер объясняет это наделение сыновей обыкновенно теми же самыми землями, которыми пользовались их отцы; по его словам, это происходит от того, что земли, определенные на содержание войска, всегда одне и те же, без малейшего увеличения или уменьшения, и эти земли на всем пространстве государства все уже заняты. Относительно прежнего времени это

[125]) Herberstein, 10.

известие о постоянно-одинаковом количестве земель, которые правительство могло раздавать в поместья, конечно, неверно, но оно неверно и относительно того времени, когда писал Флетчер: во 1-х, колонизация тогда еще продолжалась и даже, можно думать, в больших размерах, чем прежде, доставляя правительству новые пространства земли, постепенно, хотя и медленно населявшиеся; государство, по своим отношениям к черным, тяглым землям, легче могло обращать в поместья и даже в вотчины не только вновь занимаемые, но и старые, не испомещенные земли: далее, в каких бы широких размерах ни производилась раздача поместий во вторую половину XVI в. [127]), нет основания думать, чтобы все земли, которыми правительство могло располагать для этой цели, были уже заняты. Есть указание, говорящее против такого предположения: в Горетовом стану Московского уезда в 1586 г. под поместьями и вотчинами было 5.780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной земли, находившейся в непосредственном ведении казны, было 8.639 четвертей [128]); судя по этому образчику, можно полагать, что даже в тех местах, где мы могли бы предположить наиболее значительное развитие поместий и вотчин, количество свободных земель, которые правительство могло раздавать в поместья, далеко еще превышало в конце XVI в. количество земель, уже отданных в поместья.

Поэтому едва ли можно принять за общее или, по крайней мере, обыкновенное явление то, что говорит

---

[127]) Г. Беляев полагает, на основании поместных раздач 1550 года, полагает количество земель, розданных в поместья к концу царствования Ивана IV, около 50.000.000 четвертей. «Крестьяне на Руси», стр. 99.

[128]) Соловьев. «Исторія Россіи», т. VII, стр. 397.

Флетчер далее, будто происходят большие беспорядки от того, что когда у помещика много сыновей, и только один из них получает от царя поместье, то остальные, не имея ничего, принуждены добывать себе пропитание дурными средствами [129]); если и были подобные явления, то уже никак не от недостатка земель для испомещения нуждавшихся служилых людей; при нуждѣ в ратных людях этого не могло быть в XVI веке и даже долго после. Вообще земли, данные служилому человеку, не иначе переходили к его наследникам, как по утверждению государя. Хотя бы после служилого человека осталось много дочерей, земли отходили к государю, кроме небольшой части, оставляемой дочерям для выдачи их замуж (точнее надо было бы сказать: до выдачи замуж). Пользующійся поместьем служилый человек, под страхом тяжелого наказания, обязывался выставлять на войну и содержать во время похода несколько ратников, число которых было определено государем соразмерно с доходами поместья. От этих поместій, жалуемых государем за службу и для службы, на время или пожизненно, отличались наследственные земельные владения (вотчины); но и эти земли находились в такой же зависимости от воли государя, как и поместья, ибо если владелец, умирая, не оставлял после себя сыновей, его земельная собственность тотчас отписывалась в казну [130]). О вотчинах иностранцы говорят еще меньше, чем о поместьях, может быть потому, что они смешивали их с поместьями, к чему и XVI в. могли легко привести распоряжения правительства о вотчинах служилых князей, а другие

[129]) Флетчер, гл. 15 и

[130]) Herberstein. 10.—Clemens Adam. 149—Possevino. 22

если и отличали остатки прежних родовых княжеских вотчин от земель, пожалованных царем, то в последних не видели ясного различия между землями, пожалованными в вотчину, и землями, пожалованными в поместье. К концу XVI в. количество земель, розданных служилым людямъ в том или другом виде, без сомнения, было значительнее количества старых княжеских и боярских вотчин; но между всеми землями, находившимися за князьями, боярами и прочими служилыми людьми, поместья едва ли много уступали в количестве вотчинам (церковные земли сюда, конечно, не относятся). Если можно такъ думать, то легко представить себе, какая перемена совершилась в частном землевладеніи в эпоху утвержденія в Москве единовластія, и нас не остановит показаніе Флетчера, что у князей отняты их наследственные земли и даны им другие на поместном праве в дальних краях государства, где эти князья не могли пользоваться большим влияніем, что точно такжé и бояре содержатся доходами с земель, пожалованных государем, потому, что наследственных у них осталось мало [131]). Доходы как князей так и бояр с жалованных царем земель, по свидетельству Флетчера, простирались до 1.000 руб. в год; но при этом нельзя забывать, что по характеру господствовавшего тогда хозяйства трудно было определить поземельный доход, в том виде, как он тогда получался, сколько-нибудь приблизительною денежною суммой. Это замечание одинаково относится и к тем, впрочем немногим, известиям о поземельном доходе служилых людей, которые мы находим у иностранцев XVII в. Петрей говорит, что каждый крестьянин

[131]) Флетчеръ, гл. 9-я.

обязан работать на своего владельца 5 дней в неделю [132]). Олеарий сравнивает московских служилых князей с простыми дворянами Западной Европы и добавляет, что за исключением тех из этих князей, которые занимают высшие должности в государстве, все остальные вообще не богаче западных господ, получающих от 8 000 до 10.000 ливров поземельного дохода [133]). У Невиля есть известие о доходе, который получал землевладелец с каждой тяглой души: по этому известию, каждый крестьянин приносил своему господину в конце XVII в. около 4 руб. ежегодного дохода [134]) О доходе низших чинов служилого класса нет у иностранцев прямых показаний, но по некоторым отрывочным заметкам можно заключать, что если не большинство, то значительная масса низших служилых людей, сверх денежного жалования, имела очень скудные средства содержания. По словам Флетчера, низший слой дворянства составляли лица, называвшиеся князьями, но происходившие от младших членов главных княжеских родов. Эти князья не имели никакого наследственного состояния, и их было так много, что они считались за ничто, и нередко можно было встретить таких князей, которые охотно шли служить простолюдину за 5 или 6 руб. в год. По словам Петрея, много было дворян, которые,

[132]) Petrejus 314.

[133]) Olearius, 2»: à la reserve de ceux qui sont employés dans les premieres charges de l'état, les autres n'ayant pas plus de bien que nos Seigneurs de haut ou dix mille livres de rente». 8 ливра равняются 1 экю, а экю у Олеария равняется половине тогдашнего московского рубля: значит, 8.000—10.000 ливр. составляют около 1.500 руб.

[134]) Neuville, 8: «Chaque paysan raporte par an à son maître environ huit ecus».

не имея средств купить сапоги, ходили в лаптях, какие носили их крестьяне. О низших дворянах, служивших при дворе, Невиль замечает, что они только по имени дворяне, а в сущности не имеют никакого состояния, кроме 200 ливров ежегодно содержания от царя [135]).

Поместная система могла показаться посторонним наблюдателям очень удобным для государства способом обеспечения содержания служилого класса. Гваньини говорит, что московский государь может долгое время содержать на-готове огромное войско, не обременяя себя расходами, потому что он не дает ратникам денежного жалованья, а наделяет их малоценными полями, которые дают им содержание на время службы [136]). Но потребность в денежном жаловании обнаруживалась все сильнее и сильнее. Мы видели, что высшие служилые люди кроме военной службы должны были отправлять на свой счет и другие должности, требовавшие иногда значительных издержек, но не приносившие особенных доходов, наприм., посольства к иностранным дворам: известно, что постигло Третьяка Далматова, который осмелился отговариваться от посольства недостатком средств [137]). Только в конце XVI в. встречаются русские известия о подмоге или денежном жаловании послам, отправлявшимся к иностранным дворам. Это средство, как общая мера, приложено было прежде всего к низшим служилым людям,

---

[135]) Neuville. 25. Ср. Олеарий. стр. 221: Les knez qui n'ont point d'employ à la Cour, et qui n'ont pas le moyen d'y faire la dépense, se retirent à la campagne, où leur façon de vivre n'est pas fort différente de celle des paysans.

[136]) Guagnino в «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 177.

[137]) Herberstein, 12.

дворянам и детям боярским. Новио сказывали, что только тем служилым людям, которые живут в областях, выдается из областной казны в мирное время незначительное жалованье [138]). По словам Герберштейна, кому государь приказывал быть при дворе, а также отправлять посольскую или воинскую службу, тот должен был исполнять это на свой счет, исключая молодых детей боярских, которых государь ежегодно брал ко двору и содержал на жалованьи. Одни из них получали ежегодно по 12 золотых (рублей), другие по 6 золотых в каждые три года; первые на свой счет должны были исправлять всякое государево дело с известным числом лошадей. Вообще жалованье выдавалось тем, которые не могли на собственные средства, т. е. на счет доходов с поместий, отправлять военную службу [139]). Более определенные и подробные известия о денежном жаловании имеем от конца XVI в., когда и самое дело получило большую определенность и большее развитие. Мы видели, какие части войска на постоянном жаловании вычитывает Флетчер. По его показанию, большие дворяне получали от 100 до 70 рублей в год, средние от 60 до 40, дети боярские от 30 до 12; всего выдавалось на 15,000 дворян телохранителей до 55,500 рубл. ежегодно. Половина жалованья выдавалась им в Москве, другая в поле, если они были в походе. Это жалованье шло им сверх приписанных к каждому из них земель; кто имел очень мало земли, получал ежегодно по 20 рубл. прибавки. На 65,000 дворян, в мирное время назначавшихся на сторожевую службу по татарским границам, выдавалось жалованья до 10,000 рубл. Стрельцы получали

[138]) П. Новый, 55.

[139]) Herberstein. 10 и 26.

ежегодно по 7 рубл., по 12 мер ржи и по стольку же овса. О количестве жалованья наемным солдатам из иностранцев в XVI в. нет известий. Система денежного жалованья, разумеется, в меньших размерах и медленнее распространялась на высшие чины служилого класса; по словам Флетчера, князья и бояре получали сверх доходов с пожалованных царем земель до 700 рубл. в год денежного жалованья за военную службу; больше этого, добавляет Флетчер, никто не получает [140]).

В XVII в. система денежного жалованья должна была получить большее развитие, и иностранцы этого времени оставили нам более подробные известия об этом предмете, иногда указывая вместе с денежным жалованием и количество земель, которыми пользовались разные служилые люди. При Маржерете высшие члены служилого класса, составлявшие государеву думу, князья и бояре, получали от 500 до 1.200 рубл. ежегодного оклада; окольничие от 200 до 400 рубл. и земли от 1.000 до 2,000 четвертей (при Маржерете окольничих было до 15 человек); думные дворяне, которых было 6, получали от 100 до 200 рубл. и земли от 800 до 1,200 четвертей; московские дворяне от 20 до 100 рубл. и земли от 500 до 1,000 четвертей; выборные дворяне от 8 до 15 рубл. и земли до 500 четв., дети боярские от 4 до 5 рубл., в 6 или 7 лет и земли от 100 до 300 четвертей [141]).

---

[140]) Флетчер, гл. 9-я и 15 я.

[141]) Маржерет в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. 3 я. стр. 59. При Котошихине поместный оклад был всем чинам «против денег с рубля по 5 четвертей в поле, а в двух потомуж». См. Котошихин, гл. VII, ст. 8. Если цифры Маржерета верны, то в начале XVII в. низшим чинам давали поместные оклады въ большей пропорции с денежными, нежели во времена Котошихина. Причина понятна.

Стрелецкие головы получали при Маржерете денежного жалованье от 30 до 60 рубл. и земли от 300 до 500 четвертей; сотники, сверх земель, от 12 до 20 рубл.; десятники до 10 рубл; рядовые стрельцы по 4—5 р. ежегодно; сверх того каждому отпускалось по 12 мер ржи и по столько же овса, как и при Флетчере. При Мейерберге пятидесятники получали денег по 8 рубл. в год; десятники и простые стрельцы по 7 рубл.; овса и ржи выдавалось каждому стрельцу по 20 мер, ценой на 18 рубл.; пятидесятникам вдвое больше [112]). Кроме того, раз в год стрельцам выдавали сукна на одежду, которую они должны были шить на свой счет; при выходе стрельца из службы (за смертью или старостью) эта одежда возвращалась в казну. Кроме царского жалованья стрельцы получали большие доходы от промыслов, которыми им позволено было заниматься в Москве и других городах [113]). Русским офицерам и рядовым ратникам конных (рейтарских) полков шло жалованье по 30 рубл. в год (по Мейербергу по 50); во время похода им выдавали водку, муку, пшено, сало и сушеную рыбу [114]). Солдатам платили во время похода по 5 коп. еже-

[112]) Маржерет, 52.—Mayerberg, II, 123.—У Корба оклад рядовых стрельцов показан тот же, что у Мейерберга; значит, во 2-й половине XVII в. он был увеличен в сравнении с первою. Впрочем, как у Маржерета, так и Мейерберга, денежные оклады ниже тех, какие показаны у Котошихина; хлебное жалованье, напротив, у Мейерберга выше того, какое выставляет Котошихин. См. Котошихин, VII, 5.

[113]) Korb, 183 ex mercimoniis, quae exercere licebat, magnas saepe et invidiosas opes acquisiverant.

[114]) Olearius, 225.—Mayerberg, II, 124. По Котошихину также 30 рубл., вопреки Мейербергу (см. гл. IX, ст 20).

дневно [115]). В мирное время жалованье служилым людям выдавалось в Москве и областных городах, по свидетельству Петрея, в два срока: на Пасху и на Михайлов день. Выдача, по словам Мейерберга, производилась с такою аккуратностью, что если служилый человек не являлся за ним в назначенный срок, ему на другой же день относили жалованье на дом. Если ратник с честью пал на битве, назначалось содержание его вдове до ея вступления в новое замужество, а также и детям до возраста. Если ратник попадал в плен, половину его жалованья за это время отдавали его жене, а другую ему самому, когда его выкупали [116]).

От XVII в. дошли также известия о жалованьи иностранцам, служившим в московском войске. Рейтенфельс говорит, что положение иностранцев на русской службе значительно улучшилось в его время в сравнении с прежним. Для привлечения большого числа опытных иноземных офицеров им назначали жалованье гораздо больше, нежели русским. В Москве в XVII в. постоянно жило много иностранныхъ полковников и офицеров, которые в мирное время оставались без дела, получая половинный оклад жалованья, так как войска, которыми они командовали, в мирное время распускались [117]). Когда открывалась война, иностранным офицерам поручали командование рейтарскими и солдатскими полками и выдавали полные оклады: рейтарскому полков-

[115]) Mayerberg. II. 125; у Котошихина 60 алтын в месяц.

[116]) Mayerberg. II. 126.

[117]) Олеарій, кажется, преувеличивает, говоря, что в мирное время иностранный полковник получал по 90 экю или по 45 рубл. в месяц.

нику ило тогда денежного жалованья по 40 руб. в месяц, подполковнику по 18, майору по 16, ротмистру 13, поручику 8, корнету 7. В солдатских полках жалованье было несколько меньше, именно: полковнику 30 руб. в месяц, подполковнику 15, майору 14, капитану 11, поручику 8, прапорщику 5. При поступлении на службу иностранец получал от царя в подарок платье, лошадь и проч. Несмотря на выгоды, которыми пользовались иностранные офицеры на русской службе, многие из них высказывали Мейербергу сожаление, что оставили свою родину и пошли искать счастья в Москву; они жаловались на то, что по выслуге условленного срока нет возможности вырваться из Москвы; если для удержания иностранца на службе долее срока не помогали разные приманки и награды, упрямого сеылали в какое нибудь отдаленное место, откуда трудно было выбраться. В оправдание таких стеснений иностранцам говорили в Москве, что не честно покидать службу, когда идет или ожидается война; а на это всегда можно было сослаться, так как Московское государство по характеру своих отношений к соседям постоянно или воевало, или ожидало войны [118]).

V.

Управление и судопроизводство.

От описания устройства служилого класса всего ближе перейти к описанию управления страной. Управление было другой формой кормления служилых людей на счет черного, неслужилого народонаселения и разумеется, должно было отличаться особенностями, которые неизбежно

[118]) Meyerberg. II. 124—127.—Рейтенфельс. 4—Korb. 183.

вытекали из такой цели. Боярин или сын боярский за государеву службу получал наместничество или волостельство; человек меча на известное время переходил в совершенно другую сферу, вступал в совершенно иные отношения, не переставая быть попрежнему в сущности военным человеком, ведал и судил город или волость «для расправы людям и всякаго устроения землям, себе же для покоя и прокормления», как определяло правительство XVI в. цель наместничеств и волостельств. По окончании срока служилый человек возвращался с кормления до нового места. Понятно, какой характер должно было иметь его управление городом или волостью: прежде и больше всего имелось в виду получение дохода, «чем мочно быти сытым». Иностранцы не могли не заметить такого характера областного управления. Герберштейн ставит «префектуры» рядом с поместьями, как средства, служащие для одной и той же цели. На образованного западного европейца, внимательно всматривавшегося в устройство Московского государства, не могло, конечно, произвести выгоднаго впечатления это смешение совершенно различных занятий и целей, какое представляло им гражданское управление посредством военных людей. Таковы же были органы и центральнаго управления, сосредоточивавшиеся в думе и приказах столицы.

В устройстве управления Московского государства в XV и XVI в. мы видим важное движение: тогда произошли две тесно связанные между собою перемены, которые не могли остаться без влияния на ход управления. Эти перемены состояли в появлении и развитии приказной системы и в новом значении дьяков. До этого времени в каждом княжестве северо-восточной Руси во главе управления стоял князь, как установитель порядка

в земле и страж ее; ему служили бояре—думцы и разные слуги; бояре за службу получали от князя волости и города в кормление; боярин ведал и судил жителей данной волости, данного города, и тиунам своим ходить у них велел, а доход брал «на себя», по наказному списку. Таким образом известное число наместничеств и волостельств замещалось таким же числом членов княжеской дружины, которые назначались и сменялись князем, во всем относились к князю,—и только. Вот все главные органы управления, т. е. в управлении действовали только известные лица, но не было присутственных мест приказов,—по крайней мере до XVI в. нет ясных указаний на подобные учреждения. Но развитие государства и, как его следствие, усложнение управления делали необходимыми такие учреждения, и в начале XVI в. мы встречаем известия о приказах. Чем далее, тем более будут эти приказы размножаться и обособляться вследствие усложнения правительственного дела и вместе с тем, вследствие того же, более и более будет оказываться несостоятельность служилых людей в деле управления, более и более будет чувствоваться нужда в людях иного рода, которые умели бы владеть не мечем, а пером, и с начала XVI в. одновременно с известиями о приказах встречаем известия об усилении значения дьяков. Они имели важное значение в думе государя; они заправляли ходом дел в приказах, они же отправлялись вместе с наместниками по областям и заведывали там всеми государственными делами, были представителями государственного начала в областях потому что наместники, служилые люди, оказались теперь непригодны и непривычны к правительственному делу при его новом значении, при новых чисто-государственных потребностях, и этим

наместникам предоставили ведать только свои частные интересы кормления. Чуждые служилым людям по характеру занятий дьяки были чужды им и по происхождению, потому что выходили из «поповичей и простого всенародства», по выражению Курбского. Были и другие причины, содействовавшие такому усилению значения дьяков в XVI в.; эти причины хорошо понимали и ясно высказывали московские бояре, боровшиеся с самодержавными стремлениями своих государей. Но каковы бы ни были эти причины, новые потребности управления занимали между ними важное место; если посторонние обстоятельства дали дьякам возможность «боярскими головами торговать», то этих обстоятельств было мало для того, чтобы дать им возможность и «землею владеть», как выражался один отъезжик XVI века.

Так в управлении государством последовали важные перемены, показывавшие переход его от дружинного порядка к чисто государственному; явились новые более сложные органы и новые более пригодные к делу деятели. Но высший правительственный круг, дума государева, осталась, повидимому, в прежнем положении. По прежнему высшие члены старинной дружины по одному из исконных прав своих считались думцами князя; попрежнему государь «сидел с бояры» о всяком земском строении. Еще в начале XVI в. при дворе считали значение боярина тождественным с значением советника и первое слово заменяли последним. Так же называют бояр того времени и иностранцы. Но как дружина XVI в. не была похожа на прежнюю, так и в боярской думе, несмотря на ее прежний вид и состав, отношения сильно изменились. В начале XVI в. со стороны государевых советников слышались громкие жалобы на то, что государь

перестал советоваться с боярами, все дела решает у себя в спальне сам третей,—и эти двое поверенных дум были дьяки, «люди из простого всенародства, которых отцы отцам тогдашних бояр и в холопство не годились». Несмотря на то, что эта перемена отношений не выразилась ни в каком формальном нововведении, ее скоро заметили иностранцы: мы видели, как отзывается Герберштейн об отношении бояр-советников к великому князю: «никто из них, как бы велико ни было его значение, не смеет ни в чем противоречить государю».

Сделав эти предварительные замечания о государственном управлении, перейдем к изложениям известий о нем иностранцев. До конца XVI в. мы имеем от них немногие отрывочные заметки об этом предмете и только у Флетчера встречаем более полный и систематический очерк управления.

Во главе управления стоял государь с своей думой. Думу составляли думные бояре, отличавшиеся этим от простых бояр, которые хотя также назывались советниками государя, но получали это звание больше как почетный титул, ибо на общий совет их приглашали редко или и совсем не приглашали. Кроме думных бояр, в думе присутствовали («жили») думные дьяки или государственные секретари. Как те, так и другие получали свое звание по воле государя. Впрочем, и думные бояре не всегда все приглашались на совещание, по крайней мере так бывало, по свидетельству Флетчера, в царствование Федора Иоанновича, когда дела решал Борис Годунов с 5-ю или 6-ю лицами, которых он находил нужным призвать на совет. Иностранцы дают понять, что боярская дума имела только совещательное значение, что дела часто решались до обсуждения их в думе и

без ее утверждения приводились в исполнение. На совете, говорят они, боярам приходится больше слушать, нежели высказывать свои мнения. Дума была высшим законодательным, административным и судебным местом. Отсюда исходил всякий новый закон или государственное постановление. Здесь с утверждения государя определялись известные лица на правительственные должности и решались важнейшие судебные дела. Думе докладывали во время ее заседаний о внутренних делах государства начальники четей, или четырех главных приказов, ведавших областное управление. Сюда же входили с донесениями и начальники разных судебных мест. Кроме дел государственных, здесь разбиралось множество частных по просьбам. Думные бояре, по отзыву Поссевина, были недалеки познаниями: при нем только один из членов думы знал немного по-латыни и очень немногие знакомы были с польским языком; притом это были почти все дьяки, многие бояре не умели даже ни читать, ни писать. Обыкновенно заседания думы бывали по понедельникам, средам и пятницам, с 7-ми часов утра. Когда нужно было назначить чрезвычайное собрание в другой день, из Разряда давался приказ писцу разослать повестки о том членам думы [149]).

В чрезвычайныя собрания думы по какому-нибудь особенно важному делу на совет призывалось и высшее духовенство. Флетчер так описывает эти чрезвычайные собрания думы или соборы. Царь приказывал призвать тех из думных бояр, которых сам заблагорассудит, человек 20-ть, вместе с патриархом, который приглашал митрополитов, архиепископов и тех из епископов, архи-

[149]) Possevino, 26 и след.—Флетчеръ, гл. 7 я и 11-я.

мандритов и монахов, которые пользовались особенным почетом. Обыкновенно такие соборы созывались в пятницу, в столовой палате. Все собравшиеся встречали царя в сенях, причем патриарх благословлял царя и целовал его в правое плечо. В палате царь садился на трон; невдалеке от него, за четыреугольным столом помещались патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы и некоторые из знатнейших бояр с двумя думными дьяками, которые записывали все происходившее. Прочие сидели на скамьях около стен, по чинам. Один из дьяков излагал причину созвания собора и предметы для обсуждения. Прежде всего спрашивали мнения патриарха и других духовных лиц, которые всегда и на все давали один ответ, что царь и дума его премудры, опытны в делах государственных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они, духовные, занимаются служением Богу и предметами веры и потому просят царя сделать нужное постановление, а они вместо советов будут вспомоществовать молитвами и т. д. Потом вставал кто посмелее, уже прежде назначенный для формы, и просил царя объявить собранию свое собственное мнение. На это дьяк отвечал, что государь, по надлежащем обсуждении со своею думою, нашел предложенное дело полезным для государства, но все-таки требует от них, духовных, богоугодного мнения, и буде они одобрят сделанное предложение, то изъявили бы свое согласие и проч. Объявив наскоро свое согласие, патриарх удалялся с духовенством, сопровождаемый царем до другой палаты; затем царь, возвратившись на прежнее место, оставался здесь для окончательного решения дела, после чего приглашал духовенство и думных людей на парадный обед. Дела, решенные на соборе, дьяки

налагали в форме прокламаций, которые рассылались по областям [150]).

Характер думы не изменился и в XVII веке: она по-прежнему оставалась совещательным собранием, в котором редко слышались независимые голоса; советникам внушалось, что если им давалось право высказывать свои мнения, то царь и даже его любимцы оставляли за собой право исполнять только то, что находили полезным и нужным. Потому это собрание не имело прямого влияния на ход дел; мнения у него спрашивали только для формы, чтобы отклонить от себя ответственность в случае неудачного исхода дела [151]). Число членов думы не определялось законом; как и прежде, царь назначал в нее кого находил нужным, по своему благоусмотрению. Маржерет говорит, что он знал до 32-х членов думы. При Мейерберге дума состояла из 26-ти бояр, 30-ти окольничих, 7-ми думных дворян, наконец из 3-х думных дьяков; последних, впрочем, бывало и по два; первый из этих думных дьяков заведывал обыкновенно делами посольскими и иноземными, был управителем Посольского приказа, а второй управлял Разрядным приказом, заведуя делами военными [152]).

Под думой, как высшим правительственным местом, стояли приказы, ведавшие отдельные отрасли государственного управления. По известиям XVI века, дела по этому управлению распределялись между 4-мя главными приказами или четями. Каждый из этих приказов упра-

[150]) Флетчеръ, гл. 8-я.

[151]) Olearius. 181.—Mayerberg, II, 107.

[152]) Маржеретъ, 35.—Olearius, 221.—Mayerberg, II, 107 и 12. Ср. Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

взял одною из 4-х четвертей, на которые делилось все государство в административном отношении. Эти приказы были: Посольский, Разрядный, Поместный и Казанский. По словам Флетчера, все области государства расписаны были между этими 4-мя четями, из которых каждая заведывала несколькими областями. Но на такое значение четей указывает только название Казанской чети; название остальных могут навести на мысль, что каждая из них управляла не всеми делами приписанной к ней части государства, а известного рода делами всего государства. В другом месте Флетчер говорит, что начальники четей делали распоряжение по всем делам, исполнение которых в местах, ими управляемых, возлагалось на них царской думой; эти слова как будто указывают на то, что каждая четь ведала в своих областях не все, но только некоторые дела; значит, дела другого рода в тех же областях принадлежали уже ведомству другой чети. Вообще трудно составить себе не только по иностранным, но и по отечественным известиям ясное понятие об устройстве и ходе управления посредством приказов именно потому, что ведомства не были точно разграничены и определены по известным началам; оттого трудно и распределить их на какие-нибудь точно определенные группы, отнести, например, одни приказы к дворцовому ведомству, другие к военному и т. д. Посольская четь, указывавшая своим названием на то, что мы теперь разумеем под министерством иностранных дел, вместе с тем ведала внутренние дела нескольких городов. Еще более было запутанности в приказной системе XVII века, когда она усложнилась, когда приказов было больше 40. Приказы переплетались между собою делами, однородные дела ведались в нескольких приказах.

и, наоборот, в одном и том же приказе сосредоточивались разнородные дела. Эта запутанность отчасти происходила от того порядка, в каком учреждались приказы; они явились не все вдруг, а возникали постепенно, один за другим: усложнялись дела известного рода,—и для них учреждался особый приказ: между тем дела не переставали ведаться и в тех приказах, к которым они прежде принадлежали. Так явились приказы: Стрелецкий, Иноземный, Рейтарский, которые не могли не перепутываться своими делами с Разрядным. Усложнились дела по устройству кружечных или питейных дворов,—и возникла Новая четверть; но кабацкое дело ведалось прежде в других приказах, к которым приписаны были какие-нибудь города и волости; дела по этой части остались в этих приказах и по учреждении новой четверти, а к последней приписаны были кружечные дворы только Московской и некоторых других областей. Понятно, как много было условного и случайного в ходе приказного управления и как трудно было иногда решить, «кто подъ которымъ приказомъ въ вѣдомости написанъ и судимъ», по выражению Котошихина. Дробность и неопределенность приказной системы подавала некоторым иностранцам повод думать, что в Московии столько же судов, сколько может быть дел, что в одном, напр., судили воров, в другом разбойников, в третьем мошенников [153]).

По описанию Флетчера, Разрядный приказ управлял делами, относящимися к войску, ведал земли и доходы на жалованье ратным людям, получавшим его; Поместный вел список поместий, розданных служилым людям,

[153]) Записки Маскевича в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце», ч. 5-я, стр. 64.

также выдавал и принимал на них всякие крепости: Казанский ведал дела царств Казанского и Астраханского с городами по Волге. Что ведал приказ Посольский, об этом Флетчер не говорит ни слова. Всеми этими приказами управляли при Флетчере думные дьяки. Управляющий Посольским приказом получал в год 100 рубл. жалованья, Разрядным столько же, Поместным—500 рубл. Казанским—150. Эти приказы принимали просьбы и дела всякого рода, поступавшие в них из подведомственных областей, и докладывали об них царской думе, также посылали разные распоряжения последней в подведомственные области.

Для управления областями назначались царем известные лица, по одному или по два в каждую область, которые должны были во всех делах обращаться к управляющему той чети, в которой числилась известная область. На это указывают слова Посевина, что наместники знают, к кому из сенаторов обращаться с донесениями, и что эти сенаторы от имени царя отвечают им, а сам царь никогда не пишет собственноручно никому, даже не подписывается под указами. Наместник отправлялся в назначенную ему область с одним или двумя дьяками, которые заведывали всеми приказными делами по управлению областью. Областные правители обязаны были выслушивать и решать все гражданские дела своих областей, впрочем с предоставлением тяжущимся права апеллировать в царскую думу; в делах уголовных они имели право задержать, допросить и заключить в тюрьму преступника; но для окончательного решения должны были пересылать такие дела, уже исследованные и правильно изложенные, в Москву к управляющим четей для доклада думе. Наконец, наместники были обязаны в своих

областях обнародовать (прокликать) законы и правительственные распоряжения, взимать подати и налоги, собирать ратников и доставлять их на место. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и чрез год (по Герберштейну, чрез полтора года) обыкновенно сменялись, за исключением некоторых, пользовавшихся особенной милостью у царя, для которых этот срок продолжался еще на год или на два. За свою службу наместники в конце XVI в. получали 100, другие 50 или 30 рублей жалованья. В их пользу шли пени, которые они выжимали из бедных за какие-нибудь проступки, и другие доходы. Иногда наместнику вместе с городом отдавались и доходы с кружечного двора, который находился в этом городе. От простых наместников отличались наместники и воеводы 4-х пограничных городов: Смоленска, Пскова, Новгорода и Казани; их назначали из людей, пользовавшихся особенным доверием, по два в каждый город. Они имели особенное значение, больше обязанностей и исполнительную власть в делах уголовных. Поэтому они получали большее жалованье, одни 700, другие 400 рубл. в год [154]).

В таком виде представляют иностранцы устройство областного управления во второй половине XVI в. Более ранний путешественник говорит, что московский государь имел обыкновение ежегодно объезжать разные области своих владений [155]), но неизвестно, с какой собственно целью совершались эти поездки, с целью ли объезда, т.-е. осмотра областей, или на богомолье, или же наконец для прохлады: ибо таковы были цели всех государевых

[154]) Herberstein, 10.—Possevino, 27.—Михалон, 57.—Hakluyt, I, 351.—Флетчер, г. 10-я

[155]) Контарини, 106.

посадок. Москва управлялась особенным образом, именно состояла под прямым ведением царской думы, члены которой в известных судебных местах выслушивали все важные дела городских жителей. Для обыкновенных дел, наприм., относительно построек, содержания улиц, определялись два дворянина или дьяка, которые составляли с подьячими присутственное место — Земский двор. Каждая часть города имела своего старосту, от которого зависели сотские, а от последних десятские, каждому из которых поручался надзор за 10-ю домами [188]).

Одною из важнейших отраслей ведомства боярской думы, приказов и областных правителей было отправление правосудия. Судебная часть была тесно соединена с административной или, лучше сказать, вовсе не была отделена от нее: одни и те же органы ведали и ту, и другую. Потому на суд, как и на прочие отрасли управления, смотрели прежде всего как на статью кормления, дохода. Таков был издавна взгляд на этот предмет. Суд был не общественной должностью, а частным владением, делился на части, отдавался на откуп, как частная доходная статья. С развитием государства необходимо развивалось и законодательство, развивались юридические понятия; по крайней мере правительство постепенно расширяло круг своей деятельности на счет частного права. По двум Судебникам, великокняжескому и царскому, можно следить, как законодательство старается все шире и шире захватить интересы общества, более и более овладеть их нарушителем, дать больше определений и сделать их более точными и подробными. В пример того как законодательство постепенно старалось отнять у преступления против известного

[188]) Флетчер гл. 10-я.

лица характер частного явления и поступить с преступником, как с нарушителем прав целого общества, можно сравнить следующие постановления Судебников между собою и с прежними постановлениями: в великокняжеском Судебнике месть, самоуправство не допускаются; если у преступника не окажется имущества, чем вознаградить истца, преступник не выдается последнему, но подвергается смертной казни: по определению того же Судебника вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска отпускался на волю. Царский Судебник относится к делу гораздо строже: по его определению вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска, не отпускался, но отдавался на крепкую поруку, а если ее не было, сажался в тюрьму до поруки. Мы напрасно стали бы ожидать от иностранцев оценки этого движения в сфере законодательства. Новий со слов русского рассказчика мог только записать, что Московия управляется простыми законами, основанными на правосудии государя и бескорыстии его сановников [137]). Герберштейн приводит в своем сочинении небольшой отрывок из Судебника Иоанна III о судных пошлинах, но ничего не говорит о самом Судебнике. Флетчер говорит, что единственный закон в Московии есть изустный, т.-е. воля государя и судей: Судебник Иоанна IV не удостоился от ученого английского юриста названия писанного закона [138]). Но что дает особенный интерес беглым и отрывочным заметкам иностранцев, — это то, что они вводят нас в самую практику юридических отправлений, показывают, в каком виде и в какой обстановке являлся закон на самом деле, а не на бумаге.

[137]) П. Новий. 47

[138]) Флетчер, в конце гл. 14-й.

Во второй половине XVI в. судные дела ведали следующие учреждения: губные и сотские старосты, наместники и волостели с дьяками и, наконец, высшие правительственные места в Москве, чети и дума. Всякое дело можно было, по словам Флетчера, начинать с любого из трех первых учреждений или переводить его из низшего суда в высший посредством апелляции. В гражданских делах, например, по взысканиям, суд совершался в следующем порядке. Истец подавал челобитную, в которой излагал предмет иска. По этой челобитной ему давалась выпись о задержании ответчика, которую он передавал приставу или недельщику [159]). Все иностранцы, рассказывая о московском судопроизводстве, резко отзываются о жестоком обращении этих недельщиков с подсудимыми и вообще о суровости форм, в которые облекался суд даже в незначительных делах. По словам Флетчера, иногда из-за каких-нибудь 6 пенсов обвиняемому заковывали в цепи руки, ноги и шею. Пойманный ответчик должен был дать поручительство, что явится к ответу в назначенный день. Если никто не поручался за него, недельщик привязывал его руки к шее, бил батогами по ногам и держал в тюрьме до тех пор, пока нужно было представить его на суд. Ходатаев и поверенных при суде не было, каждый сам должен был, как умел, излагать свой иск и защищаться. Когда истец и ответчик становились пред судьей, ответчик на вопрос последнего о предмете иска отвечал обыкновенно запирательством. Судья спра-

[159]) У Герберштейна (стр. 40) находим такое определение недельщика Nedelsnick est commune quoddam eorum officium, qui homines in jus vocant malefactores capiunt, carceribusque coercent atque hi nobilium numero continentur

шивал, что он может представить в опровержение требования истца. Ответчик говорил, что готов поцеловать крест. После того он не подвергался битью батогами до ближайшего исследования дела. Иногда, за неимением ясных доказательств, судья сам обращался к истцу или ответчику с вопросом, согласен ли он поклясться и принять крестное целование. Флетчер так описывает обряд этой клятвы. «Церемония происходит в церкви; в то время, как присягающий целует крест, деньги (если об них идет дело) висят под образом; как скоро присягающий поцелует крест пред этим образом, ему тотчас отдают деньги». Флетчер прибавляет, что крестное целование считалось делом столь святым, что никто не смел нарушить его или осквернить ложным показанием. Олеарий говорит, что обыкновенно старались не доводить дело до крестного целованья и тяжущиеся вообще неохотно прибегали к нему, ибо и общество, и церковь неблагоприятно смотрели на поцеловавшего крест в судном деле. Если обе стороны готовы были принять крест на душу, бросали жребий, и тот, кому он доставался, выигрывал дело. Англичанин Лен подробно описывает порядок решения дела посредством жеребья, которым решена была в Москве его тяжба с некоторыми русскими купцами. При суде присутствовало множество народа. Когда истцы не согласились на мировую сделку, предложенную ответчиком по приглашению судей, последние, засучив рукава, взяли два восковые шарика одинаковой величины с именами обеих тяжущихся сторон и вызвали из толпы первого попавшегося на глаза высокорослого человека, которому велели снять шапку и держать перед собой; в нее положили оба шарика и вызвали из толпы другого высокорослого человека, который, засучив правый рукав,

вынимал из шапки один шарик за другим и передавал судьям. Судьи громко объявляли всем присутствовавшим, какой стороне принадлежал первый вынутый шарик, та сторона и выигрывала дело [160]). Виноватый платил судной пошлины 20 денег с рубля [161]). Если виновный по окончании дела тотчас не удовлетворял истца, его ставили на правеж. Правежом, по описанию Флетчера, называлось место близ суда, где обвиненных по судебному приговору и отказывавшихся платить били батогами по икрам [162]). Расправа производилась ежедневно кроме праздников, от восхода солнца до 10-ти или 11-ти часов утра. Каждый должник подвергался правежу по одному часу в день, пока не выплачивал долга. По словам Маскевича, перед Разрядом всегда стояло по утрам больше 10-ти таких должников; над ними трудилось несколько недельщиков, которые, разделив между собою виновных, ставили их в ряд и, начав с перваго, били тростью длиною в полтора локтя, поочередно ударяя каждого три раза по икрам и, таким образом, проходя ряд от одного края до другого. Судья, между тем, наблюдал из окна за расправой. Несмотря на это, недельщики умели извлекать выгоду из своего занятия, позволяя должникам за деньги класть жесть за сапоги, чтобы сделать удары менее чувствительными. Все время после полудня и ночью должников держали скованными в тюрьме, за

[160]) Hakluyt, I, 345 и 346. *В 1560 г.*

[161]) Русские купцы, проигравшие делу тяжбу, заплатили царю 10% с суммы, бывшей предметом иска, за такой «грех», как они называли проигрыш.

[162]) Plagis baculorum per suras et crura pedum graviter absque ulla misericordia caeduntur. «Rerum Moscovitarum auctores varii», p. 179.

исключением тех, которые представляли за себя достаточное обеспечение, что будут сами являться на правеж в назначенный час. Маржерет говорит, что он видал много наказанных, которых везли с правежа домой на телегах; по его же словам, всадники царской службы были изъяты от этого наказания, имея право выставить за себя на правеж одного из своих людей. После годичного стояния на правеже [163]), если обвиненный не хотел или не мог удовлетворить истца, последнему дозволялось брать его с семьей к себе в рабство или продать на известное число лет, смотря по величине долга [164]). По показанию Олеария, годовая работа мальчика, отданного кредитору за долг отца, ставилась в 5 рублей, а девушки в 4 рубля; на стоимость работы взрослых нет указаний [165]).

Относительно уголовного судопроизводства мы видели, что, кроме 4-х пограничных городов, наместники прочих областей не имели в XVI в. права окончательного решения в делах уголовных; решение по таким делам принадлежало высшему суду в Москве. Обвиняемый в уголовном преступлении задерживался, допрашивался и заключался в тюрьму правителем области, где совершено преступление. Наместник посылал дело о нем, уже обследованное и правильно изложенное, в Москву к управляющему своей четверти, а последний передавал его в думу,

[163]) Въ 1555 г. определено было стоять на правеже во 100 руб. месяц, «а будетъ искъ больше или меньше, то стоять по тому же расчету». Дозволялось переводить правеж еще на один месяц, но не больше.

[164]) Это называлось «выдать истцу головой до искупа».

[165]) Маржерет, 38.—Маскевич, 55.—Olearius, 160. *65*

которая на основании того, как изложено дело наместником и его дьяком, произносила окончательный приговор, не делая нового допроса обвиненному [166]). Допрос состоял в пытке: обвиняемого били кнутом из белой воловьей кожи, шириною в палец, так что каждый удар производил рану, или привязывали к вертелу и жарили на огне, иногда ломали или вывертывали какой-нибудь член раскаленными щипцами, разрезывали тело на пальцах под ногтями. Самым ужасным родом пытки была дыба. Подсудимого с связанными назад руками вздергивали на воздух и оставляли висеть в таком положении, привязав к ногам толстый брус, на который вскакивал по временам заплечный мастер, чтобы тем скорее заставить члены подсудимого выйти из суставов; между тем под ногами подсудимого горел огонь для усиления страданий. Иногда на голове у подсудимого выбривали макушку и в то время, как он висел, лили на нее сверху холодную воду по каплям; редкий преступник выдерживал это последнее испытание, добавляет Олеарий. Управляющий четью пересылал приговор думы в ту область, где находился преступник, для исполнения. Если по этому приговору преступник присуждался к смерти, его вывозили на место казни с зажженною восковою свечей, которую он держал в связанных руках. Виды смертной казни были: повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимою под лед, сажание на кол и пек. друг. По свидетельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повешение; другие, более жестокие казни, употреблялись редко, разве за какие-нибудь необыкновенные преступления. За воровство

[166]) Ср. «Областные Учрежденія» Б. Чичерина, стр. 45.

и даже убийство (кроме убийства с целью грабежа) редко подвергали смертной казни [167]). Герберштейн и Флетчер говорят, что летом москвитяне, занятые войной, редко казнили преступников, но большею частью отлагали исполнение смертных приговоров до зимы, когда преступников вешали или убивали ударом в голову и пускали под лед. Святотатцев, по свидетельству Петрея, сажали на кол, и когда преступник умирал, тело его снимали, выносили за городские ворота и здесь, предав сожжению, засыпали пепел землей [168]).

Вообще иностранцы заметили, что к смертной казни в Москве прибегали редко; Олеарий замечает, что за воровство совсем никогда не казнят смертью в Московском государстве; гораздо охотнее употребляли батоги и кнут [169]). Иностранцы с ужасом говорят о жестокости этих наказаний и о равнодушии, с каким относились к ним Москвитяне. Батоги были самым обыкновенным и употребительным наказанием, которому одинаково подвер-

[167]) Ад. Климент добавляет: Qui secundo (furto) delinquit, illi nasum praecidunt ac stigmatis frontem signant. Tertia noxa crucem meretur. Multi et insignes sunt crumenisecae: quod si principis severitas illos non tolleret, non esset, resistere illorum proventui. «Rerum Moscovitarum auctores varii», p. 152.

[168]) Petrejus, 319: Etliche, so gespesset werden, leben bisweilen ein halben oder ganzen Tag, ja bisweilen zweene, wenn der Büttel mit dem Staken ult nit das Hertze trifft.

[169]) Маскевич рассказывает, что в 1610 г., когда Москва занята была Поляками, один из них увел дочь у боярина. Наряженный польский суд приговорил похитителя, по польским законам, к смерти. Но один из судей предложил судить преступника московским судом, на что охотно согласились и Поляки и Москвитяне: виновного высекли кнутом на улице. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 5-я, стр. 55.

гались и простые и сановные люди, за важные и неважные нарушения закона. По замечанию Таннера, в Москве редкий день проходил без того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами [170]). Часто употреблялся и кнут, который иностранцы описывают как самое жестокое и варварское наказание. Обыкновенно ему подвергались за воровство. Вора, попавшегося в первый раз, во время Олеария били кнутом, ведя его от ворот Кремля до большого рынка, где резали ему одно ухо и запирали на два года в тюрьму. За вторичное воровство повторяли то же наказание и держали в тюрьме до тех пор, пока набиралось достаточное число таких преступников, после чего их ссылали в Сибирь, где они должны заниматься звериной охотой в пользу казны. Олеарий видел в 1634 году в Москве, как наказывали кнутом 9 преступников, воровски продававших табак и водку; между ними была одна женщина [171]). Кнут был из воловьей жилы и имел на конце три хвоста, острые как бритва, из невыделанной лосиной кожи. Преступникам дали по 25 ударов, преступнице 16. Надо быть москвитянином, замечает Штрауе, чтобы выдержать четвертую долю такого наказания и остаться живым.

[170]) Батоги имели широкое приложение в частной сфере и не всегда считались позорным наказанием. Olearius, 241: Il n'y a point de père de famille qui ne les fasse donner à ses enfans et à ses serviteurs. О порядке, в каком производилось это наказание, см. у Олеария дальше. Ср. P. a Bucchau, p. 231.

[171]) Olearius, 232: Ils (преступники) se mettoient l'un après l'autre sur dos du valet du bourreau, ayans le corps nud jusqu'aux hanches et les pieds attachez ensemble d'une corde laquelle passoit entre les jambes de ce valet, qui les tenoit par les bras qu'ils avoient à son col, pendant qu'un autre valet tenoit la corde en sorte qu'ils ne pouvoient pas se remuer.

При наказании присутствовал подьячий с бумагой в руках, где означено было число ударов для каждого преступника; всякий раз, как заплечный мастер отсчитывал предписанное число ударов, подьячий кричал: «полно». После того преступников связали попарно, продававшим табак повесили на шею по рожку с табаком, а продавцам водки по стклянке с этим напитком и в таком виде повели всех по городу, хотя некоторые не могли уже стоять на ногах; при этом их продолжали бить кнутом. Прошедши с полмили, их повели опять на место наказания и тут отпустили. Часто наказание кнутом оканчивалось смертью наказанного. За употребление табаку во время Олеария рвали ноздри. Таннер описывает виденное им в Москве и сильно поразившее его наказание женщины за убийство мужа. Завязав преступнице руки назад, ее (denudatam) закопали по пояс в землю; в таком положении она должна была пробыть трое суток, не подвергаясь далее никакому наказанию [171]). На ее беду напали на нее голодные собаки, во множестве бродившие по городу, и после отчаянного сопротивления несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали из земли и разнесли по кускам. Все это происходило перед глазами многих зрителей, которые не смели подать помощь преступнице [172]).

Иностранцы XVII века, описывая московское судопроизводство, умалчивают об одном судебном доказательстве, именно о поле [173]); у иностранцев XVI в. находим об этом несколько любопытных известий. Когда

[171]) По Уложению, она должна была оставаться в земле, пока умрет.

[172]) Olearius, 231 и 232.—Tanner, 81.—Korb, 203.

[173]) У одного Петрея находим известия о поле, но они не представляют ничего нового в сравнении с известиями писателей XVI в. и даже, может быть, заимствованы у последних. Petrejus, 319.

дело не уяснялось допросом, и обе стороны представляли равносильные доказательства, ответчик или истец говорил: «поручаю себя правде Божией и прошу поля». Тяжущиеся могли выходить на поединок со всяким оружием, кроме пищали и лука. Бились пешие: бой открывался копьем, потом принимались за другое оружие. Иностранцы, выходя на поединки с русскими, почти всегда побеждали последних, превосходя их ловкостью и умением действовать оружием. Оба противника имели по несколько друзей и доброжелателей, которые, стоя у поля, смотрели за боем, но без оружия, кроме разве кольев, обожженных с одного конца. Если друзья одного из бьющихся замечали, что его противник бьется не как следует, а с обманом, тотчас прибегали к своему на помощь; за ними вмешивались в дело сторонники другого поединщика,—и с обеих сторон начиналась драка, приятно занимавшая зрителей, по замечанию Герберштейна: обе стороны дрались чем и как ни попало за волосы, кулаками, кольями и проч. [175]). Досудившиеся до поля могли вместо себя выставлять драться наемных бойцов; Ченслер говорит даже, что тяжущиеся редко бились сами, а выставляли обыкновенно наемных бойцов [176]). В Москве было

[175]) Если действительно так происходили судебные поединки при Герберштейне, то во второй половине XVI в. поле должно было принять несколько лучший вид: по царскому Судебнику у поля могли стоять только стряпчие и поручники бьющихся и то без всякого оружия; сторонних людей велено было отсылать, а кто не послушается, не пойдет сажать в тюрьму.

[176]) Hakluyt. I. 268. Seldome the parties themselves do fight except they be Gentlemen, for they stand much upon their reputation, for they wil not fight, but with such as are come of as good house as themselves. So that if either partie require the combate, it is granted into them, and no champion is to serve in their roome, wherein is no decent but otherwise by champions there is.

много таких бойцов, которые тем только и промышляли, что по найму выходили драться за других на судебных поединках [177]). Тот, чей боец оставался побежденным, тотчас объявлялся виноватым и сажался в тюрьму [178]).

Такие известия находим мы у иностранцев о порядке московского судопроизводства в XVI в. Из юридических понятий и обычаев они указывают, между прочим, на то, что по взгляду Москвитян только государь со своею думой мог произносить смертные приговоры над свободными и несвободными людьми; из наместников не многие пользовались этим правом. Никто из подданных не смел подвергать другого пытке. Михалон отдает преимущество московскому суду пред литовским в том отношении, что «право суда у Москвитян над всеми подданными баронов и дворян, как в гражданских, так и в уголовных делах, принадлежит не частному лицу, а назначенному для этого общественному чиновнику [179]». Не все классы общества имели одинаковое значение перед законом, по крайней мере в его приложении: показание одного знатнаго, по словам Герберштейна, имело больше силы, нежели показание многих простолюдинов. Если, говорит Флетчер, дворянин обокрадет или убьет бедного мужика, то иногда вовсе и не призывается к ответу; много-много если за мужика его высекут. Иностранцы говорят о

---

[177]) Clemens въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 151: habent pugiles publicos, quibus solo hos quaestu victus constat.

[178]) Іовій, 48.—Herberstein, 38—40.—Флетчер, гл. 14-я.

[179]) Михалон, 37. Села и деревни жаловались служилым людям иногда с правом суда, кроме душегубства и разбоя с поличным, но в XVI в. это не было общим правилом, как говорит Ченслер. Hakluyt. I. 267.

«врожденной» наклонности Москвитян к сутяжничеству и ябедничеству, но с особенною горечью отзываются они о продажности самого суда. Судьи, по свидетельству Герберштейна, открыто брали взятки, несмотря на строгость государя к неправде. При этом Герберштейн передает слышанный им рассказ, резко характеризующий положение дел в тогдашнем московском обществе: один судья из бояр был уличен в том, что с обоих тяжущихся взял посулы и решил дело в пользу того, который дал больше. Перед государем он не запирался во взятке, оправдываясь тем, что тот, в чью пользу он решил дело, человек богатый и почтенный, а потому больше заслуживает доверия перед судом, нежели бедный и незначительный его противник. Государь, смеясь, отпустил его без наказания, хотя и отменил его решение. Может быть, замечает на это Герберштейн, причиной такого корыстолюбия и недобросовестности служит бедность самих судей, которая заставляет государя смотреть сквозь пальцы на их поступки [180]). Флетчер, сказав, что единственный закон в Московии есть закон изустный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц, оканчивает свой обзор московского судопроизводства следующими мрачными словами: «Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против несправедливости которых ему необходимо было бы иметь значительное количество хороших и строгих законов». Мы знаем, как правительство в XVI в. хлопотало о составлении таких хороших и строгих законов; знаем, что одно из главных отличий царского Судебника от великокняжеского в том

[180]) Herberstein, 60.

именно и состоит, что первый, вооружаясь против несправедливости судей, не ограничивается строгим и грозным запрещением судьям дружить, мстить и брать посулы, но присоединяет к этому угрозу строго и подробно определенных наказаний за ослушание. Хороши или нехороши были эти законы,—нельзя отвергать, что они были строги. Следовательно главное дело было не в каких либо законах, а в исконных привычках и условиях жизни, создавших эти привычки. Если еще в XII в. с сомнением спрашивали, какая судьба ожидает тиуна на том свете, потому что тиун несправедливо судит, взятки берет, людей мучит; если еще Даниил Заточник советовал не ставить двора близ княжа двора, потому что тиун его как огонь, а рядовичи его как искры,—то еще с большею силой можно было повторить и этот вопрос, и этот ответ в XVI в. и даже гораздо позже, потому что и в XVI веке, и долго после продолжались явления, вызвавшие этот вопрос и ответ, а явления продолжались, потому что продолжали действовать причины, их производившие.

Что касается вообще до характера управления в Московском государстве, то мы находим у иностранцев XVI в. различные отзывы об этом предмете. Іовий из рассказов московского посла заключил, что по всем частям государственного управления находятся там прекрасные учреждения. Михалон хвалит московский порядок замещения должностей, говоря, что государь московский соблюдает равенство между своими чиновниками, не дает одному много должностей; начальники лучше обращаются с подчиненными, зная, что осужденному за взятки придется разведаться на поединке с обиженным, хотя бы последний принадлежал к низшему сословию; от этого не так часто слышатся во дворце жалобы на при-

теснения [187]. Но совсем другого рода отзывы находим у тех иностранцев, которые сами были в Москве и внимательно всматривались в московские порядки. Правление в Московском государстве казалось им слишком тираническим для христианского государства. По отзыву Флетчера, московская система областного управления была бы недурна для того обширного государства, по своему удобству для предупреждения нововведений, еслибы ее не портила недобросовестность правительственных лиц. Областные правители чужды народу по своим интересам и не пользуются ни его доверием, ни любовию. Являясь ежегодно в области свежими и голодными, они мучат и обирают народ без всякой совести, стараясь собрать в свое управление столько, чтобы по окончании срока, отдавая отчет, можно было, не обижая себя, поделиться с управляющим четь, который в надежде на это смотрел сквозь пальцы на действия наместника. За это народ ненавидит наместников, видя, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему правосудие, сколько затем, чтобы угнетать его и снимать с него шерсть не один раз в год, как владелец с своей овцы, а стричь и обрывать его впродолжение всего года. Далее иностранцы указывают на недостаток единодушия и общности интересов не только между управителями и управляемыми, но и вообще между служилыми людьми и простым народом. Флетчер в раздумьи останавливается на разных

[187]) Новый. 55.—Михалонъ, 57. Московское правительство при Иоанне IV жаловалось, между прочим, на то, что, «как съедут наместники и волостели и кормленый, и мужики многими исками отыскивают и много в том кровопролития и осквернения сделалось». Соловьев, «История России» VII, 14.

элементах Московского государства и ищет, нет ли где таких общественных сил, которые могли бы излечить эти язвы государства, но нигде не находит таких целебных сил, ни в дворянстве, ни в дьяках, ни в войске, ни в простом народе. Дворянство бессильно пред государем, бедно; областные правители также не могут достигнуть значительного влияния, потому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны народу; управляющие частями—дьяки, которые хотя и пользуются наибольшим влиянием на дела, но всем обязаны царю и служат ему одному; войско безусловно предано царю и настоящему порядку, потому что этот порядок выгоден ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народ. Эти части общества всею своею тяжестью лежат на простом народе; один он несет на себе все бремя и не имеет средств облегчить его [182]). В заключение английский наблюдатель дивится, как московские цари, прочно утвердившись на престоле, могут довольствоваться прежним неудовлетворительным порядком вещей в своем государстве.

Мы знаем, что в России и вверху, и внизу не менее Флетчера и всякого постороннего наблюдателя чувствовали неудовлетворительность и темные стороны управления. Правительство XVI в. придумывало и пробовало разные меры для улучшения управления; по его распоряжениям подле наместников и волостелей стали появляться выборные, излюбленные старосты с важным значением, чтобы «судили они беспосульно и безволокитно». И правительство, и общество объясняли эту меру

[182]) Флетчер, гл. 10-я.

как противодействие злоупотреблениям наместников и волостелей с их тиунами. Со второй половины XVI в. все более и более усиливаются жалобы земских людей на наместников и волостелей, которые «многие города и волости пусты учинили».—и правительство отменяет наместников и волостелей, объявляет учреждение излюбленных старост общею мерою; всякий город, всякая волость могла, если хотела избавиться, от наместников и волостелей, получив только «откупную» грамоту. Точно также частное распоряжение великого князя Василия Ивановича о введении в суд наместничий и волостелин лучших людей и целовальников утверждено в Судебнике сына его как общий закон. Во всех этих мерах выразилось стремление удовлетворить усилившимся требованиям общественного порядка, поставить на место прежней системы кормлений, основанной на частном праве, другую систему управления, основанную на государственных началах. С этою целью начали стеснять власть наместников и волостелей, как несовместную с возникавшим государственным порядком: сперва старались положить пределы произволу этих кормленщиков определением и ограничением их прав на подведомственных им жителей, потом стали отнимать у них многие права и передавать другим органам управления, выборным дьякам, городовым приказщикам. Наконец сделан был решительный шаг: наместники и волостели, представители системы кормления, заменены были воеводами, которые стали появляться во второй половине XVI в., в виде частной меры, но в царствование Михаила Федоровича сделались общим учреждением. По основной мысли этого учреждения воевода был настоящий правитель области, представитель государственного порядка, а не кормленщик, ведал дела

не на себя, как последний, а на царя [183]. Таким образом государственное начало делало несомненные успехи; отражались ли эти успехи заметными улучшениями в практической сфере, в отношениях органов управления к управляемым? Может-быть, какой-нибудь ответ на это дадут иностранные известия XVII в., тем более, что они описывают не столько устройство управления, сколько самое его действие.

В XVII в. система приказов еще более усложнилась, и потому еще труднее стало распределить их по роду дел на известные, точно разграниченные ведомства. Олеарий указывает на 6 главных отделений или ведомств, которые собственно составляли круг деятельности государева совета или думы; это были: дела иностранные, дела военные, доходы от отчины государя, отчеты с разных прикащиков и управителей, ведавших кабацкое дело, апелляции и решения по гражданским делам и наконец решения по делам уголовным. Каждому из этих ведомств соответствовал один или несколько приказов [184]. Самыми главными из этих приказов Рейтенфельс называет: Посольский, Разрядный, Поместный, Сибирский и Приказ Казанского Дворца. Приказами управляли («сидели» в приказах) бояре и другие думные люди,

[183]) См. «Областныя учрежденія» г. Чичерина. стр. 39—54.

[184]) Наиболее полный список приказов первой половины XVII в. сообщает Олеарий, насчитывая их 32. Определение ведомства каждого приказа у него неполно и часто неточно. За вторую половину века у иностранцев не находим такого списка. Рейтенфельс списывает имена и определения приказов у Олеария, не упоминая о новых приказах, явившихся послѣ Олеария. Мейерберг насчитывает 33 главных приказа. Olearius, 224—229.—Mayerberg. II, 108. Ср. Котошихин. гл. VII.

смотря по важности приказа, только в двух наиболее важных приказах, Посольском и Разрядном, управление которыми требовало особенных знаний, сидели не бояре, а думные дьяки, как люди более сведущие и опытные в приказном деле, хотя в чиновной иерархии они стояли ниже даже думных дворян. Письменною частью заведывали в качестве секретарей простые дьяки, которых было по одному или более в каждом приказе; под начальством их находились писаря и подьячие. Все делопроизводство в приказах было письменное. Коллинс насмешливо замечает, что там производилось столько бумаги, что ею можно было бы покрыть всю поверхность Московского государства. Дьяки и подьячие были завалены работой, которую иногда не успевали окончить днем и должны были заниматься по ночам. Но управляющие приказами, если верить Маскевичу, заседали только до обедни, при первом ударе колокола уходили из приказов, зато строго взыскивали с подчиненных за упущения. Корб рассказывает, что один дьяк, проработав целый день в своем приказе, наконец решился уйти домой отдохнуть; за ним последовали подьячие и писцы. Но, вероятно, дело было спешное, и на другой день думный дьяк, управлявший приказом, решил наказать подьчиненного дьяка за самовольный уход батогами, а подьячих и писарей привязать к скамьям, чтоб заставить их работать всю следующую ночь. Писали в приказах обыкновенно на бумажных свитках, аршин на 25 или 30 длиной, делая их из нескольких узких листов, склеенных вместе; во время письма приказный держал такой свиток не на столе, а на коленях, что очень удивляло иностранцев. Приказным запрещено было брать посулу под страхом наказания кнутом, но они мало смотрели на

это. Олеарий рассказывает об уловке, посредством которой приказные выманивали подарки у иностранных послов, приезжавших в Москву: они вызывались достать послу за известную сумму копию какого-нибудь секретного акта или распоряжения правительства, касавшегося этого посла, но так как приказным запрещалось брать из приказов бумаги на дом, то они составляли ложную бумагу и выдавали ее послу за копию с подлинного акта [185]).

В областях были особые земские и съезжие избы, устроенные по образцу центральных приказов; делами заправляли в них такие же чиновные люди, дьяки и подьячие, какие сидели в столичных приказах. Областями управляли в XVII в. воеводы. Главным правительственным местом, из которого посылались и в котором ведались воеводы, был Разряд [186]). Воеводы посылались с одним или несколькими товарищами, которыми большею частью были дьяки или подьячие. Воеводства в XVII в. давались обыкновенно на три года; редкий воевода правил одною областью дольше трех лет. Олеарий считает такую краткость срока очень благоразумною мерою, которую он объясняет чисто-государственными соображениями, именно намерением ограничить злоупотребление воевод, не дать им возможности усилиться, предупредить вредные замыслы и т. п. С тою же целью, по истечении срока, брали с воеводы отчет в управлении, принимали жалобы на него от областных жителей.

---

[185]) Маскевич, 56. — Olearius, 224—Korb, 52.

[186]) Маржерет говорит об одном Разряде; но были и другие приказы, из которых посылались воеводы. Воеводы назначались царским указом, выдававшимся из того приказа, в ведомстве которого состоял город, куда посылался воевода. См. «Областные учреждения» г. Чичерина, стр. 88.

Посмотрим, насколько все эти меры уменьшали злоупотребления воеводского управления. Прежде всего встречаем известие, что управители приказов, из которых посылались воеводы, пользовались этим как выгодною статьей дохода и торговали воеводствами [137]). Приехав в область, воевода старался прежде всего с лихвой вознаградить себя за издержки, которых стоила ему покупка воеводства, и брал широкой рукой, зная, что начальник приказа от которого он зависел, не даст хода жалобам обиженных. Был особенный, благовидно прикрытый обычаем страны способ, к которому обыкновенно прибегали воеводы для вымогания подарков у областных жителей. Каждый год воевода делал пиры, на которые приглашал наиболее зажиточных служилых и торговых людей своей области; последние хорошо понимали цель этих пиров и для избежания неприятностей в будущем старались щедро отблагодарить воеводу за честь, которую он им делал. Сытному кормлению, которым пользовались воеводы, подобно прежним наместникам, соответствовал и их наружный вид и обстановка, которой они окружали себя. Иностранцы посмеивались над боярской дородностью, которою отличались областные правители [138]). Олеарий, описывая прием, который сделал ему в 1636 г. нижегородский воевода, дивится великолепию и важности, которыми последний окружал себя дома. У ворот посетителей встретили два дворянина, которые провели их длин-

[137]) В разряде и Казанском Дворце, по словам Татищева, были положены оклады, что за каждый город взять; кто платил их, тот получал воеводство. «Областные учреждения», стр. 85.

[138]) О тотемском воеводе автор посольств Кардиля замѣчает: il etoit en homme fait à la mode des boyares, grand, gros et gras, comme sont d'ordinaire tous les gouverneurs des provinces. Ст. 126.

ними сенями в переднюю комнату; здесь ждали их два почтенные старца в богатой одежде, которые ввели гостей к воеводе. Последний был одет в парчовое платье и окружен множеством важных лиц. Комната была убрана турецкими коврами и украшалась большим поставцом, который весь уставлен был серебряною посудой [189]).

Меры правительства оказывались бессильными против обычая. Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся особенною суровостью, не много имели успеха. Если судья брал подарки, его могли уличить собственные его слуги или подарившие, которые, обманувшись в надежде выиграть дело, нередко пользовались этим против судьи, чтоб возвратить свои подарки; даже посторонние люди могли доносить на взяточника. Уличенный в лихоимстве должен был возвратить взятые подарки и подвергнуться правежу, пока не выплачивал назначенной пени в 500 в 1.000 или более рублей, смотря по сану. Незначительного дьяка, уличенного в лихоимстве, наказывали кнутом, привязав лихоимцу к шее взятую в подарок вещь, кошелек с деньгами, мех, даже соленую рыбу, потом отправляли наказанного в ссылку. Взятки однакож не истреблялись, хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки образам будто на свечи. Были в ходу и другие уловки. Олеарий говорит, что он знал в Москве сановников, которые сами не брали посулов, но не мешали принимать

[189]) Маржерет. 34 и 35.—Olearius. 152. 181. 277.—Mayerberg I. 152 и 153.

их своим женам [190]). Впрочем и закон вынужден был делать некоторые уступки укоренившимся обычаям: впродолжение Святой недели судьям позволено было, вместе с красными яйцами, принимать в дар малоценные вещи и даже деньги от рубля до 12: но это не имело вида посула. Все судьи и чиновники должны были довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными от государя. Эти известия не позволяют считать преувеличенными отзывы иностранцев XVII в. о продажности суда в Московском государстве, о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания; и такие отзывы простираются не на один суд и не на одни второстепенные или отдаленные от центра органы управления: иностранец, приехав в Москву, прежде всего узнавал, что здесь посредством подарков можно всего добиться, даже при дворе [191]).

Таким образом черты, которыми описывали московское управление иностранцы XVI в., повторяются в описаниях и XVII, с тою разницей, что последние больше говорят о строгости, с которой преследовались злоупотребления. В этих описаниях ясно видна борьба двух

[190]) Olearius, 229. Ср. Котошихин, гл. VII, ст. 28: «наказания не страшатся (судьи) от прелести очей своих и мысли содержати не могут и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочерь, или чрез сына и брата, не станут того себе не взятые посулы, будто про то и не ведаютъ».

[191]) Olearius, 229. Lors que nous arrivasmes à Moscou, l'on nous fit accroire qu'il n'y avoit rien que l'on ne pust obtenir de la Cour par le moyens des presens.

противоположных стремлений, господствовавших в московском управлении того времени: с одной стороны правительство старалось ввести понятие о службе государству, как об общественной должности, с другой—старый обычай заставлял смотреть на нее только как на источник кормления. Само правительство, не вполне освободившись от влияния этих старых обычаев, делало иногда уступки в их пользу. Это видно и на важном нововведении, сделанном в чисто-государственном духе, на утверждении воеводств: воеводы не получали корма, собирали судебные пошлины в казну, а не на себя; но служилый человек, просясь на воеводство, обыкновенно писал в челобитной: «прошу отпустить покормиться»,—и правительство принимало такие просьбы, не видя в этом противоречия с характером воеводского управления; а известия XVII века показывают, что приведенные слова не были одною только формой, удержавшейся по преданию от прежнего времени.

Но если органы управления, под влиянием старого обычая, не во всем точно отвечали новым стремлениям и началам, которые проводило государство, то по крайней мере взгляд общества на разные общественные явления делается несколько яснее и строже. Олеарий и здесь не изменяет своему правилу отмечать явления, которых не находили или не замечали предшествовавшие ему путешественники в Московию. Наказания батогами, кнутом и т. п. прежде не считались позорными; в обществе не чуждались людей, побывавших за преступления в руках заплечного мастера; наказание кнутом за неуголовные преступления считали даже царской милостью и наказанные благодарили за него царя; кто попрекал их кнутом, тот сам подвергался за это такому же наказанию.

Последнее продолжалось и в XVII в., но в обществе, как видно из слов Олеария, уже не так снисходительно смотрели на людей, побывавших под кнутом или батогами. Подобная же перемена произошла, по словам Олеария, и во взгляде на исполнителей наказаний. Должность заплечного мастера была очень выгодна: кроме царского жалованья он получал значительные доходы, тайно продавая водку содержавшимся под его надзором арестантам и принимая от них посулы за обещание полегче наказывать. Эта должность считалась даже почетною; оттого значительные купцы охотно покупали ее и через несколько лет с выгодой перепродавали другим. Олеарий говорит, что в его время, когда Москвитяне начали ближе знакомиться с более мягкими нравами своих соседей, звание палача не пользовалось уже прежним почетом и находило себе гораздо меньше охотников [192]).

VI.

Доходы казны.

Во всех сферах государственного управления последовали в описываемое время важные перемены, вызванные новыми условиями и потребностями, в которые более и более вовлекалось Московское государство. Все эти перемены, особенно в войске, усложняя государственные отправления, неизбежно требовали у государства больших средств, больших расходов. Мы знаем, как увеличились средства московского правительства с объединением северо-восточной России; при всем том мы видим, с какой заботливостью блюдет оно интерес казны, не говоря уже

[192]) Маржерет 37. — Olearius, 232. — Korb, 203.

о том, что московские государи издавна отличались бережливостью и рассчетливостью. Іоанн III приказывал брать назад шкуры баранов, отпускавшихся на содержание иностранных послов. Съезжал наместник или волостель со своего наместничества или волостельства, а на его место еще не являлся новый,—правительство спешит приказать, чтобы в точности собраны были на государя все кормы, которые следовали наместнику или волостелю за этот промежуток времени. Понадобилось отменить наместников и волостелей за их недобросовестность и поставить на место их выборных старост, которым приказано не брать никаких пошлин и кормов за службу, но эти пошлины и кормы нельзя было оставить совсем и вот тщательно высчитываются все расходы города или волости, шедшие на прежнего наместника или волостеля, и переводятся в оброчную сумму, которую излюбленные головы ежегодно должны были доставлять в Москву без недобору.

Из иностранных писателей XVI в. Флетчер первый перечисляет, хотя далеко не полно, доходы московского государя [193]). В XVI в., как и в XV-м, управление Московского государства сохраняло еще черты прежнего княжеского вотчинного хозяйства, имело чисто-финансовый характер; главною целью всех правительственных учреждений было собирание доходов. Высшими из этих учреждений, ведавшими разные статьи государевых доходов, во второй половине XVI в. были: Дворцовый Приказ, Четверти и Приказ Большого Дворца. Дворцовый Приказ, или Приказ Большого Прихода. Дворцовый Приказ, или Приказ Большого Дворца, получал доходы с го-

[193]) Флетчер, гл. 12-я.

родов и приписанных к ним сел и волостей, составлявших собственную отчину царя; эти доходы получались деньгами или натурой; иные крестьяне за пользование землей в царской отчине платили непосредственно трудом, обрабатывая в пользу царя известное количество земли. Доход натурой шел на содержание двора и на дачу для царской чести, или на царское жалованье, излишек продавался по выгоднейшей цене. Флетчер и Поссевин говорят, что в этом случае, для скорейшего и выгоднейшего сбыта, запрещалось купцам продавать такие-же произведения до тех пор, пока не будет распродан царский товар. При Флетчере от продажи этого излишка царская казна выручала до 230,000 рублей в год [191]), но во время Грозного, который жил роскошнее, не более 60,000. По показанию Маржерета, в Дворцовом приказе обыкновенно хранилось от 120,000 до 150,000 рубл. наличными деньгами [192]).

Начальники четвертей собирали чрез областных правителей тягло и подать с остальных земель государства, распределенных между этими приказами. Псковская область ежегодно платила тяглом и податью около 18,000 рублей, область Новгорода Великого 35,000, Тверская с Торжком 8,000, Рязанская 30,000, Муромская 12,000, Казанская 18,000, Устюжская 30,000, Ростовская 50,000, Московская 40,000, Сибирская 20,000, Костромская 12,000. Весь годовой итог этой статьи простирался до 400,000 рублей. Взнос в казну совершался к 1-му сентября, т. е. к началу года. По показанию Маржерета, которое впро-

[191]) По вычислению Карамзина, около 1 150 000 наших серебряных рублей. Т. X., прим. 406.

[192]) Маржерет. 44.

чем трудно принять буквально, тягло и подать были очень высоки, именно с выти или участка в 7 или 8 десятин казенные крестьяне платили 10—15, даже 20 рублей, смотря по качеству почвы [126]).

Приказ Большого Прихода принимал все пошлины, налоги и другие сборы. Сумма торговых сборов с больших торговых городов определялась наперед и собиралась целовальниками или откупщиками. Столица платила ежегодно торговой пошлины 12,000, Смоленск 8,000, Псков 12,000, Новгород Великий 6,000, Старая Руса (от соляной промышленности) 18,000, Торжок 800, Тверь 700, Ярославль 1,200, Кострома 1,800, Нижний 7.000, Казань 11,000, Вологда 2,000. Пошлинный сбор с других городов был не всегда не одинаков. В тот же приказ шел сбор с торговых бань и кабаков, составлявших монополию казны, также судные пошлины, простиравшиеся ежегодно до 3,000 рублей; сюда же поступала из Разбойного Приказа половина имущества всякого преступника, которая бралась в пользу царя, и остатки от доходов других приказов, как-то: Разрядного, Стрелецкого, Иноземского, Пушкарского, Поместного, Конюшенного, которые все имели свои особые доходы. Поместный, раздавая земли, взыскивал за каждую запись по 2, по 3 и 4 рубля, смотря по величине отводимого участка, и собирал доходы с поместьев опальных, пока государь не отдавал их кому-ни-

---

[126]) Маржерет не точно определяет выть. В выти считалось 12 четвертей посева, в десятине 2 четверти, следовательно выть равнялась 6 десятинам. Он же говорит, что некоторые чети, как Казанская и Новая, пятая, ведавшая доходы от питейной продажи, сберегали 80— 00 тыс. рубл. чистого дохода.

будь другому [197]). Конюшенный Приказ брал пошлины с продаваемых лошадей. Этому приказу доставлял большие доходы конский торг, производившийся в России ногайскими Татарами; за каждую проданную лошадь взималось с продавца и покупателя по 5 коп. на рубль. Как значительны были пошлины с этого торга, можно заключить из того, что Ногаи ежегодно пригоняли лошадей в Россию раза два или три, тысяч по 40 вдруг [198]). Сумма всего годового дохода, поступавшего в Приказ Большого прихода, по Флетчеру, простиралась до 800,000 рублей, при этом Флетчер ссылается на приходные книги Приказа.

Каждое из упомянутых трех учреждений передавало собранный им доход в главное казначейство, находившееся в ограде Кремля. Чистый годовой доход казны простирался до 1,430,000 рублей [199]).

По свидетельству Герберштейна, торговой пошлины взималось со всякого товара, привозного и вывозного, по цене, с рубля по 7 денег, кроме воска, с которого брали по цене и весу по 4 деньги с пуда [200]). Судной пошлины

---

[197]) Ежегодный доход этого приказа во время Котошихина простирался до 2,000 рублей Гл. VII, ст. 8.

[198]) Маржерет, 46. Ср. Котошихин, гл. VI, ст. 6, Средняя цена ногайской лошади, по показанию Маржерета, была 20 руб.

[199]) Любопытно сравнить показание Флетчера съ показанием Котошихина о сумме денежных доходов казны в половине XVII в.: «И всего денежных доходовъ, говоритъ онъ, на всякой годъ въ царскую казну приходитъ во все приказы, со всего государства, кроме того, что исходитъ въ городехъ, за десять сотъ съ триста съ одиннадцать тысячъ рублевъ, окромъ Сибирские казны». См. гл. VII, ст. 48.

[200]) В конце XVI в. в Москве брали торговой пошлины по 8 денег с рубля, и эта пошлина называлась малой. Соловьев, «История России», т. VII, стр. 382.

взималось по 20 денег с рубля, или по 10% за всякое решение по гражданским делам; кроме того, со всякого имени, упоминаемого в выдававшихся судебными местами бумагах, брали, по словам Флетчера, в пользу царя по 5, алтын. Потом в месте, где хранилась меньшая печать, за бумагу платили столько же.—Поссевин, Флетчер и Гваньини говорят о невыносимых податях и налогах, которыми обременены были горожане и поселяне. Мы не имеем основания видеть в этих словах преувеличения зная, какие огромные, небывалые прежде военные силы должно было выставлять Московское государство в царствование Иоанна IV и на восток и на запад, каких огромных расходов требовали продолжительные войны этого времени. Каждая важная статья расхода на войско вела к установлению особого налога: так, явились «пищальные деньги», «посошные деньги», «емчужные деньги» (на порох) и проч. С другой стороны, страшное напряжение и потрясение, которое в это время испытало государство от внутренних и внешних причин, должно было вредно подействовать на народное хозяйство и сделать еще более чувствительным бремя, лежавшее на тяглом народонаселении.

Кроме денег, подать шла и натурой, напр., мехами из Сибири, Перми и Печоры; по словам Герберштейна, в Пермской области подать платили лошадьми и мехами. Въ прошломъ (1588?) году, говорит Флетчер, собрано въ Сибири царской подати 446 сороковъ соболей, 5 сороковъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ». Сверх этих постоянных доходов, по свидетельству того же иностранца, много собиралось от конфискации имущества опальных и от чрезвычайных поборов с должностных лиц, монастырей и проч. По показанию Поссевина, митрополит и архиепископы

также платили иногда царю подать, или пособие, как они называли это.

Иностранцы предполагали у московских государей огромные богатства: Поссевин объясняет это тем, что они собирали все серебро и золото, привозимое в государство из-за границы, и не позволяли вывозить его, кроме немногих случаев; даже у своих послов, ездивших за границу, они отбирали серебряные и золотые вещи, полученные послами в подарок от иностранных государей. То же говорит и Герберштейн. Золото, серебро и драгоценные камни считались при московском дворе преимущественно заслуживающими приобретения: Иоанн III постоянно наказывал своим послам искать и добывать их, где можно. Московские государи вообще отличались бережливостью. Михалон говорит, что московский государь отлично распоряжается домашним хозяйством; не пренебрегая ничем, так что продает даже мякину и солому; на пирах его подаются большие кубки, золотые и серебряные, называемые соломенными, т. е. сделанными на деньги, вырученные от продажи соломы. Иностранцы дивились множеству всякой утвари, дорогих и красивых одежд, находившихся в царских кладовых; многие из этих одежд предназначались только для выдачи на прокат, за известную плату, придворным вельможам, когда последние хотели получше нарядиться по случаю какого-нибудь торжества, приема иностранных послов, пира с друзьями, свадьбы и т. п.; если при возвращении одежды она оказывалась хотя немного запятнанною, бранный ее вельможа должен был заплатить деньги по оценке и даже подвергнуться телесному наказанию, чтобы впред этого не делать. Оттуда же брали одежды московские послы, отправлялись за границу. Сокровища государевы храни-

лись в Москве, на казенном дворе, а в случае неприятельского вторжения увозились на Белое озеро или в Ярославль; по словам Поссевина, в последних двух городах государь постоянно стал хранить часть своих сокровищ после крымского разгрома 1571 года [201]).

В XVII в. некоторые статьи государственных доходов должны были получить большее развитие; возникли новые источники доходов; и то и другое было необходимо вследствие расширения деятельности государства и увеличения его расходов. В XVII в. издержки на войско еще более увеличились в сравнении с прежним временем. Мейерберг называет его пропастью, которая поглощает почти все доходы московской казны. Способ покрытия чрезвычайных военных издержек сохранил прежний, случайный характер: возникала нужда в деньгах,— государство вводило новый налог. В мирное время, говорит Олеарий, налоги не обременительны, но в военное — увеличивались в огромных размерах; так, на покрытие издержек второй польской войны, в царствование Михаила Федоровича, взимали пятину, или пятую деньгу по всему государству; при Алексее Михайловиче брали в начале войны двадцатую, а потом десятую деньгу; наконец, также стали брать пятую.

[201]) Herberstein, 44, 62 и слѣд., 11. — Possevino, 24 и 90. — Михалон, 57. — Guagnini в «Rerum Moscovitcarum auctores varii», p. 181. — Флетчер, гл. 12-я. — Маржерет бывал на казенном дворе и сообщает длинный перечень драгоценных вещей, которые он там видел. «Сказания современников о Димитрии Самозванце». ч. 3-я, стр. 47—49.

Из постоянных доходов казны иностранцы XVII в., в дополнение к известиям XVI в., указывают между прочим следующие статьи.

1) Торговые пошлины с Архангельска и Астрахани. По словам Олеария, в иные годы с одного Архангельска получалось торговой пошлины больше 300.000 рублей. Когда уничтожены были привилегии иностранных купцов, эти пошлины должны были еще увеличиться: Карлиль в речи, произнесенной пред царем, говорил, что с того времени английские купцы платили в казну пошлины ежегодно по 6.000 рублей. Торговые пошлины с Астрахани не были так значительны, как с Архангельска: по Олеарию, казна получала с нее больше 12.000 рублей ежегодно [262]).

2) Доходы от питейной продажи. Иностранцы представляли себе эти доходы в огромных, даже невероятных размерах. Кабацкое дело в XVII в. едва ли не было самою выгодною монополией казны. Во время Олеария с трех кружечных дворов в Новгороде казна получала больше 6.000 ежегодного дохода [263]; если верить Коллинсу, были дворы, приносившие еще больше, по 10—20 тысяч рублей ежегодно. Олеарий говорит, что в Московском государстве было больше 1.000 кружечных дворов, в которых продажа пива, меда и водки была исключительным правом казны; но это показание нельзя принять

[262]) Корбу, кажется, преувеличили количество пошлинного сбора с обоих этих городов, в то время как сказывали ему, астраханский и архангельский порты доставляли казне до 10 миллионов императалов или рублей. Стр. 184.

[263]) Штраус несколько уменьшает эту сумму, говоря, что каждый из трех новгородских дворов приносил казне ежегодно по 10.000 ливров дохода.

и за приблизительное. В каждом небольшом городке непременно было по одному кружечному двору, в некоторых— по два, в больших—по нескольку. Такие же дворы ставились и в селах, даже отдельно, на дорогах: Олеарий, плывя по Оке, видел несколько таких уединенных дворов. Потому Штраус имел некоторое основание сказать, что кабаков в Московии бесконечное множество. В последние годы XVII в. казна получала от питейной продажи больше 200.000 рублей ежегодно.

3) Доходы от продажи соболей и других мехов, поступавших в казну в виде подати и другими путями, преимущественно из Сибири («Сибирская казна»). Добывание мехов в Сибири в пользу казны производилось ссыльными преступниками и солдатами, которые посылались туда полками обыкновенно на 7 лет. И те и другие должны были добыть в каждую неделю известное урочное количество мехов [204]).

4) Особенный доход получался от пошлины на икру, которой много шло за границу. При Корбе один голландский купец ежегодно платил в казну за право вывоза икры 80.000 рублей.

5) Доход от железных рудников, который, по показанию Невиля, в конце XVII в. простирался до 50.000 рублей.

6) Казна сама была главным купцом в Московском государстве; кроме продажи произведений, поступавших

---

[204]) Котошихин, гл. 7: «а сколько числом тое (сибирской) казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши шти сот тысечь рублевъ». Продажа самых добрых соболей, целой свыше 20 рублей пара, принадлежала одной казне.

и нее государственным порядком, она совершала и другие выгодные обороты, скупая и перепродавая внутренние и привозные товары. Коллинс говорит, что казна оптом скупала все товары, которые привозили Греки и Персияне, и перепродавала с большими барышами. Она посылала также в Архангельск огромное количество мехов, масла, пеньки, льна, обменивая их там на шелковые ткани, бархат, парчу, сукно и другие заграничные товары[203]). На московских рынках продавалось мясо, орехи, яблоки и холсты, принадлежавшие казне; продававшие торговцы и торговки громко зазывали к себе покупателей, крича, что это—царские товары. Одною из выгоднейших статей доходов казны были также монетные операции. За неимением своего серебра, казна чеканила серебряную монету из привозного металла; преимущественно употреблялись на это немецкие и голландские рейхсталеры, называвшиеся в Москве ефимками. Казна принимала от иноземных купцов по 14 алтын или 42 коп. ефимок, а московской монеты чеканили из него на 64 коп., т. е. получала от каждаго ефимка по 22 коп. прибыли.

Иностранцы имели вообще преувеличенное понятие о богатстве московской казны, не зная в точности ее расходов. В XVII в. государственные доходы, конечно, увеличивались, но не в такой мере, как требовали того возраставшие потребности государства. Стоит только сравнить показание Флетчера о сумме денежных доходов казны с таким же показанием Котошихина и потом взять в расчет хоть только денежное жалованье войску в XVII в., чтобы видеть, что увеличение государственных доходов не шло в уровень с возрастанием государствен-

[203]) Ср. Котошихин, гл. XII, ст. 1.

ных нужд. Это заставляло правительство прибегать к мерам, истинного смысла которых трудно было не понять. Такова, наприм., была в царствование Алексея Михайловича попытка правительства прибегнуть к кредиту для восполнения недостающих средств на покрытие военных издержек. Правительство стало выпускать в обращение медные деньги, давая им одинаковую ценность с серебряными [206]). Сначала операция пошла удачно: медные деньги ходили наравне с серебряными, и в продолжение 5 лет выпущено было, по показанию Мейерберга, до 200.000 рублей медной монеты. Но скоро обнаружились подделки, производившиеся в обширных размерах, благодаря падкости на посулы царского тестя Ильи Даниловича Милославского и приказных людей [207]). При Мейерберге (в 1661 г.) в московских тюрьмах содержалось до 400 делателей фальшивой монеты. Потом сама казна много повредила ходу медных денег, стараясь вытеснить из обращения и привлечь к себе серебряные деньги: подати и налоги собирались серебряною монетою, но жалованье ратным людям и все уплаты казны выдавалась медною [208]). Медные деньги стали быстро падать; после-

[206]) Мейерберг, такъ определяет прибыль, которую получала казна от этой операции: «ayant depense cent soixante copies pour acheter du cuivre il (царь) en fit à son profit cent rubles dans ses monnoies, de sorte qu avec la même depense dont il payait auparavant un soldat, il en payoit soixante». Mayerberg. II, 128.

[207]) Мейерберг говорит, что Милославский даже сам участвовал в подделке монеты и выпустил ее на сумму 120.000 рубл. ibid, p. 130.

[208]) Мейерберг прямо указывает на это, как на одну из причин упадка медной монеты: «il (народъ) remarqua qu'elle (двор) faisait peu d'etat de sa monnoie et il commensa de même d'en faire peu d'estime». Котошихин также указывает на то, что «въ государстве серебряными деньгами учала быть скудость».

довала страшная дороговизна; хлеб продавался в 14 раз дороже прежнего. Чернь начала волноваться, и правительство принуждено было отказаться от неудачной операции и изъять из обращения медную монету.

Указание на сумму всех доходов казны деньгами мы имеем от конца предпоследнего десятилетия XVII в. Невиль говорит, что она не превышает 7 или 8 милл. ливров, т. е. была почти та же, какую показывает Котошихин; следовательно, в 25 лет, протекших со времени бегства последнего из Московского государства, до конца правления Софьи, в государственных доходах не последовало значительного приращения. Но денежные доходы далеко не определяют государственных доходов того времени; казна попрежнему получала многие сборы натурой; определить стоимость таких доходов затрудняется даже Котошихин, так близко стоявший к дворцовой администрации [209]).

Таковы известия иностранцев об устройстве и управлении Московского государства. В XV в. мы находим у них немногие беглые заметки: государство еще не установилось, не все стороны его определились и обозначились. Писатели XVI и XVII вв. наблюдали его больше, говорят о нем подробнее, но между теми и другими есть заметная разница. Писатели XVII в. меньше поражаются особенностями, которые представляло Московское государство западному европейцу, они как будто уже привыкли к ним, их суждения об этом государстве становятся все спокойнее и сдержаннее; они видят в нем не один

[209]) Olearius, 221, 275 и 329.—Mayerberg, II, 119—121.—Carl. Isle, 62 и 257.—Tanner, 41.—Struys, 143.—Neuville, 9, 216 и 217.—Korb, 184—186.

темные стороны, но охотно указывают и на многие светлые явления, какие удалось им заметить, не без удовольствия приветствуют первые начатки преобразований. Не то у писателей XVI в.; чем больше вглядываются они в порядки Московского государства, тем жестче и мрачнее становятся их отзывы. Герберштейн часто будто невольно прерывает свой ровный рассказ сдержанной, но полновесной фразой порицания и неудовольствия. У Поссевина и Гваньини резкость отзывов доходит иногда до горечи и злости. Наконец, Флетчер при каждом удобном случае делает в своем описании отступления, полные горьких и энергических возгласов о деспотизме, произволе и недобросовестности, на которых, по его мнению, основан весь государственный порядок в Московском царстве; во всех мерах и действиях московского правительства он видит одну цель—угнетение и разорение народа, к которому он прилагает всевозможные жалкие эпитеты. Это постепенное усиление резкости и порицания в отзывах иностранцев XVI в., наиболее знакомых с описываемой страной, недостаточно объяснять только тем, что, ближе всматриваясь в положение Московского государства, они яснее видели и темные стороны, или тем, что с развитием самого государства и темные стороны усиливались и выказывались яснее. Темных сторон, язв, которыми страдало государство, было много, они понятны; понятны и те явления, которые так неприятно поражали иностранцев XVI в. при московском дворе в эпоху борьбы самодержавия с дружинными преданиями: в борьбе за жизнь не разбирают средств и мало думают о приличии манер. Понятно и неодобрение, которое вызывали эти темные стороны в людях с лучшими понятиями, привыкших к лучшим порядкам. Но эти люди видели и

Московском государстве более, нежели только темные стороны, исторически образовавшиеся: Поссевин и Флетчер видят во всех сторонах государственного устройства Московии какую-то широкую, строго рассчитанную систему политического коварства, соединенного с произволом и насилием. Московские государи, конечно, не были похожи на прежних князей—вождей дружин, живших день за день, как Бог укажет; они рано привыкли заботливо думать о завтрашнем дне; но видеть в созданном ими государстве то, что видели иезуит или английский доктор гражданского права, значит видеть в нем слишком много. Нет сомнения, что дело было гораздо проще. Но чтобы уяснить себе, как мог составиться такой взгляд, надобно иметь в виду те впечатления, которые образованный европеец прежде всего выносил из внимательного наблюдения над ходом дел в Московском государстве XVI в. Если бы он нашел страну в первобытной дикости, то отнесся бы к ней с любопытством—и только. О степных татарах иностранцы не отзываются с такой горечью, как о Московии, потому что с них нечего было и взыскивать, у них не замечалось и явлений, которые могли бы особенно сильно затронуть образованного европейца и вызвать в нем что-нибудь более простого любопытства. Татары прямо говорили, что их родина—степь, и дивились, как можно жить постоянно на одном и том же месте, в душных городских стенах. Но в Московском государстве XVI в. иностранцы замечали широкие претензии стать наравне с другими, даже выше многих других, замечали желание вписаться в число потомков Августа и пристать к семье христианско-европейских государств, при первом случае завязать с ними сношения, создать общие интересы,—и при этом встречали аллат-

скую подозрительность к пришельцам из христианской Европы, пренебрежение, с которым московский государь отзывался о западных государях, слышали, что этот государь моет руки после приема западно-европейских христианских послов. Одни явления не позволяли им отнестись к Московскому государству, как к первобытной стране, а другие отнимали у них желание судить о нем снисходительно, как о государстве, не окрепшем и не устроившемся окончательно,—и они, не задумываясь долго над историей, сочли себя в праве приложить к нему мерку своих государств, пред которой Московия, разумеется, оказалась далеко не состоятельной. Допустив одну неправильность, они допустили и другую: недостатки неразвитого, молодого государства объясняли причинами, которые действуют в государствах пожившихся и дряхлеющих. Эта неправильная точка зрения не позволяла им видеть именно ту сторону государства, которая могла дать более простое и естественное объяснение многих явлений, так неприятно поражавших в нем наблюдательного европейца.

VII.

Вид страны и ее климат.

Перейдем теперь к изложению сообщаемых иностранцами известий о материальном состоянии страны и ее жителей, о качестве тех источников, из которых государство черпало средства для удовлетворения своих с каждым днем умножавшихся потребностей. Экономическая жизнь Московского государства занимает в известиях иностранцев гораздо меньше места сравнительно с другими его сторонами, но зато к известиям этого рода мы в праве относиться с большим доверием, нежели ко

всяким другим известиям иностранца. Факты внешней материальной жизни доступнее точному наблюдению; обсуждение их оставляет меньше простора личным симпатиям и антипатиям, сильно сдерживает привычку мерять явления чужой жизни своими домашними понятиями. Московия, по описанию иностранцев, представляла вид совершенной равнины, покрытой обширными лесами и пересекаемой по всем направлениям большими реками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московия не что иное, как сплошной лес, за исключением тех местностей, где его выжгли для обращения в поле, годное к обработке. Поверхность этой равнины редко подымается значительными возвышениями; часто на обширном пространстве не встретишь ни одного значительного холма. Страна эта имеет огромное протяжение в длину и ширину. С юга и частию с востока она окружена неизмеримыми пустынями, безлесными и скудными водою степями, а с запада и севера—обширными дикими лесами или болотистыми местностями.

Благодаря этому, трудно проникнуть в нее или выйти из нее окольными путями, и каждый должен держаться больших дорог, чтобы не зайти в непроходимые лесистые или болотистые места. Крымские Татары недаром называли леса для Московского государства «великими крепостями». Леса богаты пушными зверями, невероятно высокими соснами, превосходным дубом и кленом. Московия казалась западным европейцам другою частью света, по выражению Кампензе, не по одному отдаленному своему положению на границах Азии и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многим особенностям своей природы, своего климата, отличающегося резкими противоположностями в явлениях зимы и лета.

Западные путешественники с удивлением рассказывают о чудесах, которые творит там мороз: от его суровости земля трескается, образуя широкие расщелины, деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозят сани с замерзшими седоками; хищные звери, гонимые голодом и стужей, выбегая из лесов и нападая на селения, врываются в дома жителей, которые от страха разбегаются и мерзнут подле своих жилищ. Зима сменяется совершенно другими явлениями. Большие реки, пересекающие Московию, поднимаясь от тающих весною снегов, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячею водою и глубокою грязью, иногда не просыхающею до тех пор, пока реки опять не покроются льдом и болота не окрепнут от мороза настолько, чтобы по ним можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лесов, рек и озер., обилию растений, страна бывает чрезвычайно приятна и прекрасна весной и в начале лета; но неумеренные летние жары, подобно зимним холодам, делают невыносимым путешествие по стране и сопровождаются печальными явлениями: под влиянием знойного солнца, от громадных лесов и бесчисленных стоячих вод зарождается такое множество комаров и других насекомых, что с трудом можно защититься от них. Реки и источники во многих местах высыхают, трава и хлеб выгорают на лугах и полях, от чего происходит страшная дороговизна жизненных припасов [210]). Такие жары сильно способствовали пожарам, и Герберштейн видел, как горели деревни, леса и поля, покрытые созревшим хлебом,

[210]) Герберштейнъ разсказываетъ, что в 1525 г. вследствие засухи хлеб так вздорожал, что меру, стоившую 3 деньги, продавали по 20 и по 30 денег (стр. 45)

весь округ наполнялся мраком и дымом, страшно разъедавшим глаза.

В первой четверти XVI в. встречаем краткие указания на то, что глухие лесные пространства начали уступать усилиям оседлого населения, по крайней мере там, где можно предполагать большое развитие промышленной деятельности и большую степень населенности. Иовию рассказывали, что леса, наполняющие большую часть Московии, в некоторых местах уже расчищены и заселены и теперь не представляют таких страшных и непроходимых дебрей, как прежде. Герберштейн также видел в Московской области множество пней больших деревьев и заключает из этого, что недавно страна была еще лесистее [211]). Воздух вообще, особенно в центральных областях, хорош и здоров, так что там мало слышно о заразительных болезнях, которые происходили бы собственно от климата. Оттого, когда в 1654 г. в Смоленске появилась моровая язва, все были изумлены, тем более что никто не помнил ничего подобного [212]).

Иногда, впрочем, сильно свирепствует и здесь болезнь, похожая на язву, от которой страдают внутренности и голова; Москвитяне называют ее «огнива»; заболевающие этой болезнью скоро умирают, немногие выздоравливают [213]).

[211]) H. de Lannoy, 21.—Барбаро, 62.—Контарини 102, 117.—Каменске, 27 - 31.—Іовій 23. Herberstein 15—Olearius, 18, 121.

[212]) По словам Коллинса, эта язва истребила в 1655 г. около 800 000 человек. Петрей замечает, что моровая язва чаще появлялась на границах Московского государства, нежели во внутренних областях.—Коллинс, 177—Petreyus, 317.

[213]) Герберштейн называет эту болезнь Color, Гваньини переводит словами «ognyowa febris». Ср. Petrejus, 317.

Пни, виденные иностранцами, были остатками вырубленного или выжженного леса: так мирный труд постепенно завоевывал себе почву.

VIII.

Почва и произведения.

Большая часть земель, которыми в XV и XVI вв. владел труд оседлого московского народонаселения, далеко не принадлежала к самым плодородным местностям восточной Европейской равнины. Эти самые плодородные местности и в XVI в., как в X, были притоном кочевников, и хотя во второй половине XVI в. длинная полоса их по Волге вошла в состав Московского государства, но большей частью была еще недоступна мирному оседлому труду, и эти степи лежали впусте, продолжая быть спорною землей между Европой и Азией. Только по некоторым углам этих степей земля обрабатывалась и являлась во всей силе своего плодородия. В местах по нижнему течению Дона, где в XV в. Татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледелием, даже и при их небрежном способе обработки, пшеница очень крупная зерном, по свидетельству очевидца, родилась сам-50, а просо сам-100, и иногда жатва была так обильна, что кочевники не знали, куда девать хлеб, и часть его по необходимости оставляли на месте [210]). Но хотя почва Московского государства далеко не могла равняться в плодородии с почвою этих степных пространств, однако же она большею частью вознаграждала труд земледельца, и, истощаясь в одних местах, представляла в других не-

[210]) Барбаро, 37.

тронутые нивы, обещавшие по крайней мере в первые годы по выходе из под леса богатую жатву. Мейерберг решается сказать, что едва ли есть в мире страна, которой Московия могла бы позавидовать как в доброкачественности воздуха, так и в плодородии полей. О почве Московского государства, замечает Олеарий, можно сказать вообще, что она производит больше хлеба и корма для скота, чем сколько потребляет страна. Голландцы не даром признавались, что Московия для них то же, чем была Сицилия для Рима. О дороговизне там редко слышно. Притом в краях, отдаленных от судоходных рек, откуда следовательно трудно возить хлеб на продажу, жители обрабатывают землю только в таких размерах, чтобы можно было просуществовать в продолжение года, не заботясь об излишке и запасе, ибо они знают, что земля всегда даст им необходимое. Оттого там много прекрасных, но нетронутых или запущенных земель, на которых растет одна трава, да и ту не стараются косить, потому что скот и без того имеет достаточно корма. Описание Герберштейна дает нам возможность сравнить качество почвы и зависевшее от этого развитие земледелия в разных краях Московского государства. По его словам, почва собственно Московской области не отличается особенным плодородием, потому что почти везде песчанистая и убивает жатву при малейшем излишке влажности или сухости. Хлеб и обыкновенные овощи Московская область производит в достаточном количестве, но ей не достает хороших садовых плодов. Почва Владимирской и Нижегородской области гораздо плодороднее: одна мера пшеницы на ней дает иногда 20, даже 30 мер, но в этих областях тянутся обширные леса. Юго-восточная часть Владимирской об-

ласти по р. Клязме отличается особенным плодородием, в противоположность менее плодородной и населенной северо-западной части. Эти области занимают по плодородию и обилию произведений второе место после Рязанской области, которая считается самою плодородною из всех областей Московского государства; по рассказам, каждое зерно дает там по два колоса и больше, отчего нивы летом так густы, что с трудом пройдет лошадь и перепела не могут вылететь из чащи колосьев.

Таким же плодородием отличаются поля, лежащие по течению Оки. В северной стране почва, где обрабатывается, дает хороший урожай, но таких мест немного; там и сям попадаются обширные пустыни; особенно много лесов; вокруг Брянска тянется огромный лес, имеющий 24 мили в ширину; страна подвержена постоянным набегам Татар.

Вокруг Смоленска лежат плодородные возвышения, но область большею частию покрыта лесами. По ту сторону верхней Волги, в Новгородской, Вологодской и частию Тверской области почва неплодородна; это страны обильные водой, во многих местах болотистые, скудные хлебом, и этим они резко отличаются от стран по сю сторону Волги, более сухих и почти везде имеющих плодородную почву. Ехавший из Новгорода в Москву резко чувствовал это различие двух областей в образовании поверхности и в качестве почвы: начиная со средины расстояния между Вышним Волочком и Торжком, с того пункта, где проходила граница прежних Новгородских владений и Московской области, по направлению к Волге, земля становилась заметно ровнее, плодороднее, возделывалась тщательнее и повсюду представляла больше хлебных полей. В Ростовской и Ярославской области

почва еще довольно плодородна, особенно в местах, прилежащих к Волге; но далее на север, в областях Белозерской, Вологодской и Устюжской лежат обширные, неплодородные и невозделанные пространства, наполненные лесами, реками и частыми болотами. Это страны пушного, рыбного и соляного промысла; земледелие находится здесь в самом жалком состоянии, в большей части мест здесь не знают хлеба или очень редко употребляют его. Теми же самыми чертами отличается почва и на северо-восток от среднего течения Волги, в областях Вятской, Пермской и т. д. Государство присоединяло их к своим владениям без особенного труда, но трудно завладевало ими мирное население государства; в XVI в. здесь среди лесов и болот много еще бродило хищных кочевников. Герберштейн прямо говорит, что эти страны пустынны от соседства с Татарами. О Вятской и Пермской области известия и XVI, и XVII в. в. говорят, что земледелие здесь не распространено, что туземцы живут охотой и рыболовством, не заботясь о хлебе. Но замечательно известие о горных Черемисах и Мордве, живших на правом берегу среднего течения Волги: это также грубые люди, платящие дань мехами; но они народцы оседлые, непохожие на своих заволжских соседей, не имеющие такой наклонности к разбойничеству, как последние и заботливо занимающиеся земледелием. Таким образом, мы можем принять верхнее и среднее течение Волги за черту, далее которой к северу и востоку в XVI в. заметно падали успехи земледелия и культуры [218]). Иностранные известия не дают нам указаний на успех.

---

[218]) Herberstein, 44—63 — Ulfeld, 26.—Meyerberg., 11, 42 60, 79.—Olearius, 118

с каким распространялось земледелие на север и восток от Волги в XVII в. сравнительно с прежним временем. С конца XVII в. вместе с русским населением земледелие стало распространяться и по ту сторону Камня, но есть ясные указания, что и во второй половине XVII в. земледельческий промысел находился в Сибири, как и в Перми с Вяткой, исключительно в руках русских поселенцев, что туземцы речной области Тобола продолжали по-прежнему обходиться без хлеба, питаясь охотой и рыболовством. По описанию Флетчера, плодородные места лежали между Вологдой и Москвою и далее на юг, до крымской границы, между Рязанью и Новгородом, между Московою и Смоленском [216]).

Известия о земледельческом хозяйстве, впрочем немногие указывают, что в нем сохранялись еще простые, можно сказать, первобытные приемы. Пахали деревянными орудиями без железных сошников; дальнейшее разрыхление производилось сучковатыми ветвями, кой-как сколоченными между собою: эту не хитрую борону лошадь возила по полю, разбивала комы вспаханной земли. При такой простоте обработки нельзя отказать в доле правды известию Маржерета, что мальчик 12 или 15 лет мог с одною лошадью обработать в день одну или две десятины. Сжатый хлеб располагали кучками или складывали в виде шалашей с уступами на подобие ступенек, чтобы ветер свободнее мог проникать в снопы и просушивать их. Перед молотьбой хлеб просушивали в натопленных шалашах (овинах); такую просушку считали выгодной в том отношении, что отвердевшие в дыму в тепле зерна могли долго лежать, не подвергаясь порче.

[216]) Флетчер гл. 2-я

Для молотьбы крестьяне выравнивали перед овином землю (ток), в зимнее время поливали ее водой, и когда таким образом ток покрывался льдом, на нем раскладывали снопы и молотили.

Мельниц водяных и ветряных было немного; в большом употреблении были домашние ручные мельницы, состоявшие из двух круглых жерновов, посредством которых каждое крестьянское семейство мололо себе столько муки, сколько ему нужно. Озимым хлебом была только рожь; остальные хлеба сеялись весной. Рожь сеяли в начале или половине августа, пшеницу и овес, смотря по продолжительности зимы, в апреле или в мае, ячмень в конце мая. В северных частях России сеяли только за три недели до Иванова дня и меньше, чем чрез два месяца хлеб уже поспевал, благодаря солнечному жару, так что в 9 недель успевали посеять, сжать и свозить хлеб на гумна. Если в местах, отдаленных от торговых путей, оставалось без употребления много хорошей земли, удобной для обработки, то разумеется, не могли много хлопотать об удобрении почвы. Маржерет, впрочем, слышал, что кой-где это удобрение существовало, разумея при этом, без сомнения, центральные местности государства, где при большой густоте населения и сравнительно меньшем плодородии земли с ней не могли обращаться так небрежно, как по юго-восточным окраинам. Коллинс замечает даже, что в его время лучшие земли мало приносили дохода, потому что им не давали отдыхать, а другие земли от недостатка в людях оставались необработанными [217]).

[217]) P. a Buchau 249, 310.—Маржерет 14 73.—Olearius 118.—Carlisle 31.—Коллинс 178.

Главное произведение такой преимущественно земледельческой страны, какою было Московское государство, составлял, разумеется, хлеб. В Московии, говорит Иовий, нет ни винограда, ни других нежных растений, но поля покрыты пшеницей, просом и другими хлебным растениями, а также всякого рода зеленью [215]). Главные из этих растений суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо. Они произрастают даже в изобилии, и потому очень дешевы: четверть пшеницы, по свидетельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына.

С земледелием тесно связывалось скотоводство; оно доставляло важные продукты для заграничной торговли— кожи и сало; оно особенно развито было, по свидетельству Флетчера, в областях Смоленской, Ярославской, Углицкой, Вологодской, Городецкой. Важное место занимали продукты, которые доставляли лес и воды. Герберштейн во всех почти областях Московского государства указывает на добывание мехов, меда, воска и рыбы; жители почти всех центральных областей, после земледелия, более всего промышляли этими предметами, а в северных областях, где земледелие было менее развито, меховой и рыбный промыслы являлись на первом плане; к этому еще присоединялось добывание соли. Потому здесь чувствовался сильный недостаток в хлебе. Пермяки, по свидетельству Флетчера, иногда пекли себе хлеб из корня и коры соснового дерева. По словам Иовия, природа за недостаток драгоценных металлов щедро вознаградила Московию редкими мехами, высоко ценившимися за границей. Леса областей, ближайших к центру государства,—

---

[215]) Иовий 39.

Владимировской, Смоленской, Северской и в местностях по Оке, отличались обилием горностаев, белок и куниц.

Чем далее к северу и северо-востоку, тем более увеличивалось пушное богатство. По свидетельству Флетчера, лучшие соболи меха добывались в областях Печорской, Югорской и Обдорской; иных сортов — в Сибири, Перми и проч. Меха чёрных и красных лисиц добывались в Сибири, а белых и бурых в Печорской и Двинской области; лучшие меха россомахи на Печоре и Перми, а лучшие куньи в Сибири, Муроме, Перми и Казани; лучшие беличьи, рысьи и горностаевые шли из Галича и Углича, также в большом количестве из областей Новгородской и Пермской. Лучшие бобры водились на Мурманском прибрежьи, близ Колы. По свидетельству Герберштейна, в приморских краях Двинской области добывали и отвозили в Москву много мехов белых медведей. Сибирь, вошедши в состав Московского государства, заняла почетное место в его меховой промышленности. Меха, особенно куньи, которых, если верить Коллинсу, ниоткуда, кроме Сибири, не вывозили в его время, были главным предметом торговли сибирских жителей. Они ездили на охоту толпами, недель на 6 или на 7, отправляясь на санях, запряженных в 30 или 40 собак [219]). Кроме туземцев, в XVI в. звериный промысел был обязанностью ссылавшихся в Сибирь преступников. Лес доставлял и строевой материал,—необыкновенно высокие сосны, превосходный дуб и клен. Но самыми главными после мехов произведениями Московской земли, которые доставлял лес, были мед и воск. По словам Поссия и Кампензе, вся страна изобиловала плодовитыми

[219]) Коллинс, 575.

пчелами, которые клали отличный мед не в искусственных крестьянских ульях, а в дуплах деревьев, без всякого присмотра. В дремучих лесах и рощах, говорит Іовий, ветви часто бывают усеяны роями пчел, и часто можно видеть, как они сражаются между собою и далеко преследуют друг друга. Поселяне, которые держат домашних пчел и передают их по наследству из рода в род, с трудом могут защищать их от нападений диких пчел. В древесных дуплах часто находят большие соты старого меда, оставленного пчелами; иногда встречаются очень толстые пни, наполненные медом. Русский посол рассказывал Іовию, как один крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло; тщетно ожидая помощи в глухом лесу, он два дня питался одним медом и выведен был из этого затруднительного положения медведем, который опустился задними лапами в то же дупло: поселянин схватил его руками за хвост и закричал так громко, что испуганный медведь быстро выскочил из дупла и вытащил вместе с собою крестьянина [220]). Мед в значительном количестве шел из Мордвы и Кадома, близ земли Черемис, также из областей Северской, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской [221]). Реки Московии, говорят иностранцы, наполнены рыбой; следовательно, развитие рыболовства, в известной степени, можно предполагать во всех областях Московского государства. Но рыболовство вместе с звероловством усиливалось в том же направлении, в котором уменьшалось земледелие, т. е. к северу и северо-востоку.

---

[220]) Кампензе, 31. — Іовий, 39 и след.

[221]) Флетчер, гл. 3-я

Некоторые реки известны были особенным обилием и достоинством своей рыбы. Первое место между реками относительно обилия рыбы занимала Волга. По качеству наиболее ценилась в торговле окская рыба, особенно пойманная около Мурома, также рыба из Шексны; эта река отличается тою особенностью, что заходящая сюда из Волги рыба делается тем лучше, чем долее остается здесь; потому опытные рыбаки, поймав рыбу в Волге, сейчас узнают, была ли она и долго ли была в Шексне. Города, замечательные по рыбному промыслу, были: Ярославль, Нижний, Астрахань, Казань, Белоозеро [122]). Около Астрахани рыболовство производилось в больших размерах. Вверх и вниз от нея по Волге добывалось множество карпов, стерлядей и белуг. Штраус описывает способ ловли последних: в реке вбивают ряды кольев в виде треугольников, оставляя небольшие входы; попав сюда, белуга не может выйти, даже повернуться в узком пространстве. Тогда рыбаки бьют ее дротиками и вынимают из нея икру, самую белугу солят и отправляют в Москву, где ее покупает простой народ. Икру, добываемую из белуги и осетра, клали в огромные мешки с солью и, продержав там несколько времени, сжимали ее и набивали в бочонки. Астраханская икра славилась в Европе; особенно много вывозили ее в Италию [123]).

Соленарение преимущественно развито было в северных областях — Новгородской, Двинской и проч.; лучшая соль, и в большом количестве, добывалась в Старой Руссе, где было много соленарен. Герберштейн оставил краткое

[122]) Herberstein. 44—45. Флетчер. гл. 3-я.
[123]) Struys. 53.

известие о способе добывания здесь соли: запрудив соляную речку в большой яме, промышленники проводили воду каналами, каждый в своей солеварне, и здесь вываривали соль. Соль также добывалась в Перми, Тотьме, на Вычегде, по берегу Белого моря, на Соловках. В двух милях от Нижнего также было много солеварен, представлявших вид целого городка; за несколько лет до Герберштейна они были сожжены Татарами, но при нем восстановлены по указу государя [221]). Ниже Казани известна была по добыванию соли Соляная гора, на правом берегу Волги, недалеко от впадения в нее р. Усы. При подошве горы построено было несколько хижин, в которых жили промышленники; они извлекали соль из горы, вываривали ее, потом выставляли на солнце и по Волге отправляли в Москву [225]). Страна по нижнему течению Волги занимала одно из первых мест в московской промышленности по богатству соли. В степях на запад от Астрахани было много озер, доставлявших превосходную соль. Известнейшие из них были Mozakowski — в 10 верстах, Kainkowa — в 15 и Gwostoffski — в 30 верстах от Астрахани. Озера эти имеют соляные жилы, из которых соль выплывает на поверхность воды, слоями, на подобие льдин, толщиною в палец, и от солнечного жара делается чистою, как кристалл. Всякий мог добывать ее, платя в казну по полукопейки с пуда [226]). Эта соль имеет запах фиалки; москвитяне добывали ее во множестве, свозя ее кучами на берег Волги и отсюда переправляя в другие места. В Смоленской и Двинской областях в большом количестве гнали де-

[224]) Herberstein. l. cit.
[225]) Olearius, 295.
[226]) Olearius. 316.

готь; в Угличе, Ярославле, Устюге добывали селитру; по Волге в малом количестве добывали сѣру, но не умели очищать ее. По словам Герберштейна, на расстоянии перелета стрелы от Белоозера есть серное озеро; вытекающая из него речка много уносила серной пены, но от неуменья жителей эта сера пропадала без пользы. Герберштейн указывает на добывание железа в Серпухове, а при Флетчере много добывали его в Карелии, Каргополе и Устюге. Из других произведений царства ископаемого в XVI веке добывалась слюда на Северной Двине подле Архангельска и в Корельской области из мягкой скалы. В XVII в. рудокопное дело в России приняло большие размеры. К помянутым железным рудникам прибавились рудники, открытые незадолго до приезда Олеария в Москву, недалеко от Тулы, на границах Татарии; их разрабатывали мастера, высланные царю саксонским курфюрстом. Работами заправлял известный Петр Марселис, который устроил там плавильню, по условию с царем, и ежегодно поставлял ему известное число железных полос и огнестрельного оружия. Приискиванием и разработкой рудников во все описываемое время занимались исключительно иностранцы. Еще в конце XV века немецкие мастера открыли серебряную и медную руду на реке Цымне, в семи днях пути от р. Печоры; но в XVII в. эти рудники или были оставлены, или разрабатывались в незначительных размерах, так что иностранные путешественники почти до конца XVII в. продолжают повторить, что, кроме железных, никаких других рудников не разрабатывается в Московском государстве [247]). Однакож,

[247]) Только Рейтенфельс коротко замечает, что где-то у Новгорода добывается медь.

в попытках отыскать другие металлы не было недостатка. Олеарий рассказывает, что лет за 15 до него царю дали знать, что в одной области непременно найдется золото, если употребить на этот предмет труд и деньги; царь поддержал предприятие, но оно не удалось и повело к разорению предпринимателя. Таких попыток было несколько; постоянная неудача их научила правительство не доверять им и оно не иначе соглашалось поддерживать их как при надежном ручательстве. В бытность Олеария в Москве, один английский промышленник, надеясь открыть в одном месте золото, уговорил некоторых своих друзей поручиться правительству за сумму, которую он испросил у него для своего предприятия. Но попытка опять не удалась, искателя золота посадили в тюрьму, а поручители принуждены были заплатить за него.

Только во второй половине XVII в. царь приказал нескольким иностранцам осмотреть горы за Казанью, по направлению к Сибири, где найдены приски золота и серебряной руды [225]).

Путешественники XVII в. оставили несколько известий о садоводстве и огородничестве в России. Герберштейн не видел в Москве ни хорошей вишни, ни орехов, кроме простых лесных и, судя по климату, даже не считает страну способной производить хорошие садовые плоды. Почти все путешественники XVII в. находили противное, указывая на успешное разведение в Московии садовых и огородных растений. Они пишут, что в областях, не слишком удаленных к северу, особенно около города Москвы, родятся превосходные плоды, между про-

[225]) Рейтенфельс. 47.

чим яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина; на огородах растут разного рода овощи и поваренные травы, огурцы, коренья, дыни и арбузы, особенно много луку и чесноку. Олеарий видел такие белые и прозрачные яблоки, что если смотреть сквозь них на солнце, без труда можно пересчитать в них зерна. Дыни растут в очень большом количестве, очень вкусны и иногда бывают необыкновенно велики: Олеарию подарили в Москве дыню в пуд весом; дыни весом в полпуда встречались часто. Зато и разведением их занимались с особенным старанием и умением: семена клали на двое суток в молоко или в овечий навоз, растворенный дождевою водой, чтобы дать им размокнуть. Грядки делали для них из лошадиного навоза, который покрывали самой хорошей землей. В такие грядки углубляли семена на столько, чтобы они могли быть не только безопасны от холода и при этом воспринимать действие солнечных лучей, но и пользоваться теплотой, которую доставлял им снизу навоз на ночь, а иногда и днем их покрывали постилками [229]). Олеарий говорит, что красивые саловые цветы и травы появились в Москве недавно, здесь даже считали их смешной забавой; царь Михаил Федорович первый начал украшать свой сад дорогими травами и растениями. До этого времени в Москве знали только дикую розу; гамбургский купец Петр Марселис первый привез в Москву бархатную розу, которая хорошо привилась. Около того же времени голландские и немецкие купцы начали разводить в Москве спаржу, которая во время Олеария росла в изобилии, в палец толщиною. О салате в Москве также не имели прежде понятия и даже смеялись над

[229]) Olearius. 119 — Lybeck. 53.

иностранцами, что они едят траву, как животныя; но во время Олеария и в Москве начинали находить в нем вкус, во второй половине XVII века редко можно было встретить в Москве сколько-нибудь порядочный дом, сад которого не был бы наполнен цветами и салатом. Астрахань особенно известна была своими садовыми плодами, яблоками, персиками, дынями, но преимущественно арбузами. Татары привозили их в город возами и продавали по копейке пару и больше. Как в Москве западные купцы распространили спаржу и салат, так и в Астрахани около того же времени персидские купцы положили начало разведению винограда: один монах посадил привезенные ими виноградные лозы в своем монастыре подле города; они принялись, и в 1613 г., по царскому приказу, тот же монах устроил целый виноградник. Дело шло с таким успехом, что в 1636 г., когда приехал в Астрахань Олеарий, там не было почти дома, в котором бы не занимались этим производством и оно было так выгодно, что иному владельцу виноградника приносило более 50 р. дохода. Из своего винограда Астрахань выделывала до 60 бочек превосходного вина [230]).

IX.

Народонаселение.

Иностранцы, писавшие о Московском государстве с чужих слов, как Кампензе и Климент, говорят, что Московия, несмотря на свою обширность, очень хорошо населена; но приняв в соображение только то, что в одной, большей половине Московской земли преобладали

[230]) Olearius, 317.—Tanner, 71.—Struys, 121.

лес и болото, а в другой — открытая степь, соседственная с хищными кочевниками, иностранец мог уже заключить, что эта страна не только не богата, но даже бедна населением. Это заметили все иностранцы, бывшие в Московии и внимательно наблюдавшие ее состояние. Если бы, говорит Флетчер, все владения русского царя были заселены так, как некоторые места, то он превзошел бы всех соседних государей своим могуществом. Под этими некоторыми местами английский посланник разумел, без сомнения, немногие центральные области государства и немногие другие пункты, которые имели особенно благоприятные условия для умножения народонаселения. У него и у других иностранцев мы находим прямые указания на скудость населения по обширным окраинам государства и мы видим, как близко к центру подходили эти окраины. Земли по Днепру в настоящее время, говорит Кампензе, очень мало населены по причине частых набегов Татар [331]). Та же причина малонаселенности и пустынности указывается иностранцами и в Северской области. Из слов Барбаро и Контарини видно, что дорога от Москвы до Трок, в конце XV века, шла пустынными малонаселенными местами, где нaредка мелькали деревеньки. Также дика и пустынна была дорога от Москвы до Новгорода, тогда как пространство от Новгорода до Пскова было заселено несколько гуще и имело много деревень и сел, вследствие чего путешественники, ехавшие из Польши в Москву, предпочитали путь на Псков и Новгород, хотя более длинный, прямому и кратчайшему пути на Смоленск. Княжество Суздальское и прилежащие к нему страны в конец разорены и

[331]) Кампензе 19.

обезлюдили от постоянных набегов Татар [232]). Если так близко к центру Московского государства лежали пустынные места, то понятно, что население было еще реже далее за Волгой, к северу и северо-востоку, в странах, где условий безлюдности было больше и действовали они сильнее, нежели в центральных областях. По словам Герберштейна, на луговой стороне средней Волги, против земли горных Черемис и Мордвы, жилые места реже, нежели у последних. Англичане писали, что на всем пространстве от Ярославля до Москвы встречаются многолюднейшие села; Поссевин также говорит, ссылаясь на очевидцев, что край к северу от Москвы до Вологды вообще имеет сравнительно более густое население, благодаря тому, что сюда не доходят татарские набеги; но зато по свидетельству Флетчера, по ту сторону Волги, по дороге между Вологдой и Ярославлем, на пространстве почти 200 верст, встречается по крайней мере 50 деревень, в полмили даже в целую милю длиной, совершенно оставленных, так что в них нет ни одного жителя; то же можно видеть и в других частях государства,—добавляет Флетчер,—как рассказывали люди, которые путешествовали по этой стране более меня. Согласно с этим и Поссевин говорит, что во владениях московского государя иногда на пространстве 300.000 шагов путешественник не встречает ни одного жителя, хотя и находит пустые деревни [233]) По этому можно уже судить о степени населенности в более отдаленных

---

[232]) Кампензе, 25.—Новий, 38.—«Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 207.

[233]) Possevino. 12 и 16.—Флетчер, гл. 13.

краях государства [224]). Герберштейн говорит, что сели в Двинской области разбросаны на огромных разстояниях друг от друга [225]). Английский посол Рандольф и другие Англичане, неоднократно ездившие по Сев. Двине, говорят, что здесь по берегам только этой реки встречались значительные селения; вообще большая часть этого края по их словам, была вовсе необитаема, покрыта лесами, среди которых изредка попадались луга и пашни [226]). То же самое, если не в сильнейшей степени, можно было сказать и о странах к востоку от средней Волги. Герберштейн полагает на огромных пространствах от Перми до Иртыша, в землях тюменьских Татар, не более 10.000 жителей. Скорее можно заподозрить это показание в преувеличении нежели в чем другом, зная, что во второй половине XVI в. ближе к Волге, по Каме, Строгановы нашли места пустые, простиравшиеся на 146 верст, «на которых пашни не пахиваны, дворы не ставали, которые в писцовых книгах, в купчих и правежных не писаны ни у кого» [227]). Подобные же известия находим и у путешественников XVII в. На пути от Новгорода до Москвы Олеарий также встречал большие, но опустелые селения. Карлиль замечает, что большая

[224]) В первой половине XVI в. в Двинской области находили места с хорошими угодьями, «в которых дворов и пашней не бывало никогда, от волости они за 20 верст со всех сторон и ни какими волостей угодья к тем местам не пришли». Соловьев «История России», т. V, стр. 430.

[225]) Herberstein, 50.

[226]) Hakluyt. I. 422.

[227]) Herberstein, 74. — Соловьев «История России» т. VI стр. 414.

часть стран, подвластных Московскому государству, во все не имеет населения, что даже в местах, наиболее населенных, по которым он ехал, видны только бесконечные леса. Во второй половине XVII в. между Можайском и Вязьмой путешественник должен был ехать 130 верст сплошным лесом и на этом пространстве встречал только одно селение — Царево-Займище. Подобные леса тянулись и дальше к Смоленску, представляя иногда еще свежие следы недавно проложенных здесь дорог. В этих лесах изредка встречались деревни, состоявшие из 3—4 хижин [238]).

По мнению Поссевина, главною причиною малонаселенности южных и юго-восточных окраин Московского государства были постоянные набеги Татар и других соседних кочевников. Кроме того, он говорит, что в царствование Иоанна Грозного население всех вообще областей значительно уменьшилось: встречавшиеся во многих местах опустелые деревни, брошенные поля и молодые леса, растущие там, где были прежде пашни,—все это, по его словам, служит признаком, что недавно эти места были гораздо населеннее. Причиною такой убыли он считает продолжительные и тяжелые войны Иоанна IV, погубившие много людей. На ту же причину можно было указать и действительно указывали и в XVII в.: Коллинс заверяет, что в последнее десятилетие (до 1667 г.) русские области сильно пострадали от войн, так что и в 40 лет не поправятся; он даже определяет, как велики были потери в людях, понесенные Московским государством от этих войн; он не сомневается, что народонаселе-

---

[238]) Carlules 61.—Mayerberg II. 150—152—Tanner. 42.

ние страны убавилось в это время по крайней мере на две пятые доли [139].

И войны и нападения степных кочевников, без сомнения, сильно мешали умножению населения, особенно по окраинам государства. Но была еще другая причина, не замеченная по крайней мере ясно не указанная ни Посевином, ни Коллинсом, ни другими иностранцами, которая издавна, но преимущественно со второй половины XVI в., мешала умножению населения во внутренних областях государства: эта причина—колонизация. На долю Московского государства выпала тяжелая задача дать историю обширным глухим пространствам, простиравшимся на север, северо-восток и юго-восток от него. Во второй половине XVI в. эти пространства до Камня считались уже в числе владений московского государя; но чтобы стать здесь твердою ногою, мало было пройти эти страны с ратными людьми; надо было ратным людям остаться здесь и ставить городки, чтобы удерживать окрестных жителей в повиновении и защищать страну от бродячих соседей. Но чтобы довести свое дело до конца, правительству недостаточно было наставить городков с ратными людьми: характер новоприобретенных стран и их первобытных обитателей требовал еще мер совсем другого рода для окончательного присоединения их к государству. В этих странах,—пишет Матвей Меховский,—не пашут, не сеют, не употребляют ни хлеба, ни денег, питаются лесными зверями, пьют одну воду, живут в дремучих лесах, в шалашах из прутьев; лесная жизнь сделала и людей похожими на зверей неразумных: одеваются они в грубые звериные шкуры, сшитые вместе

[139] Коллинс, 176 и [illegible]

как ни попало; большая часть их коснеет в идолопоклонстве, поклоняясь солнцу, луне, звездам, лесным зверям и всему, что ни попадется [240]). Из этой, может быть, несколько утрированной картины видно, что предстояло государству сделать в этих странах по их завоевании: надо было подле городков с ратными людьми поселить рабочих, пашенных людей, которые утвердили бы здесь начала оседлого труда и гражданского общежития. Вот причина, от которой пустели многие деревни, виденные иностранцами, которая постоянно вытягивала население из старых областей государства, и без того им небогатых. К концу XVI в. таких пространств, требовавших населения, было уже очень много, когда к ним присоединились еще обширные пустыни за Камнем, в Сибири, с теми же требованиями. На основании всего этого мы можем предполагать, что движение колонизации должно было усилиться во второй половине XVI в. Но если иностранцы не видели ясно этого движения и его значения для внутренних областей государства, то они не могли не заметить некоторых явлений, которыми оно обнаруживалось. Герберштейн говорит, что из Рязанской области, по ее присоединении к Москве, много жителей было выведено и рассеяно по разным колониям. Описывая состояние русской церкви, тот же Герберштейн замечает, что русские пустынники, обратившие уже многих идолопоклонников к вере Христовой, и в его время продолжали это дело без всяких корыстных расчетов, с единственною целью сделать угодное Богу, отправлялись в разные страны на север и восток, перенося голод и всевозможные лишения, даже подвергая жизнь свою опасности, распространяли там

[240]) «Rerum Moscovitic arum auctores varii» p. 209.

слово Божие и иногда запечатлевали его собственною кровию. По словам того же иностранца, в пермских лесах и после св. Стефана оставалось еще много язычников, но иноки, отправляясь туда из московских областей, доселе не перестают выводить их из тьмы заблуждений [211]). По словам Матвея Меховского, в московских владениях переводят людей с места на место, из страны в страну на новые поселки, замещая выведенных другими [212]).

Поссевин и Флетчер говорят, что, завоевав царства Казанское и Астраханское, московский государь построил по западному берегу Волги несколько крепостей и поставил в них гарнизоны, чтобы тем удобнее было удерживать покоренных в повиновении [213]). Флетчер говорит также, что для удержания жителей Перми, Печоры и Сибири в повиновении, царь поселил в этих областях столько же русских, сколько там туземцев, и еще гарнизоны, и что в Сибири, где продолжаются еще завоевания, число ратных людей в построенных там крепостях простирается до 6.000 человек из Русских и Поляков, в подкрепление которым царь отправляет новые партии для поселения в новоприобретаемых странах. У Герберштейна встречаем любопытные слова, бросающие некоторый свет и на результаты колонизации: описывая Белозерскую область, он говорит, что туземцы имеют свой язык, но теперь почти все говорят по-русски; в Устюжской области туземцы также имеют свой язык, но большею частию говорят по русски [214]). Это известие за-

[211]) Herberstein. 48, 31 и 32, 62.

[212]) «Rerum Moscovitarum auctores varii». p. 209.

[213]) Possevino, 60.—Флетчеръ. гл. 2-ая и 18-ая.

[214]) Herberstein. 57, 59.

стает финских туземцев в тот момент, когда они, еще сохраняя черты своей особности, мирно и постепенно сливались с жившим между ними русским населением. О туземцах Перми и Печоры он говорит только, что они имеют особый язык, непохожий на русский; но если он читал в русском описании пути к Оби, что в первой четверти XVI в. христианство проникло даже к простодушным дикарям, жившим при устьях Печоры, то к концу века мирный подвиг московского населения не мог не оставить здесь, как и в Перми, еще более заметных следов по себе, которые могли хотя несколько оправдать преждевременно сделанное Меховским замечание, что как Вогулы, так и обитатели Вятки—Русские говорят по-русски и имеют одну религию с Русскими [245]).

Позднейшие писатели сообщают несколько других известий о распространении влияния Московского государства на севере и северо-востоке. Агент английской компании Берроу доносил в 1576 г., что, несмотря на соперничество шведского и датского королей, московский царь имеет решительный перевес во влиянии на Лопарей, которые принимают его законы и платят ему пошлины и налоги. Они язычники, но если кто-нибудь из них захочет принять христианскую веру, то принимает ее от Русских, по русскому обряду. Указывается и один из проводников этого влияния: между Кергором и пределами Финнмарка есть монастырь Печинго (на р. Печенге), настоятель которого назначается из Москвы. Если между Лопарями возникает тяжба, они обращаются за решением к царским чиновникам, а если последние не решат дело, от-

[245]) Rerum Moscovitarum auctores varii, p. 218.

правляются в Москву, к царю [216]). С конца XVI в. в Сибири, вместе с распространением там русского населения, стало распространяться и земледелие, и один за другим основывались русские города [217]). Описывая эти города, Мейерберг указывает на некоторые черты отношений русских колонистов к туземцам. В городах Тобольске и Тюмени живут только Русские; туземцам здесь не позволяют жить, и они селятся небольшими местечками подле города, обыкновенно на противоположном берегу реки, на которой стоит город. В известное время года сюда собираются туземцы из окрестных мест, чтобы выменять свои меха на товары, привозимые из Архангельска. Туземцы занимаются звериным и рыбным промыслом, но не возделывают земли; последним занимаются исключительно русские колонисты и ратные люди, поселенные в городах [218]). Колонисты скоро двинулись за Обь и, поселяясь там, привлекали своим примером туземцев к оседлости [219]).

Медленно, но безостановочно шло заселение пустынных пространств на северо-востоке; насельникам надо было выдерживать упорную борьбу с природой, но по крайней мере здесь не предстояло такой же борьбы с людьми. Колонизация южных и юго-восточных степей представляла

[216]) Hakluyt, I. 467.

[217]) До начала XVII в. основаны были в Сибири Тобольск в 1587 году, Пелым, Березов в 1592, Тара в 1594, Нарым и Кетский острог в 1596. К концу XVI в. в Сибири считалось уже 94 города.—Карамзин, X, примеч. 44.

[218]) Meyerberg, II. 59 и 60.

[219]) Avril, 152: Les Moscovites ont attiré plusieurs de ces peuples errans qui après s'être fixé à leur habitation, ont pris goût insensiblement au comm

больше затруднений и шла еще медленнее. Известия XVI века говорят о построении городков по западному берегу Волги, на Мошке, при устье Суры, значит, колонизация, хотя медленно, но все-таки овладевала течением Волги, двигаясь по ее горному берегу. По Дон оставался пустынным, жилые места оседлого народонаселения оканчивались по нему не далеко от истоков. Герберштейн упоминает о монахах и пустынниках, приносивших христианство к диким, но не отличавшимся особенною воинственностью северным народцам. Необходимость упорной борьбы с хищными кочевниками южных степей вызывала для колонизации деятелей другого рода—козаков, воинственных пролагателей путей. Герберштейн называет Вятскую область убежищем беглых рабов; но мы знаем, что вообще люди, «которые из городов и сел выбиты», безземельные и бездомные, которых было не мало в Московском государстве, стремились преимущественно в другую сторону, к степным окраинам государства. Такие же пролагатели путей выходили и из другого государства, облегавшего степь с северо-запада; наконец, магометанский мир, навстречу московским и литовским козакам, высылал своих козаков с юга, по нижнему Дону. Так с трех сторон высылались передовые воинственные дружины на эту издавна спорную землю, чтобы открыть дорогу другим, более мирным поселениям: такие поселения нужны были каждой стороне, чтоб обезопасить свои границы. У Г. де-Ланноа находим любопытный рассказ, как во время его пребывания в Монкастро (при устье Днестра) в 1421 г., в пустынное место в степи неподалеку от этого города, где не было ни леса, ни камня, прибыл подольский правитель с 12.000 человек и 4.000 возов с камнем и лесом, и менее чем в ме-

сяц построил совершенно новую крепость, от имени Витовта, против соседних степных кочевников[230]). В половине XV века Барбаро, во время пребывания своего на Дону, поднимался далеко вверх по этой реке, но из этого рассказа не видно, чтобы здесь где-нибудь были постоянные жилища: он видел только бродячих Татар, которые повременам останавливались для посева и снятия жатвы[231]). В первой четверти XVI века, когда здесь уже владели Турки, пространства от Волги до Днепра были попрежнему пустынные; но на берегу Дона, в 4-х днях пути от Азова, был уже, по словам Герберштейна, город Ахас, а по Донцу жили оседлые Татары, занимавшиеся земледелием[232]).

По словам козаков, из Московского государства шло в южные степи земледельческое население.

В первой половине XVI века русские поселения не шли далеко южнее Тулы. В начале XVII века Маржерет говорит, что южные степи населяются более и более, что русские построили там много городов и крепостей. С этой стороны Россия обитаема до Ливен, т.-е. на 700 верст от Москвы.

Под прикрытием ратных людей русское земледельческое население шло и дальше, до рек Псела и Донца, возвращаясь таким образом в страну, которую некогда оно должно было бросить на волю степных кочевников. Но здесь оно еще ступало робко, жалось к опорным пунктам, где можно было найти защиту от этих кочевников. Тот же Маржерет замечает, что несмотря на плодородие края, жители осмеливаются возделывать землю

---

[230]) G. de Launoy 39.
[231]) Барбаро, 9 и 37.
[232]) Herberstein, 74.

только в окрестностях городов [253]). Условия Волжского края не позволяли русскому земледельческому населению распространяться в нем с такою же быстротой, с какою заняло его государство. Благодаря торговым сношениям Западной Европы с Персией чрез Московское государство, мы имеем от XVI—XVII веков несколько описаний путешествий по Волге, которые живыми чертами рисуют состояние этого края со времени его завоевания и меры, которые принимало Московское государство для закрепления его за собой. В то время по берегам Волги сохранились еще свежие следы стихавшей борьбы с азиатским востоком. Между Казанью и Астраханью путешественнику показывали на обоих берегах Волги развалины когда-то бывших здесь больших городов, с которыми связывались более или менее сказочные предания о татарских завоевателях, преимущественно о Тамерлане [254]). Но

---

[253]) Маржерет, 12.

[254]) Христ. Бёрроу, плывшему по Волге в 1579 году, на половине пути между Казанью и Астраханью указывали на высоком холму место, где стояла прежде каменная крепость Oweak (Овечий брод) и вокруг нее город, который русские называли Содомом; по рассказам русских, этот город и часть крепости были поглощены землей за преступления жителей. Hakluyt, I, 472.— Олеарий перечисляет следующие города, когда-то стоявшие на Волге: Cherofskora, исчезнувший татарский город в 65-ти верстах к югу от Тетюши; далее два города, разрушенные Тамерланом, из которых один назывался Sinbierska-gora; за ними на горе Arbeuchem видны следы города того же имени; за ним на правой стороне реки видны плодородные равнины, покрытые высокою травой, но совершенно необитаемые; видны лишь следы городов и сел, разрушенных Тамерланом. В 7-ми верстах к югу от Царицына видны развалины построенного Тамерланом (sic) Царева-города (Сарая) с остатками кирпичных стен; кирпичи эти возили в Астрахань на постройку церквей, монастырей и стен. Olearius, 292—307.

вместо этих исчезнувших городов путешественники чем дальше тем реже встречали по Волге жилые места. Хр. Берроу не указывает между Казанью и Астраханью ни одного значительного поселения на берегу Волги. Изредка попадались путешественникам хижины рыбаков и показывались в прибрежных степях орды кочевников, тащивших с собою на верблюдах по нескольку сот кибиток которые издали показались Дженкинсону каким-то странным подвижным городом [253]).

Между тем на конце пустынного водного пути государство стало твердою ногой и принимало деятельные меры, чтобы связать этот отдаленный пункт с центральными своими областями. Вскоре после занятия Астрахани, в 1558 году, Дженкинсон видел в Нижнем отъезд воеводы, назначенного в Астрахань; он отправлялся в сопровождении 500 больших кораблей, из которых одни были нагружены железными припасами, оружием и ратниками, а другие везли купеческие товары и пристали к первым, как к надежной защите. По словам Дженкинсона, в Астрахань ежегодно посылались транспорты с людьми, жизненными припасами и лесом на постройку крепости [254]). Гарнизон Астрахани должен был постоянно держаться на-готове, потому что очень обыкновенны были явления, подобные тому, которое описывает Берроу, бывший очевидцем его во время своего пребывания в Астрахани в 1580 г. 7-го марта в городе поднялась тревога: появились ногайские и крымские Татары, числом до 1500, и стали по обоим берегам Волги, верстах в 2-х от острова, на котором расположена была Астрахань. На другой день

[253]) Hakluyt. I. 364
[254]) Ibid. 365

Татары отправили к воеводе гонца с известием, что они придут к нему в гости; последний отвечал, что он готов принять их, и, взяв пушечное ядро, велел гонцу передать своим, что у него не будет недостатка в этом угощении. На третий день пошел слух, что Татары решились напасть на город и готовили фашины из тростника, чтобы переплыть на остров. Но, простояв еще два дня, Татары ничего не сделали и удалились [237]). Для вернейшего закрепления за собой Астрахани государству надо было обезопасить самый удобный путь к ней по Волге, где свободно разбойничали окрестные кочевники и козаки,— те самые козаки, которые пролагали государству путь в эти страны. Дженкинсон, проезжая в Астрахань в 1558 году, еще не видел по Волге военных поселений; Берроу, проезжая туда же в 1579, насчитывает между Переволокой и Астраханью шесть таких поселений или караулов, расположенных по берегам и островам Волги: первый находился в семи верстах к югу от Переволоки и состоял из 50 стрельцов, охранявших это место впродолжение лета; второй находился в 113 верстах от первого, третий в 50 верстах от второго, четвертый в 120 верстах от третьего, пятый в 50 верстах от четвертого, наконец шестой в 30 верстах от пятого и в таком же расстоянии от Астрахани [238]). Скоро эти караулы один за другим стали превращаться в городки, не теряя своего

---

[237]) Hakluyt. I, 473.

[238]) Первый находился на острове Tsaristina, второй назывался Camen Carawool, третий Stupino, четвертый Paloov (Polevoi у Олеария), пятый Keezeyur (Копаный Яр у Олеария), шестой Ichkebre (на том же месте у Олеария остров Iziboiska). Hakluyt. I, 472.

прежнего значения сторожевых постов: двигаясь среди степей по течению Волги, государство выводило на правом ее берегу ряд этих городков и таким образом связывало с своим центром крайний пункт волжского пути. Не развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а чисто государственные соображения создали эти сторожевые поселения: здесь, как и на других окраинах государства, торговый человек и земледелец шли по следам стрельца и под его защитой. Любопытно сравнить приведенное известие английского купца о волжских караулах в последней четверти XVI в. с заметками, которые сообщает о городках по нижней Волге Олеарий, проехавший здесь во второй четверти XVII века. Саратов расположен на равнине, в 4-х верстах от Волги, и населен одними московскими стрельцами под начальством воеводы, которого посылает туда царь для охранения страны от Калмыков, разбойничающих значительными толпами в степях между этим городом и Астраханью. В 350 ти верстах ниже, на холму, стоит городок Царицын, построенный в виде параллелограмма, с 5-ю деревянными бульверками и башнями; все его население состоит из 400 стрельцов, которые сторожат страну от набегов Татар и казаков и провожают суда, плывущие по Волге. В 300 верстах от Царицына, на высоком прямом берегу, построен городок Черный Яр, обнесенный оградой из толстых досок, с 8-ю деревянными башнями; живут в нем одни ратные люди, числом до 400, которые охраняют страну от набегов козаков и Калмыков. Городок имеет вид квадрата, и на каждом углу его возвышается караульня, построенная на 4-х высоких столбиках, откуда во все стороны открывается вид на безпредельные ровные и безлесные степи. Этот городок по-

строен 9 лет тому назад [259]), с целью противодействовать разбоям казаков, которые незадолго перед тем разбили здесь торговый караван, состоявший из 1500 москвитян, несмотря на охранявший его конвой стрельцов [260]). Спустя 33 года после Олеария (в 1669 г.), по тому же пути проехал Штраус, который, повторяя известия Олеария о городках по Волге, добавляет, что в Черном-Яру гарнизон составляет половину населения этого города и что при впадении реки Камышенки в Волгу за год до него построен городок того же имени, с целью прекратить разбои донских казаков, которые спускались по реке Камышенке в Волгу и разбивали здесь торговые суда. Казаки впрочем не унимались и умели обходить город, перетаскивая свои лодки сухим путем на колесах из р. Камышенки в Волгу [261]).

Иностранные известия бросают некоторый свет на жизнь кочевников этого края и на отношения, в которые становилось к ним государство, чтобы подчинить их своему влиянию. Вскоре после занятия Астрахани московскими войсками, в 1558 г. в приволжских степях вследствие междоусобий кочевников появился голод, сопровождавшийся страшным мором, который истребил, если верить Дженкинсону, до 100,000 человек. Русские, добавляет тот же путешественник, были очень довольны этой смертностью, помогавшей им вытеснить кочевников из занимаемых ими степей. Бедствие распространилось и на Астрахань. Дженкинсон, приехавший тогда в Астрахань, был свидетелем сцен, какие происходили в этом

[259]) Олеарий ехал по Волге в 1636 году.
[260]) Olearius, 301, 307 и 310.
[261]) Strays, 163 и 164.

городе и около него. Мучимые голодом и язвой, Ногаи во множестве подступили к Астрахани, отдаваясь на волю русских и прося у них хлеба. Но в Астрахани приняли их дурно: многие из них были распроданы Русскими, большая часть погибла от голода, не получив просимой помощи; жалко было смотреть, пишет Дженкинсон, на груды мертвых тел, лежавших по всему острову вокруг города; остальных прогнали назад в степи. В это время, добавляет тот же путешественник, было бы очень легко обратить это злое племя в христианскую веру [262]). С течением времени Москва завязывала через Астрахань более дружелюбные сношения с приволжскими кочевниками, по крайней мере с некоторыми их ордами. Здесь, как и на других окраинах государства, кочевникам не позволяли селиться в самых городах, подле московских гарнизонов. Мирные Ногаи летом кочевали по астраханским степям [263]), а с наступлением зимы подходили к Астрахани и располагались около нее ордами, неподалеку одна от другой, ограждивая свои шатры плетнями, что давало поселению вид отдельного города. Этот временный ногайский город, или юрт, по свидетельству Хр. Берроу, в 1580 году находился в трех четвертях мили от астраханской крепости и заключал в себе приблизительно до 7,000 жителей. Зимой, когда замерзали реки, на этих Ногаев часто нападали Калмыки с Яика. Чтобы дать юртовым ногаям возможность защищаться от этих разбойников, астраханское начальство выдавало им на зиму

[262]) Hakluyt, I, 364: At that time it had bene an easie thing to have converted that wicked nation to the christian faith, if the Russes themselves had bene good christians.

[263]) Olearius, 312: c'est pourquoi les Moscovites les appellent Potoutski, c'est à dire des vagabonds.

оружие из царского арсенала, которое они обязаны были возвратить с наступлением весны, когда откочевывали в степи. Они не платили податей царю, но были обязаны служить ему на его недругов, что они исполняли охотно, в надежде поживиться на походе добычей. Они имели своих князей, или мурз, но в обеспечение верности царю некоторые из последних содержались в Астрахани заложниками [264]). В последней четверти XVII в. юрт мирных Ногаев около Астрахани увеличился; в его ограде была одна мечеть; Авриль насчитывает в нем до 2,000 шалашей, построенных из камыша; по островам и берегам Волги, в окрестностях Астрахани, также видно было много ногайских поселений. Москвитяне, по словам Авриля, обходились с этими Ногаями скорее как с союзниками, нежели как с подвластными людьми. Москва завязывала дружественные сношения и с калмыками, мирила их с Ногаями. При Авриле первые каждую зиму уже мирно приходили из-за Яика к Астрахани и кочевали с стадами в степях между Астраханью и Каспийским морем. Этих гостей бывало больше 100,000. Авриль описывает, как астраханское начальство встречало «чудовищную толпу этих бродяг», шедших на зимовку к Астрахани. Едва заслышав об их приближении, воевода посылал к мурзам уверить их в скорой доставке поминков, а потом отправлял множество возов с хлебом, арбузами, водкой и табаком, что составляло как бы ежегодную дань кочевникам, которою откупались от их разбоев. Зимой Калмыки приходили в самую Астрахань и продавали здесь меха и лошадей с большой выгодой для астраханских купцов [265]).

[264]) Hakluyt, I, 473.—Olearius, 319 и 320.

[265]) Avril, 100.

Движение государства в степях, отдаленных от водных путей, шло, разумеется, медленнее, нежели по берегам больших рек. Направляясь из Астрахани к Москве, Авриль ехал от Саратова трое суток сухим путем, по пустыне, простиравшейся в длину миль на 40 или даже больше, в которой он нигде не встречал ни леса, ни человеческого жилья. Эта пустыня кончалась, не доходя несколько миль до городка Pinzer [266]). Но, начиная от этого места, по направлению к Москве, путешественник встречал много городков и деревень. В этих местах, говорит Авриль, землю стали обработывать с недавнего времени. В последние войны с Польшей москвитяне брали множество пленных, которых и поселили в этом крае; им давали здесь нетронутые земли для расчистки и обработки, и теперь, добавляет Авриль, эти земли принадлежат к лучшим в государстве [267]).

Государство, а за ним и русское народонаселение утверждалось более и более в приволжских степях. Иностранные путешественники XVI и XVII в. живыми чертами рисуют этот полумагометанский, полуязыческий приволжский мир: видно, что это был тогда еще первобытный, темный мир, которого едва начинало касаться влияние гражданственности и культуры. Во второй половине XVI в. приволжские Татары смеялись над христианами за то, что они едят верхушки травы и пьют сделанные из них напитки [268]). Для нас особенно любопытны немногие указания на следы, которые оставляло здесь влияние завладевшего этим миром государства. В первой

[266]) Не Пенза ли, которая означена и на карте Авриля вместе с Verchnilomen, Саранском и Кадомом.

[267]) Avril. 152 и 153.

[268]) Hakluyt. I. 363.

половине XVII в. самым употребительным языком в приволжском крае был русский. Астраханские Ногаи были магометане, но, по свидетельству Олеария, было довольно и таких, которые принимали от Москвитян христианство. Есть впрочем некоторые любопытные известия другого рода, показывающие, как дикие обитатели приволжских степей и лесов относились к обычаям и понятиям соседнего христианского народа. Олеарий передает свой любопытный религиозный разговор с черемисом, которого он встретил в Казани, — с человеком бывалым и неглупым, знавшим русский язык. Олеарий сказал ему, что безумно поклоняться животным и другим тварям, как делают его соплеменники. Черемис отвечал на это, что поклоняться животным все-таки лучше нежели деревянным расписанным богам, которые висят на стенах у Москвитян [269]). Проезжая из Саратова страною Мордвы, иезуит Авриль жалуется на недостаток в Москвитянах ревности к обращению этих язычников, на то, что Мордва, спокойно живя в своих лесах, доселе остается погруженною во мрак идолопоклонства, и никто не даст себе труда извлечь ее из него. Но влияние соседнего народа проникло и сюда: накануне Николина дня Мордва пьянствовала, как и Москвитяне [270]).

X.

Города.

Между тем как с распространением Московского государства и народа строились новые городки в пустын-

---

[269]) Olearius, 281 и 283. Я спросил его, говорит Олеарий можетъ ли он сказать мне, кто создал небо и землю. Собеседник отвечал: zort tsnait.

[270]) Avril. 154—156.

ных отдаленных местах, иностранные известия показывают, в каком незавидном положении находился город в старых областях государства. Мы видели, какие особенности должны были броситься в глаза западному европейцу в северо-восточной Европе: в форме поверхности преобладание равнины и леса, в форме жилых мест преобладание села, деревни. Россию и доселе называют страною сел и деревень; тем лучше шло это название к Московскому государству XVI или XVII в. Когда-то скандинавские сказания называли полосу земли по водному пути из Варяг в Греки «страною городов»; и в XVI в. эта речная полоса не теряла права на такое название: к ней присоединились еще другие речные полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не замечать, что наибольшее количество городов, и наиболее значительных, лежит по большим рекам, Днепру, Оке, Волге; но назвать всю область Московского государства страною городов в XVI в. было бы слишком неточно, как по отношению количества городов к пространству страны, так и по характеру самих городов, из которых многие и очень многие только носили громкое имя города, но имели вид и значение большого села. XV-й и XVI-й века были временем политического упадка старых русских городов, вследствие новых исторических условий, среди которых они тогда очутились. Старинные вечá этих городов давно замолкли; дольше всех слышался их голос в Новгороде и Пскове; наконец пали и эти последние остатки вечевого быта, один в конце XV, другой в начале XVI в. В то же время в них происходит усвоение чужих форм устройства, различных по различию исторических судеб, которые они испытали. Эти исторические судьбы разделили их на две стороны: одни пристали к Литве и потом соединились с

Польшей, другие отошли к Московскому государству. Этим определились и те формы устройства, которые они должны были принять волей или неволей со стороны, так как свои оказались несостоятельными или несогласными с теми новыми началами, которым они должны были подчиниться. Западные и юго-западные города чрез Польшу принимают во второй половине XV-го и в первой XVI-го в. Магдебургское право; Новгород и Псков принимают устройство низовых городов Московского государства. Но одновременно с тем как падают старые вечевые города, в северо-восточной России поднимаются новые, великокняжеские. Во главе последних явилась Москва, которая как по географическому положению, так и по значению стала центром государственного развития.

Почти все иностранцы, писавшие о Московском государстве, сообщают нам более или менее подробные известия о его столице, самое обстоятельное описание ее в XVI в. находим у Герберштейна, который приложил к своим комментариям и план Московского кремля. По словам последнего, город Москва лежит далеко на восток, и если не в Азии, то по крайней мере на самом краю Европы. Новий говорит, что по выгодному положению своему в самой населенной стране, в средине государства, по своему многолюдству и удобству водяных сообщений Москва есть лучший город в государстве, преимущественно пред другими заслуживает быть его столицей и, по мнению многих, никогда не потеряет своего первенства. Так думали в XVI в. московские люди и думали справедливо; только относительно удобств водяных сообщений Герберштейн замечает, что судоходство по Москве-реке, между городами Москвой и Коломной, затрудняется извилинами реки. Самый город весь почти дере-

вянный и очень обширен, но падали кажется еще обширнее. Это происходит от того, что почти при каждом доме есть обширный сад и двор; кроме того на краю города длинными рядами тянутся здания кузнецов и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах; между этими зданиями также находятся обширные поля и луга. Поссевин приблизительно определяет пространство, которое занимала Москва до сожжения ее Татарами (в 1571 г.), в 8.000 или 9.000 шагов. По Флетчеру, она имела тогда до 30 миль в окружности. Этим объясняется, почему Меховский говорит, что Москва вдвое больше Флоренции и Праги, а англичанам, приезжавшим в Россию в 1553 году, она показалась с Лондон [271]). Флетчер считает Москву с слободой Наливками даже больше Лондона. С начала XVI в., кажется, стало заселяться и Замоскворечье: по словам Герберштейна, за несколько лет до его приезда в Москву великий князь Василий велел построить там новую слободу Нали (от слова «налей», infunde) для своих телохранителей, которым позволено было держать и пить водку, мед и пиво во всякое время, тогда как прочим жителям это разрешалось только в большие праздники; поэтому, чтобы другие не заражались примером государевых телохранителей, последним выстроили жилища за рекой, вне города. Гваньини прибавляет к этому, что здесь же имели пребывание наемные солдаты и приезжие иностранцы, которые пользовались тою же привилегией относительно питей. Город широко раскидывался большею частью по ровной местности, не сдерживаясь никакими пределами, ни рвом, ни стенами, никакими другими укреплениями.

---

[271]) Лондон в XV в. имел не больше [illegible] жителей.

Улицы на ночь загораживались поперек положенными бревнами [272]), как только зажигались вечером огни, около этих загородок становились сторожа, которые никому не позволяли ходить по улицам позже урочного часа, а кто попадался, того караульные били и обирали или бросали в тюрьму. Но если шел ночью какой-нибудь известный и знатный человек, сторожа провожали его до дома. Ходить ночью по городу позволено было только по крайней нужде и непременно с фонарем. Такие же сторожа ставились по той стороне города, с которой находился открытый вход в него, потому, что с других сторон город окружен реками Москвой и Яузой; через последнюю трудно было переходить, по высоте ее берегов; на ней стояло множество мельниц. На Москве-реке было несколько мостов. Зимой, когда она покрывалась твердым льдом, купцы ставили на нем свои лавки, прекращая почти совсем торговлю в городе. Сюда свозили на продажу хлеб, дрова, сено и битую скотину. Любо смотреть, восклицает Контарини, на это огромное количество мерзлой скотины, совсем уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах. Здесь же происходили конские скачки и другие увеселения, откуда многие возвращались с сломанными шеями. Город в дождливое время был очень грязен, потому на площадях и улицах строились кой-где мосты. По словам Климента, улиц было очень много, но расположены они беспорядочно. Флетчер упоминает о мостовой, состоявшей из обтесанных бревен, положенных одно подле другого без всякой связи. Среди города стоит крепость, омываемая с одной стороны рекой Москвой, а

[272]) «Решетками», которые вместе с решеточными прикашпками заведены в Москве в 1494 году.

другой — Неглинной, которая, вытекая из болот, у верхней части крепости разливалась в виде пруда; вытекая отсюда, наполняла рвы крепости, на которых стояли мельницы, и наконец под самою крепостью впадала в Москву. Крепость очень велика: в ней, кроме обширных дворцовых зданий, находились дома митрополита, братьев великого князя (по известию Герберштейна), вельмож и многих других лиц; кроме того в ней было много церквей, так что все это вместе давало крепости вид отдельного, довольно значительного города. В XV в., по словам Барбаро, крепость со всех сторон окружена была рощами, но писатели XVI в. о них не упоминают. Путешественники XV в. не сообщают никаких известий о стенах крепости. Герберштейн говорит, что до Иоанна III она окружена была бревенчатыми стенами; но мы знаем, что каменную стену начали строить еще при Димитрие Донском и после неоднократно обновляли. По известиям XVI в., крепость окружали кирпичные стены с башнями и бойницами, построенные итальянскими мастерами. О том Поссевин прочитал надпись над одними из кремлевских ворот, под образом Богоматери. Во время пребывания Чемберлена в Москве, здесь строились стены из кирпичей в 18 футов толщиной. По известиям конца XVI в., к главной крепости, называвшейся большим городом, примыкал Китай-город [221], также обнесенный стенами, в котором Поссевин видел новые лавки (вероятно, вновь построенные после 1571 года), расположенные улицами, по родам товаров; но эти лавки были так малы, что, по выражению Поссевина, в одном венецианском магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду московских

[221] Построен в 1534 году.

ских лавок. Барбаро и Контарини говорят, что все здания в Москве деревянные, хотя последний застал уже здесь Аристотеля, и с конца XV века столица начала украшаться каменными зданиями. Впрочем каменные постройки и распространялись медленно. В первой половине XVI в. на посаде было очень немного каменных домов, церквей и монастырей; даже в кремле дома и церкви были большею частью деревянные; из церквей каменные были Архангельский и Успенский соборы. При Герберштейне начинали строить и другие каменные церкви. Во второй половине XVI в. их было уже довольно, но из домов вельмож было только три каменных. Всех церквей в Кремле, по показанию того же иностранца, было 16. На посаде было очень много церквей, и многие из них, по словам Поссевина, стояли, кажется, больше для украшения города, нежели для богослужения, потому что большую часть года были заперты. Дома были не очень велики и внутри довольно просторны, отделялись друг от друга длинными заборами и плетнями, за которыми жители держали весь домашний скот, что, говорит Поссевин, дает им вид наших сельских домиков. Дома строились очень скоро и дешево; порядочный дом можно было построить рублей за 20 или 30. Герберштейну сказали, что в Москве всех зданий более 41.000; но он сам называет это число едва вероятным. Это показание повторяет и Флетчер. О числе жителей в Москве у Герберштейна нет известия; по показанию Поссевина, их считалось не более 30.000; но при Поссевине, 11 лет спустя, после разгрома 1571 года, Москва была далеко не тем, чем была она при Герберштейне. Вокруг города видно было несколько монастырей, из которых каждый казался издали небольшим городом. Город со всех сторон окру-

жен был пространными полями, за которыми видны были обширные леса [370].

С большими подробностями говорят о Москве путешественники XVII века. Иностранцы с любопытством осматривали этот большой город, давший имя целой стране, тянувшей к себе всю ея жизнь. Наиболее полное описание Москвы в XVII в. находим у Олеария и Таннера. Москва лежала в самой средине государства, почти в равном расстоянии от всех границ, приблизительно во 120 милях, по показанию Олеария. Сначала Москва производила выгодное впечатление на путешественника своими бесчисленными церквами и белыми стенами Кремля, возвышавшимися над громадной черной массой домов. Аврилль замечает, что вид на Москву издали есть одно из прекраснейших зрелищ, когда-либо им виденных, по величию и великолепию города. Но очарование исчезало, как скоро путешественник въезжал в самый город: ему представлялись здесь неправильные, неопрятные улицы, маленькие церкви и множество невзрачных, бедных домиков: город, по замечанию Олеария, казавшийся издали великолепным Іерусалимом, внутри являлся бедным Вифлеемом. Улицы были широки, но неровны и большею частью немощены; в ненастное время на них вязли по колено в грязи, хотя кой-где клались, как ни попало, бревна и небольшие мосты. Некоторые улицы вымощены были досками и круглыми бревнами, положенными поперек улицы с насыпанной в промежутках землей; оттого по ним обыкновенно ездили на неконанных лошадях. По-

[370]) Барбаро, 58.—Контарини, 108 и след.—Кампензе, 23.—Говий, 33—37.—Herberstein, 45 и 46.—Olearius Adam, 147.—Guagnini, 155.—Possevino, 14—17.—Флетчер, гл. 4-я.

замечанию Рейтенфельса, на этих улицах в летнее время было или пыльно, или грязно, но за то зимой — гладь. Только при кн. В. В. Голицыне и по его распоряжению весь город был вымощен досками; но со времени опалы этого вельможи мостовая его, по словам Невиля, поддерживалась только на главных улицах. Неопрятность улиц заставляла иногда принимать меры, которые очень удивляли иностранцев: во время крестных ходов, впереди духовенства и образов шло до 130 человек с метлами, которые расчищали улицы и усыпали их песком. Путешественники XVII в. говорят, что город наполнен деревянными домами. Дома казались иностранцам низкими и некрасивыми, строились обыкновенно в два жилья, на сосновых или еловых брусьев, крылись тесом или берестой, которую иногда обкладывали сверху еще дерном. Только у вельмож, некоторых богатых купцов и Немцев были каменные дома, но с маленькими окнами, к которым приделывались жестяные или железные ставни, для защиты дома на случай пожара. С тою же целью дома ставились на большом расстоянии один от другого; при каждом был обширный двор и сад. Каменные постройки особенно усилились во второй половине XVII в. Мейерберг говорит, что с некоторого времени появилось в городе значительное число каменных зданий; особенно распространял каменные постройки в Москве В. В. Голицын: при нем, по свидельству Невиля, построено было в Москве больше 3,000 каменных домов. Впрочем, распространению каменных домов мешало между прочим и то, что они считались нездоровыми; оттого каменные стены внутри комнат обшивали тесом, подкладывали под него мох. Украшением улиц и всего города были церкви. В начале XVII в., по свидетельству Маржерета,

было еще очень много деревянных церквей, хотя, добавляет тот же иностранец, с некоторого времени построено довольно и каменных. Во второй половине XVII в., если верить Рейтенфельсу, почти все церкви были уже каменные. Каменные церкви были все круглые, пятиглавые с широкими куполами, покрытые жестью. Колокола помещались и на колокольнях, и внизу в церковной ограде, на столбах; Олеарий говорит даже, что чаще встречалось последнее. При каждой церкви было по крайней мере 6 колоколов, по большею частью они весили не более 4 или 5 пудов. Иностранцев изумляло множество церквей в Москве; весь город наполнен ими, говорит Таннер; сами жители сознаются, что они не знают точного их числа; по свидетельству Олеария, на каждые пять домов приходилось по церкви. Всех церквей в городе и предместьях с монастырями считали во время Олеария больше 2,000 [875]). Такое множество церквей Олеарий объясняет тем, что в Москве всякий сколько-нибудь знатный господин имел при доме свою церковь, где он один только со своими родственниками слушал божественную службу. Впрочем, церкви были очень небольшие; многие имели, по словам Олеария, не более 15 пядей в ширину. Не меньше изумляла иностранцев и обширность пространства, на котором раскинулась Москва. В XVII в. это пространство далеко не могло равняться тому, какое занимала Москва в половине XVI в.: такие годы, как 1571 и 1611, не могли не оставить на городе глубоких следов, которые трудно было загладить. С тру-

[875]) По Буссову по крайней мере 3,000, по Петрею даже около 4,500, по Таннеру и Штраусу 1,700, по Корбу больше 200.

дом поправлялась Москва, но уже не достигала прежних объемов: до конца XVII в. мы встречаем у иностранцев замечание, что, по словам самих жителей Москвы, прежде она была гораздо обширнее и многолюднее. Несмотря на это, и в XVII в. город был очень обширен и принадлежал к числу самых больших городов Европы [276]; по свидетельству Олеария, он имел в окружности около 3 миль, а по Мейербергу около 19 верст [277]). О размерах города можно заключить также по числу домов, какое показывают иностранцы XVII в., и по обширности пустых мест между домами и улицами. Несмотря на разгром 1611 года, уже во второй четверти XVII в. въ Москве считалось более 40,000 домов. Писатели второй половины XVII в. показывают еще больше; по Лизеку, домов в Москве было больше 42,000, а по Штраусу около 95,000. О числе жителей также имеем несколько несходных показаний; но все почти иностранцы говорят, что оно соответствовало обширности города. Из одного места в летописи Буссова видно, что до польского разгрома в смутное время не только русские, но и поляки полагали в Москве около миллиона жителей. Позднейшие известия значительно уменьшают это число: по Рейтенфельсу и Аврилю, жителей в Москве было около 600,000, по Невилю—от 500,000 до 600,000. Кроме Русских, в Москве жило очень много Греков, Персиян, Немцев, Турок и Татар, но Жидов не было вовсе, ибо их не терпели не только в столице, но и в пределах государства.

---

[276]) Olearius: il est certain, que c'est aujourd'huy une des plus grandes villes de l'Europe.

[277]) Буссов говорит, что до пожара в 1611 году столица имела в окружности больше 4-х миль. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 1-ая, стр. 208.

История государства положила резкую печать на всю физиономию его столицы, на ее расположение и укрепления: видно было, что этот город рос медленно, расширяясь от центра во все стороны, захватывая окрестные селения, слагался под влиянием постоянных внешних опасностей. По описанию Олеария, город состоял из 5 главных частей; три из них имели вид особых городов, огибавших один другой: это были Китай-город с Кремлем, Белгород, и Земляной город. Китай-город занимал средину и был окружен толстою каменною стеной, которую называли Красной стеной. С юга эту часть омывала река Москва, а с севера Неглинная. Почти половину Китая-города занимал царский замок Кремль [278]) он расположен в самой средине города, составляя как бы его сердце, по выражению Таннера, и окружен был тройною толстою каменною стеною и глубоким рвом [279]). В Кремль вели 5 ворот; те, которые выходили в Китай-город и Белгород, затворялись каждые тремя дверьми. У этих ворот, с внешней стороны Кремля, сделаны были через ров мосты на сваях. Под одними из ворот, ведших в Китай-город (Флоровскими), возвышалась башня с часами, показывавшими время по московскому счислению: когда царь уезжал из Кремля, эти ворота запирались. В самом Кремле внимание наблюдателя прежде всего останавливали на себе две башни, возвышавшиеся на средине его: одна из них, Иван-Великий, очень высокая, со множеством колоколов [280]), другая была заме-

[278]) Иначе называемый у Олеария и других Крым-город.

[279]) Таннеръ принял этот ров за другой рукав Неглинной.

[280]) По описанию Таннера, на этой колокольне было 37 колоколов, висевших по окнам четырех ярусов колокольни в гармоническом порядке, подробности см. у Таннера на стр. 59—61.

чательна по висевшему на ней громадному колоколу, слитому при Борисе Годунове и имевшему 346 центнеров веса: в него звонили только по большим праздникам и во дни придворных торжеств; его раскачивали 24 человека, которые стояли внизу, на площади [281]). В Кремле было два монастыря, мужской и женский, и больше 50 каменных церквей; Коллинс насчитывает их даже до 80; башенки на них, как и на Ивановской колокольне, покрыты были густо-вызолоченною медью, которая, блестя на солнце, представляла издали очень красивый вид. В углублении Кремля расположены были многочисленные царские палаты; перед ними, на Красной площади, Таннер видел до 200 пушек, расставленных рядами; незадолго до Олеария построен был великолепный каменный дворец (Теремный) в итальянском вкусе, но царь продолжал жить в деревянных хоромах, находя их более здоровыми. В Кремле же находились домы многих бояр [282]); но выше всех их поднимались великолепные каменные палаты патриарха, находившиеся подле царского дворца. Кроме того, в Кремле находилась царская казна, провиантский и пороховой двор и приказы, большая часть которых расположена была между Спасскими воротами и Архангельским собором: при В. В. Голицине здесь построено было огромное здание для приказов, состоявшее

[281]) При Алексее Михайловиче слит был другой колокол, еще больше, под которым, говорит Мьеж, могли поместиться 40 человек. Из этого колокола при Анне Іоанновне слит был тот, который ныне лежит около Ивановской колокольни. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 5-я, примеч. 59.— Рейтенфельс видел второй колокол и говорит, что он весил 320.000 фунт.

[282]) При Коллинсе здесь были хоромы Черкасского, Морозова, Трубецкого, Милославского, Одоевского и др.

из четырех корпусов, со множеством зал [283]). Вся крепость застроена была царскими и боярскими хоромами, церквами и другими зданиями, так что в ней почти не оставалось пустого места. Кроме царской придворной служни, в Кремле находилось постоянно, по свидетельству Лизека, до 20.000 царских телохранителей [284]).

Вне Кремля, в отделении Китай-города, внимание иностранцев прежде всего останавливала на себе церковь Св. Троицы (Василий Блаженный), которую московские Немцы называли обыкновенно Иерусалимом; она удивляла иностранцев оригинальностью своей архитектуры, и некоторые называют ее очень изящной. Подле этого храма, на площади, лежали на земле две огромные пушки, обращенные на плавучий московский мост и на улицу, откуда обыкновенно нападали Татары. Прямо перед замком находился обширный рынок, главный в городе, со множеством купеческих лавок. Этих лавок считали здесь до 40,000; они наполняли рынок и все соприкасавшиеся с ними улицы; для каждого товара назначены были особые места и лавки. Торговки холстом помещались на средине рынка [285]). Перед самым Кремлем, на обширной четыреугольной площади не позволялось ставить лавки;

[283]) Прежде приказы помещались «dans quelques granges», по выражению Неннля.

[284]) Домы патриарха и бояр исчезали в массе дворцовых зданий, так что нам понятна неточность некоторых иностранцев, говоривших, что весь Кремль есть не что иное, как дворец царя Cremelinum civitas est, quam solus czarus inhabitat, Lysek, 62.

[285]) Olearius, 109: où il se trouve encore une autre sorte de marchandes qui tiennent des bagues dans la bouche et debitent avec leurs rubis et leurs turquoises une autre marchandise que l'on ne voit point. Ср. Tanner, 64.

но здесь кипела разносная торговля. Корб пересчитывает следующие ряды с товарами, расположенные один за другим по направлению от Кремля: 1) шелковый, 2) суконный, 3) серебряный (с золотыми и серебряными вещами), 4) меховой, 5) сапожный, 6) холстинный, 7) ряд, где продавались образа [256]), 8) ряд готового платья, 9) овощной, 10) рыбный, 11) птичий. Были и другие товары, для которых также назначены были особые места. На обширном ровном месте между храмом Св. Троицы и Красной стеной, по направлению к Москве-реке, находился обширный гостиный двор, называвшийся Персидским, который был наполнен лавками Персиян, Армян и Татар, числом до 200, с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями и другими восточными товарами. Около этого двора, в Красной стене, находились ворота, которые вели к плавучему мосту на Москве-реке. Кроме этого Персидского двора, в Китае-городе было еще два гостинных двора для иностранных купцов: в одном, старом, продавались, по словам Рейтенфельса, товары для ежедневного употребления; в другом, новом и самом обширном, помещались немецкие товары и платилась весчая пошлина. Эти три двора были каменные. В другой части Китая, с той стороны, где он омывался рекой Неглинной, находилось до 200 погребов с медами и заграничными винами. Около Казанского собора Олеарий указывает ножевой ряд [257]). Здесь же, близ площади

[256]) Таннер определяет положение последнего: est platea perampla, quam ipse dux quoquoversum pergat, pertransit; haec a Krimgorod porrigitur, non aliis quam pictoribus habitata. Hi quae divorum effigies venales faciunt, platea Divina dici meruit a Moscis. P. 64.

[257]) Olearius, 256: auprès de la rue, où les marchands cousteliers ont leurs boutiques.

находился городской суд. Неподалеку от Посольского двора находилось место, уставленное множеством хижинок и называвшееся вшивым рынком; здесь производилась стрижка волос, которые лежали тут кучами, так что, говорит Олеарий, проходя этим рынком, ступаешь точно по подушкам. На Красной площади всего стояло до 200 извозчиков с маленькими санями или тележками в одну лошадь. Площадь с утра до вечера кипела народом; более всего было на ней, замечает Олеарий, холопей и праздношатавшихся. Особенно оживлены были те места, где продавали нитки, холсты, кольца и т. п. товары; женщины, продававшие и покупавшие эти товары, по словам Олеария, подымали такой шум, что с непривычки можно было подумать, что горит город или случилось что-нибудь необыкновенное. Иностранцы второй половины XVII в. говорят, что почти все здания в Китае были каменные; между ними особенно отличались размерами и красотой Посольский двор, здание типографии, Греческий двор, также вышеупомянутые гостинные дворы и дома некоторых вельмож, наприм., князя Грузинского и др. В Китае жило много бояр, а также гостей или лучших купцов. При Маскевиче Красная стена имела 6 ворот, а на ней было 10 башен; на башнях и по стене расставлено было множество пушек. Улицы в Китае, как и в других частях Москвы, вымощены были круглыми бревнами; только две главные,—одна против Спасских ворот, по которой обыкновенно царь выезжал из города, а другая у посольского дома,—выложены были обтесанными брусьями.

Вторую часть города составлял Белгород; по словам Таннера, прежде он назывался Царевым горо-

дом [285]). Белым же стал называться с того времени, как были поправлены и выбелены его стены. Эта часть Москвы огибала в виде полумесяца Китай-город с Кремлем и окружена была высокою и толстою каменною стеной, которая называлась Белой; эта стена шла от Москвы-реки вокруг красной и Кремлевской стены, пересекая реку Неглинную, и наконец возвращалась к Москве-реке по другую сторону Кремля. По свидетельству Таннера, Белгород был впятеро больше Китая. В этой части города жило много князей и бояр, сыновей боярских, или дворян, значительных купцов и ремесленников, особенно булочников: каждый ремесленник вывешивал на окна вещь, указывавшую на его ремесло: сапожник вывешивал сапог, портной лоскутки разных материй и т. п. Между ремесленниками, делавшими обувь, особенно много было таких, которые плели лапти для простого народа. Здесь было много мясных лавок, распространявших невыносимый запах от множества испорченного мяса, которое лежало перед лавками на солнце непокрытым. Здесь находился скотный рынок и было много кружал с водкой, медом и пивом, а также множество лавок с квасом, мукой и другими товарами. Кроме лавок здесь было два больших завода, один пороховой, другой литейный, на котором лили пушки и колокола; место на берегу Неглинной, где стоял этот завод, называлось Поганым прудом. Недалеко от него, на другой стороне Неглинной, находились две царские конюшни, в которых содержалось до 1.000 лошадей; там же была аптека и две тюрьмы, в которых, по свидетельству Таннера, всегда сидело до

[285]) Маскевич называет его еще Ивангородом. Ср. «Домашний быт русских царей». И. Забелина, стр. 16.

2.000 пленных Турок, Татар, и др. Остальное пространство Белгорода застроено было церквами, домами разных служилых и посадских людей, с обширными садами; между этими домами было много красивых каменных и деревянных, принадлежащих боярам и немцам; при Рейтенфельсе особенным изяществом архитектуры отличались палаты Артамона Сергеевича Матвеева [189]). Ряды зданий начинались на значительном расстоянии от стен; незастроенными оставались также небольшие площади у ворот, которые вели в Кремль и Китай-город.

Третья часть города называлась Скородомом; она охватывала Белгород с востока, севера и запада; чрез нее протекала река Яуза. До пожара в 1611 году Скородом был обнесен деревянной стеной, тянувшейся миль на 7 (35 верст), как сказывали Маскевичу, и в три копья вышиной. Эта стена простиралась и за Москву-реку, так что последняя пересекала ее в двух местах. Эта деревянная ограда имела множество ворот, между которыми возвышались на ней по две и по три башни, и на башнях стояло по 4 и по 6 больших орудий, кроме полевых пушек, которых было на стене так много, что и перечесть трудно, по выражению Маскевича. Вся ограда была обшита тесом; башни и ворота, весьма красивые, стоили, вероятно, много трудов и времени, добавляет Маскевич. Церквей было здесь множество, каменных и деревянных, — и все это, самодовольно восклицает Маскевич, в три дня обратили мы в пепел! При царе Михаиле (в 1637) вместо сгоревших деревянных стен насыпан был высокий земляной вал, который, по сло-

[189]) Любопытное описание внутреннего убранства палат Матвеева см. у Олеария на стр. 73 и след.

вам Коллинса, обложен был досками и бревнами; с того времени Скородом стал называться Земляным городом. Подле вала шел глубокий ров, наполненный водой [290]). Таннеру сказывали в Москве, что этот вал простирался миль на 5. Скородом был самою большою частью города, но за то много уступал двум описанным частям и в красоте зданий и в зажиточности населения. Он был густо застроен бедными деревянными домиками, в которых жили мелкие ремесленники и другие посадские люди; кроме них в Скородоме жило очень немного служилых людей низших чинов. Здесь находились рынки, на которых продавали лес и готовые дома; эти рынки были завалены дровами, бревнами, досками, даже мостами, башнями и домами, совсем уже готовыми.

Три описанные части находились в прямой связи между собою и составляли собственно город. К ним примыкали еще две части, расположенные отдельно; это были слободы Стрелецкая и Немецкая. Основанием Стрелецкой слободы послужила слобода Налейки или Наливки, построенная великим князем Василием Ивановичем для иностранных солдат; потом здесь поселены были стрельцы. Эта часть города лежала на другой стороне Москвы-реки, против Кремля и Китая-города; со стороны последнего к ней вел плавучий мост на судах. Стрелецкая слобода подразделялась на 8 частей; с одной стороны ее в виде полумесяца огибала Москва-река, а с других сторон она окружена была валом и деревянными укреплениями, которые соединялись с укрепле-

---

[290]) Следы прежних деревянных стен видны были еще при Таннере; при Корбе Земляной город окружен был тыном и валом.

вниями Земляного города. Стрелецкая слобода была передовым укреплением Москвы против крымских татар, которые с этой стороны производили свои нападения на столицу. Кроме стрельцов, в Стрелецкой слободе жили мелкие торговцы и другие люди из простого народа. Подле слободы, по берегу Москвы-реки тянулись длинные сады и обширные луга, на которых паслись царские кони.

В стороне от Сретенки, за Покровскими воротами, находилась другая предместье, составлявшее 4-ю часть Москвы и называвшаяся Немецкой слободой, или Кокуем. Эта слобода отделялась от Сретенки небольшим полем и состояла из деревянных домов немецкой архитектуры. Таннер передает слышанные им в Москве рассказы о возникновении этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, приглашенные в Москву, не могли мирно ужиться с москвитянами в самом городе, их поселили за Москвой-рекой в слободе Наливках. Но иноземцам и там не дали покоя москвичи: постоянно колоди им глаза названием их нового местожительства, упрекая их в пьянстве, чтобы избавиться от насмешек и оскорблений, иноземцы попросили у царя позволение поселиться в другом месте вне города. Здесь они построили несколько красивых деревянных домиков, и это новое поселение названо было Немецкою слободой, которая, по словам Таннера, вполне имела вид и устройство маленького немецкого городка. Немного до приезда Олеария, туда же переселены были, вследствие разных неприятностей, иноземные купцы и офицеры, жившие прежде в Белгороде. Олеарий рассказывает, что жены иноземных купцов, не желая уступить женам иноземных офицеров, которые большею частью были прежде служи-

ками, однажды подрались с последними в лютеранской церкви, находившейся в Белгороде, вследствие чего патриарх приказал перенести их церковь в Скородом. К этому присоединились и другие неприятности. Чтобы не подвергаться насмешкам и оскорблениям со стороны москвичей, иноземцы, по словам Олеария, стали одеваться по-русски; но патриарх, заметив при одном церковном торжестве, что иноземцы, вмешавшись в толпу русских, непочтительно относятся к обрядам православной церкви, испросил у государя указ, чтобы иностранцы ходили в своем, а не в русском платье. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большим насмешкам и обидам со стороны русских, и чтоб избавиться от этого, выселились, с разрешения царя, из города и основали особое предместие, Иноземную слободу, подле старой Немецкой, с которой она скоро и слилась в одно предместье [291]). Население Немецкой слободы представляло довольно пеструю смесь наций и вероисповеданий. Больше всего было немцев-лютеран: Олеарий говорит, что их было больше 1,000 семейств. Они пользовались свободой богослужения и имели два храма. Были также кальвинисты разных наций; у них был один храм [292]). Меньше было католиков, Итальянцев и Французов; они не пользовались правом публично отправлять свое богослужение и не имели храма. Иностранные писатели говорят единогласно, что в Москве ни к каким иностранцам не относились с таким отвращением и недоверием, как к като-

---

[291]) О других причинах выселения немцев см. Соловьев, «История России», т. IX, стр. 423 и 424.

[292]) Так по Таннеру; Рейтенфельс говорит, что в Немецкой слободе было 3 лютеранских храма и 2 кальвинских.

ликам. Многие из иностранцев принимали в Москве православную веру. Рейтенфельс указывает около Немецкой слободы особое предместье Басмановку, где жили иностранцы, принявшие русскую веру, отчего это предместье и называлось «слободою перекрестов». По словам Таннера, большинство иностранцев Немецкой слободы носило платье немецких дворян; даже служанок своих Русских или Татарок они одевали по-немецки. Близ Немецкой слободы находились три завода—стеклянный, железоплавильный и бумажный, последний на реке Яузе; на них работали иностранцы. На равнине около Немецкой слободы при Алексее Михайловиче были два большие красивые сада, куда царь, по словам Таннера, каждую неделю ездил гулять в хорошую погоду.

Иностранные писатели не сообщают нам подробностей об экономической жизни столицы, об интересах и отношениях различных классов ее населения; но у них есть заметки о повседневной жизни этого города, как она являлась на улице, они указывают на обычные явления этой жизни, которые помогают измерить уровень общежития и гражданственности в образцовом городе Московского государства. День начинался рано; летом с восходом солнца, а зимой еще до света пробуждалось городское движение; в Китае-городе раздавался уже среди толпы набат боярина, ехавшего в Кремль ударить челом государю. Москвитяне, замечает Невиль, любят ходить пешком и ходят очень быстро. Но это замечание могло относиться только к людям из простого народа: служилый человек считал неприличным для своего звания являться на улицу пешком; даже отправляясь недалеко, дома за три, он брал лошадь и если не ехал на

ней, то приказывал вести ее за собой. Летом боярин ездил обыкновенно верхом, а зимой в санях, запряженных в одну рослую, обыкновенно белую лошадь, с сороком соболей на хомуте: ею правил конюх, сидя верхом без седла. Сани выстилались внутри медвежьей шкурой, у богатых белой, у других черной; о коврах не было и помину. Передки у саней были обыкновенно так высоки, что из саней едва можно было видеть голову конюха. Множество слуг провожало боярина: одни стояли на передках, другие посредине, боком к боярину, а некоторые сзади, прицепившись к саням. Летом впереди боярина, ехавшего верхом, также шло много слуг. Еще пышнее и наряднее являлась на улице благородная женщина, зимой в санях, летом в небольшой колымаге, покрытой красным сукном и запряженной также в одну лошадь, увешанную мехами или лисьими хвостами, что считалось лучшим украшением лошади, хотя по отзывам иностранцев, это давало ей странный, безобразный вид. На лошади сидел парень в косматом полушубке и часто босоногий. В экипаже сидела дородная госпожа в широкой, нигде не стянутой одежде и так густо набеленная, что с первого взгляда, по замечанию Таннера, можно было подумать, что лицо ея обсыпано мукой [290]). В ногах у нея помещалась служанка, заменявшая для нее скамейку [291]). Все это в соединении с тряской, какую производила московская мостовая, делало из поезда дород-

[290]) Olearius: elles (женщины) n'oublient point de se farder le visage, le col et les bras.

[291]) Tanner: in curru serva scabelli munus peragit, cui praepinguis domina pro tuto et commodiate pedes suos supra caput et humeros superponit.

этой госпожи картину, потешавшую иностранца [293]. Знатную боярыню провожала многочисленная толпа слуг, часто доходившая до 30—40 человек. Еще большей странностью поражало иностранца появление в городе царицына поезда. Когда, говорит Маржерет, царица прогуливается, за ее каретою следует несколько женщин, которые сидят на лошадях верхом, как мужчины; на них белые шерстяные шляпы, похожия на епископские клобуки, длинные платья из алой материи, с большими рукавами шириною более 3 футов.—Хотя, говорит Невиль, в Москве более полумиллиона жителей, однакож найдется не более 300 карет (колымаг); но за то там по всем площадям стоит более 1,000 извозчиков с маленькими тележками или санями в одну лошадь; за деньгу, говорит Маскевич, извозчик скачет, как бешеный, с одного конца города на другой, и немилостиво кричит во все горло: гись, гись, а народ расступается во все стороны. На известных местах извозчик останавливается и не везет далее, пока не получит другой деньги. Встретясь с другим извозчиком, он соглашается скорее сломать у себя ось или колесо, нежели свернуть с дороги. В полдень, в обеденное время, движение стихало, лавки закрывались; перед ними видны были спящие купцы или их приказчики. В это время ни с кем нельзя было вести никакого дела, все засыпало, как в полночь; нет, говорит Олеарий, москвитянина, какого бы ни был он состояния, который не спал бы после обеда. Много неприятных явлений замечал иностранец днем на московской улице; особенно

[293]) Ibid.: spectaculum perjucundum fuit videre, quod ad nonnullas [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] assidu [illegible]

поражало его постоянное употребление бранных слов, хотя это было запрещено царским указом. По словам Олеария, по рынкам ходили особые пристава, которые хватали и тут же на месте наказывали виновного; но и они уставали наказывать на каждом шагу ругающийся и бранящийся народ. Еще больше темных явлений совершалось ночью. День оканчивался рано, как рано и начинался; длинная ночь, при плохом устройстве городской полиции, давала широкий простор для промысла лихим людям, которых много было в огромной столице Московского государства. Ночью на площадях и перекрестках стояла стража, смотревшая за тем, чтобы никто не ходил без фонаря; всякий, ехавший или шедший ночью без огня, считался вором или лазутчиком и немедленно отправлялся в Стрелецкий приказ для розыска и расправы. Всякий раз, как били часы на Спасских воротах, стоявшие здесь караульщики ударяли палками по доске столько раз, сколько пробило часов. При домах бояр и богатых купцов также стояли сторожа, которые с прочими городскими дозорами, услышав стук у Спасских ворот, вторили ему, давая этим знать, что они не спят. Между тем иностранцы единогласно говорят, что в Москве не проходило ночи без убийств и грабежей; они указывают и на главную причину этих беспорядков. Дворяне, говорит Маржерет, измеряют здесь свое богатство числом служни, а не количеством денег; поэтому каждый из них держит множество холопей: по свидетельству Олеария, число их в некоторых боярских домах доходило до 100. Но господа не давали своим холопям пищи, а платили им кормовые деньги и в таком малом количестве, что холопи едва могли кормиться на них и от того часто промышляли дурными средствами. Ночные

сторожа служили плохою помехой лихим людям, напротив, даже помогали им и делили с ними добычу. Еще менее можно было обижаемому ждать помощи от обывателей: ни один домохозяин, говорит Олеарий, не решится высунуть голову из окна, а тем менее выйти из дома на помощь человеку, подвергнувшемуся нападению ночных разбойников, боясь, что последние сделают и с ним то же или еще хуже, подожгут его дом. Коллинс указывает и на другое явление: обыватель боялся подать помощь умирающему, которого находил на улице, зная, что если застанут его около мертвого тела, сейчас поволокут в Земский приказ, а там скоро не разделаешься. Оттого ночью по Москве нельзя было ходить без оружия и провожатых. Почти каждое утро на московских улицах поднимали несколько трупов; количество их страшно увеличивалось в праздники и особенно на масляницу, когда к разбоям присоединялись многочисленные смертные случаи от пьянства. По замечанию Коллинса, в Москве не проходило масляницы без того, чтобы не поднимали на улицах от 200 до 300 человек, погибших от той или другой причины [196]). В праздники множество пьяных валялось по улицам, никто не прибирал их и на другой день многие из них оказывались мертвыми. Поднятые на улице трупы отвозили на двор Земского приказа, где выставляли их на три или четыре дня, чтобы родственники или друзья погибших могли взять и похоронить их; когда же никто не являлся, трупы отвозили

[196]) Neuville le desordre est si grand dans ce temps-là que les étrangers qui logent dans les fauxbourgs n'osseroient quasi sortir et venir à la ville; car ils (москвичи) s'enyurent et s'assomment comme des bêtes sauvages.

в один «из убогих домов», бывших в Москве [207]; там их складывали в общую яму, в конце мая отпевали и хоронили всех вместе, иногда трупов по 300, по словам Коллинса. Лихие люди часто прибегали к особенному средству поживиться на чужой счет: они поджигали дома зажиточных людей, прибегали на пожар будто для спасения имущества и воровали в обширных размерах. Отсюда пожары в Москве чаще случались по ночам, вспыхивали вдруг в нескольких местах. Ночные убийства, воровство и пожары—вот обычные явления московской жизни, отмеченные иностранцами [208]. Кроме злого умысла, пожары происходили и от неосторожности. Записки иностранных путешественников о Москве наполнены известиями о пожарах. Не проходило почти недели без того, чтобы не сгорали целые улицы. Пожары были, так сказать, привычным, ежедневным явлением, к которому относились довольно равнодушно; если пожар истреблял сотню или две домов, о нем и не говорили много; только тот пожар считался в Москве большим и оставлял по себе память, который истреблял по крайней мере 7,000 или 8,000 домов. Приехав в Москву в 1634 г., Олеарий увидел в Белгороде обширные пустыри с остатками сгоревших зданий; незадолго перед тем пожар обратил в пепел до 5,000 домов; погорелые жили на пепелище в шалашах и палатках. Для предупреждения подобных несчастий

---

[207]) См. об этих домах «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. I, примеч. 41 и Adelung, «Uebersicht» etc. II, 69.

[208]) В дневнике Корба постоянно встречаются известия о Москве в роде следующего: exitiali incendio multae aedes perierunt; inventi etiam publicis in plateis duo Mosci quibus capita nefando crimine erant abscissa.

ночью ходили по городу стрельцы и сторожа с топорами, которыми в случае пожара ломали соседние здания, домов 20, пока не доходили до ближнего угла или площади, и отвозили дерево дальше от огня; если же какое-нибудь здание надо было сберечь, его покрывали воловьей кожей, которую поливали водой. Впрочем о сгоревших домах и не жалели много: что было дороже из имущества, хранилось в подземных кладовых, а дома скоро покупались совсем готовые на рынке, где их продавали тысячами; в короткое время и без особенных издержек их разбирали, перевозили в назначенное место и опять складывали. В Москве были плотники, которые в один сутки ставили и отделывали дом. Легко понять, что это были за дома [299]). Лирек даже видел на рынке продававшуюся старую колокольню. Кроме того, в обширных лесных рядах продавалось столько строевого леса, что из него можно было, по выражению Мьежа, выстроить целый город [300]).

Первое место между городами Московского государства после столицы в XVI в. принадлежало Новгороду Великому. Ланноа еще застал его таким, каким был он в лучшее время своей жизни, и так описывает его наружный вид: «Город необыкновенно обширен, расположен на прекрасной равнине, окруженной лесами; но огорожен он плохими стенами, состоящими из плетней (de

---

[299]) Neuville chacune de ces maisons ne vaut guères plus qu'une étable à cochon en Allemagne ou en France.

[300]) Avril 158.—Маржерет, 34.—Буссов, 79, 95, 104.—Mayerberg, I, 42, 93.—Carlisle, 80, 286.—Olearius, 106, 256, 269, 158, 167, 25.—Lyseck, 95, 62.—Struys, 117—120.—Neuville, 185, 198, 179, 189, 14, 190.—Korb, 194.—Маскевич, 70—74, 64.—Tanner, 52. Коллинс, 175.—Рейтенфельс, 18—24.

cloyes) и земли, хотя башни на них каменные; на берегу протекающей среди города реки расположена крепость, в которой находится главная в городе церковь св. Софии: здесь живет епископ города» [301]). Одерборн говорит, что некогда одно имя этого города приводило в страх соседей и что новгородская поговорка «кто против Бога и Великого Новгорода» очень часто повторялась у саксонцев. Иностранцы говорят об огромных богатствах независимого Новгорода, бывших следствием его обширной торговли: по словам Кампензе и Герберштейна, московский государь, завоевав Новгород, вывез оттуда более 300 возов, наполненных золотом, серебром и другими дорогими вещами. Несмотря на страшные бури, которые пронеслись над Новгородом во второй половине XV в., в XVI его продолжают называть знаменитейшим и богатейшим городом Московского государства после столицы. К нему с большею справедливостью, нежели к Москве, можно было приложить замечания Иовия об удобстве водных сообщений, и англичане не без основания называли его лучшим торговым городом в государстве: хотя государь, пишет Ченслер, утвердил свой стол в Москве, но положение при реке, открывающей путь к Балтийскому морю, дает Новгороду первенство перед столицей в торговле, привлекая к нему больше купцов. О наружном виде его в XVI в. иностранцы сообщают немного сведений. По словам Иовия, Новгород славился бесчисленным множеством зданий; в нем было много богатых и великолепных монастырей и изящно-изукрашенных церквей. Здания впрочем почти все были деревянные. Англичане доносили, что, уступая Москве в достоинстве, он

[301]) G. de Lannoy. 19.

значительно превосходил ее обширностью. Новгородский кремль имел почти круглый вид и был окружен высокими стенами с башнями [302]); кроме собора и зданий подле него, в которых жил архиепископ с духовенством, в нем почти не было других зданий. За год до приезда Поссевина в Новгород один иностранный архитектор окружил кремль новой, земляной стеною, на которой поставил несколько бойниц с пушками. В письме к начальнику иезуитского ордена Поссевин прибавляет, что в кремле, кроме упомянутых зданий, было еще несколько деревянных хижинок, а около города по Ильменю и с других сторон было много монашеских обителей; Поссевин считает в Новгороде в мирное время не более 20.000 жителей: такова была разница между Новгородом XVI-го и Новгородом XIV-го века, когда в нем считали до 200.000 жителей. Кроме материальных потерь, понесенных им в XV и XVI в., иностранцы указывают и потери нравственные: Герберштейн замечает, что жители его отличались прежде большею мягкостью нравов и прямотою характера, но что с тех пор, как поселились в нем более грубые и криводушные жители из московских областей, нравы города сильно испортились. В XVII в. Новгород продолжал сохранять важное значение в торговле Московского государства; но о том, каким был он прежде, во время своего процветания, можно было только догадываться по скудным остаткам: вокруг города видны были еще следы прежних стен, а также развалины церквей и монастырей, бывш ихнекогда в черте города [303]).

[302]) Каменный детинец построен в Новгороде в 1491 г.

[303]) Oderbornii «Vita Ioanni Basilidi» в «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 243.—Кампензе, 22. Iob 36.—Herberstein 54.—Possevino, 15, 17 и слѣд.—Ulfeld, 13. «Supplementum ad historica Russiae Monumenta», № CLXII.—Olearius, 90. Carlisle, 304.

Псков, этот младший брат Новгорода, подобно ему много потерпел от Москвы, но и в XVI веке сохранял еще важное значение в Московском государстве. В конце этого века он особенно стал известен иностранцам благодаря знаменитой осаде его Ст. Баторием и считался первою крепостью в государстве. Ланнуа, проездом из Новгорода посетивший и Псков, ограничивается относительно последнего немногими словами, что он очень хорошо укреплен каменными стенами с башнями и имеет очень большой замок, в который никто из иностранцев не смеет входить, в противном случае подвергается смерти [304]). Затем о внешнем виде Пскова мы не встречаем у иностранцев известий почти до конца XVI в. Герберштейн замечает только, что Псков—единственный город в государстве, который весь окружен стенами. Более обстоятельное описание его сообщает Поссевин, долго живший в польском лагере пред Псковом. По его словам, Псков окружен каменной стеною, с башнями, материал для которой доставляло русло реки (Великой); по средине города, имеющего вид продолговатого треугольника, проходит другая стена, при которой расположены один за другим три замка [305]). Ульфельду сказывали в Пскове, что этот город имеет 300 церквей и 150 монастырей; и те и другие почти все каменные. По описанию Вундерера, посетившего Псков в 1589 году, город был очень многолюден и делился на 4 части, имевшие вид особых городов, окруженных каменными стенами. Здесь жило много иностранных

[304]) G. de Lannoy, 22: où nul franc crestien ne peut entrer qu'il ne lui faille murir.

[305]) Эти три замка были Кремль, Средний город и Большой город.

купцов и ремесленников; люди каждого ремесла жили особо; жилища кузнецов и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах, расположены были длинными рядами вдали от других. Дома простых граждан в Пскове были большей частью деревянные и окружались заборами, плетнями, деревьями и огородами; над воротами каждого дома висел литой или писанный образ. В этом городе, битком набитом, по выражению Поссевина, деревянными зданиями, по сомнительному показанию Вундерера, считалось до 41.500 домов. В одном из замков Вундерер видел очень красивый дворец государя, в котором все покои убраны были красным бархатом. Подле замка стоял большой каменный дом, называвшийся Pachmar, в котором иностранные купцы выставляли свои товары, продавали, покупали и меняли. Потом Вундереру показывали другое здание, в котором держали несколько белых медведей, белых волков и буйволов для боя [206]). Несмотря на множество зданий, какое показывают в Пскове Вундерер и Поссевин, последний и в нем, как в Новгороде, считает в мирное время не более 20.000 жителей. По словам Герберштейна, псковитяне отличались прежде обходительностью, торговые дела вели добросовестно, без хитрости и обмана; но со времени поселения между ними москвитян нравы в Пскове, как и в Новгороде, изменились к худшему [207]). В XVII в. Псков сохранял еще значительные размеры, имел в окружности

[206]) Darnach fuhrt mann uns in ein ander Hausz, in dem unter der Erde etlich weisz Beren, weisz Wölff und Ohrochse zum Kempfen ernehret werden. «Frankf. Archiv für ältere deutsche Litter.» etc., herausgegeb. von Fichard. B. II, S. 202.

[207]) Possevino, 18.—Herberstein, 56.—Olfeod. 12.

по свидетельству Штрауса, более 2-х миль, но вблизи представлял жалкий вид; дома в нем были попрежнему почти все деревянные, а стены хотя и каменные, но с плохими башнями, улицы нечистые и немощеные, кроме главной, выходившей на торговую площадь; эта улица вымощена была вдоль положенными бревнами [208]).

Москва, Новгород и Псков имели каменные крепости. К таким же крепостям причисляются во второй половине XVI в. Порхов, Старица, Нижний, Александровская слобода, Белозерская крепость и другие города. Построенная при Іоанне III каменная крепость на ливонской границе—Иван-город во второй половине XVI в. отходила на некоторое время к шведам. Но большая часть крепостей и в XVI в. состояла из деревянных укреплений. В начале этого века Московское государство приобрело важную деревянную крепость Смоленск [209]), за которую шла давняя борьба между двумя соседними государствами; эта борьба продолжалась и после присоединения Смоленска к Московскому государству, весь XVI и даже XVII век. По описанию Герберштейна, город расположен в долине, окруженной со всех сторон холмами и лесами; в окрестностях его видны развалины многих каменных монастырей. Кобенцелю Смоленск показался величиной с Рим; здания в нем все деревянные, кроме соборного храма в крепости на горе. Крепость, расположенная на левом берегу Днепра, на возвышении, была застроена домами и имела вид отдельного города; с одной стороны она омывалась рекой, а с другой окружена была глубоким рвом и заостренными бревнами (тыном). Поссе-

[208]) Struys. 106.

[209]) Clavis Moscuae, по выражению Таннера.

вии не упоминает о тыне, но говорит, что крепость окружена насыпью, обделанной плетнем, в отверстиях которой поставлены пушки. В правление Бориса Годунова крепость обведена была новою, каменною стеной; по описанию Маскевича, присутствовавшего при осаде Смоленска в 1609 году, эта стена имела три сажени толщины и 3 копья вышины; на ней было 38 четыреугольных и круглых башен на расстоянии 200 сажен друг от друга. В городе до польской осады в 1609 г. было около 8.000 домов; но разорение, какое потерпел он во время этой осады, было так велико, что еще при Мейерберге он представлял одни развалины. Проезжая чрез Смоленск в 1678 году, Таннер заметил в крепости оживленную деятельность: достраивали новые каменные стены. В городе между товарами на рынке Таннер заметил больше всего горшков и деревянной, красиво выточенной посуды [810]).

Некоторые города, по свидетельству Поссевина, были окружены бревнами, сложенными в четыреугольники, которые наполнялись землей или песком, отчего их трудно был разбивать, а чтобы они не легко загорались, их обмазывали глиной [811]). Кроме упомянутых городов в XVI в. считались важными пограничными крепостями Казань и Астрахань. По описанию Олеария и Штрауса, Казань довольно большой город с деревянными укреплениями и

---

[810]) Herberstein. 52. — Кобенцель. 140. — Possevino. 19. — Буссов. 20. — Маскевич. 19. — Mayerberg. II. 154. — Tanner. 32. — Neuville. 4. — Лизек называет Смоленск inexpugnabile patriae totius antemurale et potentissimum Borysthenis frenum (стр. 26).

[811]) Possevino. 17.

домами; но крепость окружена толстыми каменными стенами и снабжена артиллерией и значительным гарнизоном; русло реки Казанки служит для нее очень хорошим рвом. В городе живут Русские и Татары; последним запрещено входить в крепость под страхом смертной казни [312]). Тверь, Рязань, Владимир и Нижний принадлежали к числу значительных городов, но не считались важными укрепленными местами, хотя и в них были

епости, а в Нижнем была даже каменная крепость, построенная великим князем Василием Ивановичем против Черемис, как замечает Герберштейн. Тверь, по описанию Поссевина, казалась издали очень большим городом; она имела довольно большое количество домов, но населением много уступала Пскову и Смоленску, т. е. в ней далеко не было и 20.000 жителей. Город расположен на левом берегу Волги и, если верить показанию Меховского, имел 160 деревянных церквей; против него, на другом берегу реки, стояла деревянная крепость, в которой, по свидетельству того же иностранца, было 9 церквей, и из них только соборная была каменная. В смутное время Тверь, подобно многим другим городам Московского государства, подверглась страшным опустошениям, от которых не могла долго оправиться; от прежних стен ее не осталось и следа. В половине XVI века она была маленьким городком, окруженным деревянными укреплениями, и имела не более 150 домов [313]). К менее значительным по величине городам причисляются в XVI в. Вологда и Ярославль; последний Флетчер называет самым красивым

[312]) Olearius, 287.—Struys, 154.

[313]) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 207.—Petrejus, 381.—Mayerberg, II, 74.

по местоположению. Вологда имела крепость; но оба эти города были гораздо важнее в торговом отношении. Значение Вологды увеличилось особенно с того времени, как открылась торговля с англичанами чрез Белое море: выгодное положение на торговом пути между гаванью св. Николая и Москвой делало ее важным складочным пунктом в этой торговле. По описанию англичан, Вологда довольно большой город; посад его весь состоит из деревянных зданий, не исключая и церквей; крепость окружена красною и высокою каменною стеною; в ней много церквей, между которыми есть каменные. В городе живет много богатых купцов. Благодаря его торговому значению там всегда бывает большое стечение народа, особенно осенью, когда происходит движение товаров между Москвой и гаванью св. Николая; купцы, направляющиеся от Белого моря к Москве, доплыв до Вологды, ждут здесь открытия санного пути, чтобы двинуться к столице[1]).

В XVII в. на двух противоположных окраинах Московского государства с важным торговым значением являются два города: один новый—Архангельск, другой старый—Астрахань. Архангельск, по описанию Олеария, построен при устье Двины, там, где она разделяется на два рукава и омывает остров Подземский (Чудожерский). Сперва корабли входили в левый рукав Двины, при монастыре св. Николая; в этом месте, столь важном в торговле XVI в., было маленькое поселение, состоявшее, по описанию английского посла Рандольфа, из четырех русских домиков и одного, принадлежавшего английской компании; эти дома расположены были подле деревян-

[1]) Hakluyt, I, 348 и 349. 424.—Carlisle, 107.

ных стен монастыря, в котором было не более 20 монахов. Но когда устье левого рукава обмелело от наносного песку, а правый рукав сделался глубже, то корабли стали входить в последний, и здесь в 1584 г. основан был новый город. Горсей, проезжая здесь в 1584 г., видел только небольшую крепость [815]), которой управлял князь Василий Андреевич Звенигородский; при нем было несколько стрельцов. Скоро около крепости образовался посад, благодаря торговому значению этого места. По описанию Олеария, город не велик, но знаменит обширною торговлей; ежегодно голландские, английские и гамбургские корабли приходят туда с разными товарами; к этому времени съезжаются сюда купцы со всего государства, особенно немцы из Москвы с русскими товарами [816]). Астрахань по описанию того же Олеария, расположена на песчаном острове Долгом, при главном рукаве Волги, в 12 милях от ее впадения в море. Иоанн IV, завоевав Астрахань, обнес ее толстою каменною стеною; при Алексее Михайловиче город был распространен; в нем возникла новая часть, где поселены были стрельцы, отчего она и названа Стрелецким городом. Штраус называет Астрахань одним из лучших городов Московии, как по величине, так и по красоте. Она имела более 1.000 саженей в окружности. Издали, с Волги, город представлял очень красивый вид, благодаря множеству каменных башен и колоколен; но вблизи впечатление переменялось, наблюдатель видел массу почти только деревянных зданий, дурно построенных. Крепость снабжена сильным гарнизоном и пушками, которых было более 500;

[815]) The new castle called Archangel Hakluyt, I, 530.
[816]) Hakluyt, I, 422.—Olearius, 114.

гарнизон состоял из 9 стрелецких приказов, по 500 человек в каждом. Находясь на границе двух частей света, Астрахань служила средоточием обширной торговли; сюда стекались купцы из разных стран Европы и Азии; на гостином дворе в Астрахани Авриль встретил представителей почти всех наций мира. Армяне занимали в Астрахани целое предместье; кроме того, сюда приезжали Бухарцы, Персияне, Черемисы, крымские и ногайские Татары, даже Индейцы [317]).

Большая часть крепостей Московского государства и в XVII в. имела деревянные укрепления; каменные укрепления имели, кроме столицы, следующие города, как их перечисляют Маржерет и Мейерберг: Борисов, Смоленск, Можайск, Иван-город, Новгород-Северский, Псков, Новгород-Великий, Нижний, Коломна, Казань, Астрахань, Порхов, Вологда, Путивль и Тула [318]).

Чем более поражал своею громадностью и многолюдством главный город Московского государства, находившийся в центральной его области, тем заметнее был недостаток больших городов в других областях. Если и во внутренних областях было много городов, едва заслуживавших это название, то еще менее заслуживала его большая часть городов, бывших на окраинах государства. Мы имеем несколько указаний на то, каковы были эти города в северных областях. Пустозерск, по одному английскому известию, имел в XVII в. от 80 до 100 домов; в городке Печере было всего три церкви; другой городок Устьцильма состоял из 60 домов; в Коле была всего одна

[317]) Olearius, 318 и след. — Struys. 165. — Avril, 96 и 103.
[318]) Маржерет, 34. — Mayerberg, 11, 62 и 63.

улица, состоявшая из низких деревянных домиков, покрытых рыбьими костями [319]).

Что касается вообще до характера городов в Московском государстве, то иностранцы замечали, что количество населения в них гораздо меньше, нежели сколько можно было бы предполагать, судя по количеству зданий. Это происходило от того значения, какое имел город в Московском государстве: он был прежде всего огороженным местом, в котором окрестное население искало убежища во время неприятельского нашествия. Чтоб удовлетворить этой потребности, так часто возникавшей благодаря обстоятельствам, среди которых слагалось государство, города должны были иметь большие размеры, нежели какие нужны были для помещения их постоянного населения,—и мы знаем, что окрестные землевладельцы и монастыри имели в городах «осадные» дворы, куда они перебирались с своими пожитками в случае неприятельского нашествия. Поссевин, говоря о числе жителей в некоторых городах, делает оговорку, что столько бывает в них жителей, когда нет войны. Эта оговорка была необходима: в случае нападения неприятелей окрестное население с движимым имуществом сбегалось в ближний город, который вследствие этого непомерно наполнялся. Сколько собиралось в таких случаях народа в городах, видно из того, что одних погибших от пожара в Москве во время крымского разгрома в 1571 году полагали до 800,000 человек. Но мы напрасно стали бы искать в русском городе XVI или XVII века тех основных черт, которые мы привыкли соединять с понятием евро-

[319]) Мильтон, «Исторія Московіи» («Отеч. Зап.», т. CXXXI, отд. I, стр. 106 и 107).

нейского города как центра, в котором сосредоточивается торговое и промышленное население известного округа. В Московском государстве, как стране преимущественно земледельческой, где в такой степени преобладала первоначальная промышленность и так слабо развито было ремесло, очень немногие города подходили сколько-нибудь под понятие города в европейском смысле; остальные вообще только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры; но большинство населения их промышляло теми же занятиями, как и окрестные сельские жители. В стране, где так еще слабо было разделение труда, где каждый старался по возможности сам удовлетворить своим ограниченным потребностям, ремесленный труд не мог достигнуть значительного развития и цениться дорого. Иностранцы говорят, что только в Москве можно было найти несколько опытных мастеров по разным ремеслам, да и те были большею частью Немцы; в других городах почти не было никаких мастеров, кроме сапожников и портных. По свидетельству Герберштейна, промышлявшие ручным трудом по найму получали в Москве $1^1/_2$ деньги за дневные работы, мастера по 2 деньги; о золотых дел мастерах он говорит, что труд их вообще ценился очень дешево. Гваньини прибавляет к этому, что когда жизненные припасы дорожали, труд мастеров еще более падал в цене, так что умелыми работою они едва могли заработать себе хлеба на день [219]). Наконец, мы знаем, что большая часть новых городов и городков Московского государства возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по

[219]) Buchau, 245.—Herberstein, 40 и 42.—Guagnini, 179.

распоряжениям правительства. Эти причины и производили то любопытное явление, что даже в XVII в. в описях многих городов перечисляются дворы служилых людей, пашенных людей, но о посадских, торговых и ремесленных людях говорится, что их нет.

XI.

Торговля.

Из неразвитости искусств и ремесл и из преобладания промышленности первоначальной можно уже заключать, какие предметы торговли ставила на рынок страна и в каких сама нуждалась: ставила продукты земледелия, меха и вообще сырыя произведения, нуждалась преимущественно в произведениях непервоначальной, мануфактурной промышленности, в предметах роскоши и культуры. Главными торговыми городами на севере и в XVI в. оставались Новгород и Псков, имевшие значение преимущественно как посредствующие рынки, чрез которые страна отпускала на запад свои товары и получала иностранные. Во второй половине XVI в. важным торговым пунктом сделалась гавань св. Николая при устье Северной Двины, благодаря открытию торговых сношений с Англией. Затем следовали Вологда и Ярославль, имевшие важное значение и во внутренней торговле. На юге, во второй половине XVI в., государство приобрело важный для восточной торговли город Астрахань. В XVII в. Астрахань и Архангельск были главными пунктами внешней торговли Московского государства. Москва имела значение преимущественно как центр внутреннего торгового движения. Впродолжение всей зимы привозили сюда из окрестных мест дрова, сено, хлеб и другие

предметы; в конце ноября окрестные жители убивали своих коров и свиней и во множестве свозили их замороженными в столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой, как камень, что очень дивило иностранцев [220]). Цены этих товаров, свозившихся в Москву, казались иностранцам необыкновенно дешевыми. Барбаро говорит, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; за один марк (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса; 70 кур стоили червонец; по словам Іовия, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребывания Контарини в Москве 10 венецианских стар (30 четвериков) пшеницы стоили червонец; так же дешево продавался и прочий хлеб; три фунта мяса стоили один сольд, 100 кур или 40 уток — один червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов [221]). Контарини видел на Московских рынках много зайцев, но другой дичи почти совсем не было видно. Герберштейн говорит, что мера хлеба продавалась в Москве по 4 и по 6 денег. Можно верить такому обилию припасов на московских рынках и их дешевизне, зная, что Москва была главным средоточием внутреннего торгового движения страны. Англичане писали, что по дороге от Ярославля к Москве они видели иногда до 700 или 800 возов с хлебом и соленой рыбой, направлявшихся в столице; туда же ехали за хлебом жители отдаленного севера и везли с собой на продажу рыбу, меха и кожи [222]). С другой стороны направлялись к Москве Татары с юга

[220]) Контарини, 109.—G. de Lannoy, 22.

[221]) Сольд $^1/_{100}$ червонца и $^1/_{20}$ ливра.

[222]) Іовий, 49—Herberstein, 58.—Clemens Adam в «Rerum Moscovitarum auctores varii.» p. 150.

по Волге, Оке и Москве-реке. До завоевания Астрахани из Москвы ежегодно ходило сюда несколько судов за солью и рыбой. С присоединением Астрахани к Московскому государству, это движение по Волге должно было оживиться и принять большие размеры. В 1636 году Олеарий видел на Москве-реке много больших судов, шедших из Астрахани к столице с медом, солью и соленой рыбой. Из внутренних областей суда отправлялись к Астрахани весной, в полую воду, когда судоходство по рекам не встречало таких затруднений в мелях, как летом. Около Саратова тот же путешественник встретил две большие барки, шедшие из Астрахани; на каждой было по 400 работников. Одна принадлежала патриарху и везла разные жизненные припасы; другая была царская с икрой [323]). По Волге шло самое оживленное торговое движение; в речной области Волги указываются и важнейшие пункты внутренней торговли. В двух милях от города Мологи, вверх по реке Мологе, по берегу ее, при церкви, которая вместе с развалинами крепости осталась от находившегося здесь прежде Холопьего города, бывала самая многолюдная, по словам Герберштейна, ярмарка в целом государстве, куда, кроме Шведов, Ливонцев, Русских, съезжалось много Татар и других иностранцев из отдаленных северных и восточных стран. Торговля здесь была исключительно меновая: стрелы, ножи, ложки, топоры, готовые одежды и другие подобные вещи меняли преимущественно на меха. Ярославль славился своей торговлей, главными статьями которой были кожи, сало и хлеб; там продавался также воск кругами, хотя этот товар в большем количестве являлся

[323]) Olearius, 272, 278 и 300.

на других рынках. Герберштейн говорит, что Дмитров лежит на р. Яхроме, впадающей в реку Сестру, а последняя впадает в Дубну, приток Волги; вследствие этого в Дмитрове жило много богатых купцов, которые привозили товары с востока Каспийским морем и Волгой и рассылали их по городам Московского государства. Агенты Английской компании писали, что из областей по Верхней Волге каждое лето ходило к Астрахани до 300 больших и малых судов за солью и рыбой. Некоторые из этих судов были в 500 тонн [324]). По значению в торговле первое место после Волги занимала Северная Двина, поддерживавшая торговые связи отдаленного северного края с внутренними областями государства. В системе Северной Двины также были пункты важные во внутренней торговле России. Такова была Вологда, о которой один агент Английской компании писал, что нет города в России, который не торговал бы с ней. Преобладающими предметами на вологодском рынке были лен, пенька и сало. На значение Вологды, как средоточия торгового движения по Северной Двине, указывает и другое английское известие, что Вологодским купцам принадлежала большая часть насадов и дощаников, плававших по Северной Двине, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду. Одной из главных статей промышленности и торговли северного края были меха; важным рынком меховой торговли был Устюг Великий. По свидетельству Ловия, сюда съезжались промышленники из Перми, Печоры, Югории и других отдаленных краев, привозя с собою разные меха. На первое место в торговле мехами и другими произведениями севера заступали

[324]) Herberstein. 50 и 57.—Hakluyt. I. 408.

Холмогоры: сюда на зимнюю никольскую ярмарку привозили на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска редкие и дорогие меха собольи, куньи, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые. Этот же город в изобилии снабжал северный край солью и соленою рыбой. Из поволжских городов значительную торговлю мехами производила Казань [225]). О меховой промышленности находим некоторые любопытные подробности у иностранцев XVI в., преимущественно у Герберштейна. Ловию объясняли прежнюю дешевизну мехов тем, что жители отдаленного севера по простоте своей прежде часто меняли их на самые дешевые вещи московским купцам; так жители Перми и Печоры, по его словам, еще недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть их в отверстие топора, куда влагается топорище. Собольи меха ценились по густоте, черноте и длине волоса, также по времени, в которое пойман был зверь. Герберштейн слышал, что в Москве бывали иногда собольи меха, продававшиеся по 20 и по 30 золотых, или рублей, но ему самому не удалось видеть такие. В XVII в. некоторые собольи меха продавались в Москве рублей по 100 и более; самые маленькие стоили 1 рубль. Горностаевые продавались по 3 и по 4 деньги за шкуру; лисьи, особенно черные, из которых преимущественно делали шапки, ценились очень дорого; иногда десяток продавали по 15 рублей. Беличьи меха привозили связками, по 10 шкурок в каждой; из них две были самые лучшие, три похуже, четыре еще хуже и одна последняя самая дурная; каж-

[225]) «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 151.—Hakluyt, I, 264.—Барбаро, 60.

дая порозь продавалась по 1 или по 2 деньги. Бобровые меха были в большой цене, ими обшивали полы верхнего платья. Меха домашних кошек носили женщины. Из теплого песцового меха делали преимущественно одежды для дальних зимних поездок. По известиям XVII в., в Москву привозили по Волге много барашковых шкурок, очень волнистых, которые ценились довольно дорого [326]).

Герберштейн в географическом очерке страны указывает и торговые пути от Москвы на север. Из Москвы через Переяславль лежал путь к Костроме, Ярославлю и Угличу. Уже здесь не знали точно расстояний, по причине множества болот и лесов; то же замечание постоянно повторяется при описании страны далее на север. От Ярославля шел прямой путь к Вологде, а оттуда к Устюгу, от которого по Двине шел прямой водный путь на север; но кратчайший путь из Вологды в Двинскую область был на реку Вагу. На Белоозеро из Москвы было два пути,—кратчайший зимний чрез Переяславль на Углич и летний на Ярославль, но и тот и другой были очень неудобны, особенно летний, по причине множества лесов, болот и рек, чрез которые во многих местах надо было делать мосты и гати; трудность этих путей за Волгой увеличивалась еще тем, что они проходили большею частью по малолюдной стране, где земли почти не обрабатывались и редко попадались жилые места. В Вятку было также два пути: один кратчайший через Кострому и Галич, но более трудный и опасный, по причине болот и лесов между Галичем и Вяткой и разбойничества бродивших здесь Черемис; другой более длинный, но и более безопасный шел на Вологду и Устюг. В Пермь сухим

[326]) Tanner, 104.

путем ездили только зимой; летом ехали туда на Вологду и Устюг, откуда плыли по Двине в Вычегду [827]). Ехавшие из Перми в Устюг плыли вверх по Вышере и, проплывши чрез несколько рек, при чем иногда надо было перетаскивать лодки из одной реки в другую сухим путем, приплывали наконец к Устюгу. Огромность расстояний и характер поверхности земли делали сообщения в северных странах крайне затруднительными и медленными. Летом ездить сухим путем было большею частью невозможно, потому должно было плыть реками, хотя от этого путь иногда очень удлинялся. Понятно, какое значение для торговли имела в этих странах зима с своими снегами и льдами. Кроме оленей для перевозки тяжестей на севере употребляли, по свидетельству Герберштейна, больших собак, запрягая их в сани. Зимой, говорит Контарини, на русских санях, запряженных в одну лошадь, весьма легко перевозить всякие тяжести, тогда как летом езда почти невозможна от большой грязи и множества мошек. Сани, по описанию того же путешественника, были очень похожи на дом и запрягались обыкновенно в одну лошадь, которая везла их с необыкновенною скоростью.

Торговое движение на юге едва ли встречало меньше затруднений, чем на севере; путь по безводной и безлесной степи был часто так же труден и опасен, как и путь по лесным и болотным пространствам севера. Ранние известия говорят нам о сильном развитии торговли по

---

[827]) Въ житіи Стефана Пермского указывается последній путь: «всякому хотящему шествовати въ Пермскую землю удобственъ путь есть отъ града Устьима рекою Вычегдою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь». Соловьевъ, «Исторія Россіи», IV, 264.

широкому водному пути, который представляла Волга; но те же известия говорят и о развитии разбойничества на ней. Со второй половины XVI в. юго-восточные степи начали населяться из Московского государства; при сыне Иоанна Грозного явились на Волге города: Шанчурин, Саратов, Переволока, Царицын; таким образом путь к главному торговому городу на юге более и более очищался; но как медленно совершалось это, можно видеть из сравнения известий очевидцев о путешествии из Астрахани в Москву в конце XV и в конце XVI в. Контарини, проехавший в 1476 г. по этому пути с большим купеческим караваном, пишет, что ехали в большом страхе, поминутно ожидая нападения, особенно там, где Дон подходит на ближайшее расстояние к Волге, через которую переправлялись на плотах, наскоро сработанных в ближнем леску; в степи почти не было видно следов дороги; путники ограждались на ночь повозками в виде крепости и ставили караульных; ехали 47 дней. Очевидцы рассказывали Поссевину, что в обширных пустынях между Астраханью и Москвой путешественники иногда по целым месяцам остаются без хлеба, питаясь рыбой и дичью [***]). От Астрахани до Казани плыли по Волге 10 дней. Другой водный путь для торговли Москвы с магометанскими странами шел по Дону. По словам Герберштейна, при Данкове, старом и разрушенном городе, нагружались суда, отправлявшиеся в Азов, Кафу и Константинополь; эта нагрузка происходила обыкновенно осенью, в дождливое время года, потому что летом Дон здесь мелководен и не поднимает значительных судов с грузом. До Азова плыли отсюда

[***]) Контарини, 91—104.—Possevino, 12.

20 дней. В Азове собирались купцы из разных стран. По словам Ласскаго, здесь турки и татары производили торговлю с московскими купцами, выменивая у них меха на шелковые и шерстяные материи и драгоценные камни [329]). От Азова в 5-ти днях пути находился Перекоп; но сюда из Москвы ездили другим путем, чрез Путивль; путь этот был сопряжен со многими неудобствами, затруднявшими торговое движение. По словам Герберштейна, в здешних пустынях, при переправе чрез реки, на путников часто нападали бродячие Татары и уводили их в плен. Михалон также говорит, что когда купцы, для избежания двойной переправы через Днепр и платы литовской пошлины, оставив старую дорогу чрез литовские владения, направляются из Тавриды прямо в Москвию чрез Путивль или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то часто делаются добычей бродящих в тех местах разбойников [330]). Михалон называет путь из Тавриды чрез Литовские владения старою дорогой торговли с Крымом. Эта дорога шла на Киев, который, по своему положению на третьей главной реке восточной Европы, текущей на юг, имел важное значение в восточной торговле. По словам Михалона, Киев изобиловал иноземными товарами, ибо для всего, что привозилось из Персии, Индии, Аравии, Сирии на север в Москву, Псков, Новгород, в Швецию и Данию, не было, по его словам, другой более верной, прямой и известной дороги, как от порта Эвксинскаго моря, т. е. от Кафы через ворота Тавриды и Тованский перевоз на Днепре

[329]) Herberstein. 48 и 49. — «Historica Russiae Monumenta», I. № CXXIII

[330]) Михалон, 67.

и потом через Киев. Этой дорогою часто ездили иноземные купцы, собираясь большими караванами человек по 1000, с повозками и верблюдами. Как иногда была верна и безопасна эта прямая дорога, как называет ее Михалон, можно видеть из его же замечания, что упомянутые караваны, приносившие большие выгоды киевским воеводам, купцам, менялам, лодочникам и проч., были выгодны и тогда, когда проходили в зимнее время по полям и их заносило снегом; таким образом случалось, что грязные киевские хижины наполнялись дорогими шелковыми тканями, мехами, ароматами и проч., так что,—добавляет Михалон,—я находил там шелк, продававшийся дешевле льна в Вильне, а перец дешевле соли [331]).

Навстречу торговому движению Крыма на Киев шло торговое движение из Московского государства по Днепру. Контарини говорит, что в Киев съезжалось множество купцов из Великой России с мехами, которые они отправляли в Кафу [332]). Герберштейн указывает сборные пункты этого движения по Днепру: на верхнем течении Днепра, там, где с ним соединяется Днепрец, нагружались суда товарами из Москвы и Холопьего городка и отправлялись в Литву; недалеко оттуда находился монастырь св. Троицы, где купцы останавливались. Под Вязьмой течет речка того же имени, которая в двух верстах ниже впадает в Днепр; по ней суда, нагруженные товарами, одни отправлялись от этого города в Днепр, а другие приходили сюда из Днепра, поднявшись вверх по его течению [333]).

[331]) Там же.
[332]) Контарини, 21.
[333]) Herberstein, 52.

Иностранцы сообщают несколько известий о состоянии средств сообщения в Московском государстве. Сообщение между Москвой и пограничными городами производилось посредством ямов. Это были местечки с одним или несколькими дворами, которые поставлены были по большим дорогам от важнейших пограничных пунктов к столице. По словам Горсея, при Иоанне Грозном построено было в пустынных и диких краях государства до 300 ямов. Каждому ямщику давался участок земли с обязательством держать известное число ямских лошадей; за то он был освобожден от прочих повинностей. Олеарий прибавляет, что ямщикам выдавалось еще денежное жалованье рублей по 30 в год. Ямские дворы становились на расстоянии 6, 10, даже 12 миль один от другого. Между Москвой и Вологдой, на расстоянии 500 верст, было 14 ямов. Ямские лошади предназначались собственно для государевых гонцов и вообще людей, ехавших по казенной надобности; но из донесений англичан, торговавших в России, видим, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, как русские, так и иностранные, имея при себе вид из приказа и платя известные прогоны. Рейтенфельс говорит, что почтовых лошадей мог брать всякий за небольшую плату. О почтовых прогонах находим известие у Герберштейна: за 10 или 20 верст платили обыкновенно 6 денег. Спафари рассказывает Невилю, что при кн. В. В. Голицыне, для облегчения административных и торговых сношений с Сибирью, предпринято было провести кратчайшим путем от Москвы до Тобольска ряд ямов на расстоянии 10 миль один от другого, назначив в каждый ям на первый раз по 3 лошади, так чтобы этими лошадьми могли пользоваться и частные лица, проезжающие по своим делам

в Сибирь или из Сибири, платя по 3 коп. за 10 верст. Ямщик выезжал летом на небольшой телеге, запряженной в одну лошадь, а зимой на небольших санях, также в одну лошадь. Ездили очень быстро, особенно зимой: от Архангельска до Вологды ездили зимой на санях 8 суток, а от Вологды до Москвы не более 5 суток из Новгорода в Москву ездили на ямских лошадях летом 6 или 7 суток, зимой 4 или 5 суток; слуга Герберштейна проехал этот путь верхом в 72 часа; такая быстрота, добавляет Герберштейн, тем более удивительна, что лошади здесь очень малы и содержатся гораздо хуже, нежели у нас. Особенно быстро производилось движение по казенной надобности; благодаря этому, государь, по словам Петрея, каждую неделю получал новые известия о том, что делалось на отдаленных границах его государства. Чтобы не было остановки при смене лошадей, ямщики, подъезжая к яму, производили громкий свист, на который из двора тотчас выводили свежих лошадей. Когда Герберштейн, в качестве иностранного посла, ехал из Новгорода в Москву, на всех ямах ему выставляли по 30, 40, 50 лошадей, тогда как ему нужно было не более 12; потому каждый из его свиты мог выбирать себе любую лошадь. Если лошадь утомлялась или падала, не достигнув яма, можно было взять другую из ближайшего селения или у первого встретившагося проезжего, исключая государева гонца; ямщик должен отыскать лошадь, оставленную на дороге, также взятую у кого-нибудь лошадь возвратить хозяину, заплатив ему при этом прогонные деньги. Из слов Олеария видно, что кроме ямщиков извозом занимались и простые крестьяне; Олеарий говорит, что езда на обывательских лошадях очень дешева, что каждый крестьянин согла-

сится везти 50 миль за $1^1/_2$ или по большей мере за 2 рубля [334]). По словам Дженкинсона, по русским дорогам зимой легко было проехать 500 верст в трое суток; зато летом езда была чрезвычайно затруднительна и медленна. Движение затруднялось обширными лесами, в которых дорога часто не была хорошо проложена, шла по пням недавно срубленных деревьев; но более всего затрудняли движение летом многочисленные топи и болота, на которых, и то не везде, делались плохие гати и мосты. На пути от Москвы до Смоленска Таннер насчитал 533 моста; в иных местах на протяжении 4 миль попадалось больше 40 мостов. Эти мосты делались из толстых бревен, плохо связанных между собою, и тянулись иногда на целую милю; переезд по ним на тяжелом экипаже был очень опасен. Невиль встречал гати, тянувшиеся верст на 12, плохо поддерживавшиеся и чрезвычайно неудобные для езды. Нередко встречались на дороге болота и речки, на которых не было и таких мостов и гатей; путешественники должны были сами рубить лес и кой-как настилать мост. На больших реках большею частью делались плавучие мосты; при проезде польского посольства в 1678 г. по такому мосту в Дорогобуже тяжелые экипажы погружались в воду до половины. Понятно, как медленно совершалось движение по таким дорогам: Невиль говорит, что летом можно было проехать не более 4 или 5 миль в сутки [335]). При таком

[334]) Herberstein, 41. — Buchau, 251. — Hakluyt. I, 293, 349 и 408. — Горсей в «Биб. для Чт.», 1855 г., № 6, стр. 7. — Petrejus, 316. — Olearius, 48, 117 и 184. — Рейтенфельс, 45. — Tanner, 33. — Neuville, 222.

[335]) Lyseck, 29. — Tanner, 38, 108 и 113. Ср. «Дневник польских послов» в «Сказаниях современников о Димитрии Самозванце», ч. IV, стр. 116. — Carlisle, 31. — Neuville, 35.

состоянии путей сообщения летом понятно значение, какое имели большие реки, идущие во все почти стороны из средины Московского государства и заменявшие для торгового движения те удобства, какие доставляла ему зима. Торговое движение по большим водным путям производилось посредством больших судов с двумя рулями, но с одним парусом, который действовал только при попутном ветре. На севере, между Холмогорами и Вологдой товары перевозились летом на стругах, дощаниках и насадах. По описанию Дженкинсона, насады были длинные и широкие плоскодонные суда, погружавшиеся в воду фута на 4 и вмещавшие в себе до 200 тонн груза. Эти суда строили только из дерева, вовсе без железа; при сильном попутном ветре они плыли с помощью паруса; в противном случае, плывя вверх по реке, шли бичевой, которую тянули до 70 дюжих работников, между тем как другие стояли на самом насаде с длинными баграми в руках и направляли его ход. По Северной Двине и Сухоне ходило много таких судов; большая часть их принадлежала вологодским купцам. Подобные же суда ходили по Волге и ее большим притокам. По небольшим рекам, напр., Москве, ходили обыкновенно струги тонн в 30. По словам Рандольфа, английская компания построила для плавания по Волге барку в 27 тонн; ее постройка и снаряжение стоило компании не больше 100 марок. Во время Олеария по Волге ходили струги тонн в 800 и даже в 1.000. Английские купцы ездили от гавани св. Николая в Вологду водой 14 суток; от Вологды до Ярославля ехали сухим путем двое суток; от Ярославля до Астрахани по Волге 30 суток; таким образом весь путь от Николаевской пристани при устье Северной Двины до Астрахани совершали летом в 46 суток. Движение по

Москве-реке Герберштейн называет не совсем удобным; Олеарий проехал по ней к Коломне 120 верст в 24 часа, плывя безостановочно. Гораздо тяжелее и медленнее было плавание вверх по рекам: это происходило от того способа, которым двигали суда вверх по большим рекам, наприм., по Волге: бросали якорь на четверть мили впереди; люди, помещавшиеся на барке, которых на больших судах было человек по 200 и более, тянули за веревку, к которой был привязан якорь; таким образом им удавалось в день продвинуть барку не далее 2 миль вперед [226]).

Иностранные путешественники сильно жалуются на бесчисленные затруднения, с которыми соединено было путешествие по Московскому государству. Многие из этих затруднений происходили от редкого населения страны: постоялые дворы попадались редко; в селах не всегда можно было достать хлеба за деньги. На пути от Холмогор до Вологды по Двине Дженкинсону не пришлось побывать ни в одной избе; путешественники останавливались на берегу реки, под открытым небом, и здесь готовили пищу из запасов, взятых с собою. Дженкинсон советует всякому, предпринимающему поездку по России, непременно иметь при себе топор, огниво с трутом, котел и пищу на всю дорогу, потому что всего этого обыкновенно нельзя достать на дороге. Путешественнику грозила опасность от хищных зверей, а еще более от лихих людей, которые промышляли по большим дорогам. В лесах по дороге не редко встречались кресты на могилах путников, убитых разбойниками. Корб видел такой крест в

[226]) Hakluyt, I, 348. 408 и 423.— Struys. 146.—Olearius. 272 и 281.—Neuville. 215.

лесу между Москвой и Можайском; под ним схоронено было 30 человек, погибших в одно время от разбойников. То же было и по рекам, особенно Волге; путешественнику указывали на Волге множество местностей, прославленных рассказами о разбоях степных кочевников и козаков; ему нередко приходилось испытывать на себе справедливость этих рассказов. На английскую барку, плывшую в 1658 году по Волге, в Персию, напало недалеко от Астрахани до 300 Ногаев, на 18 лодках, и только после двухчасового боя удалось англичанам, при помощи огнестрельного оружия, прогнать разбойников. На возвратном пути из Персии в 1573 году, близ устья Волги тех же англичан встретили русские казаки в числе 150 человек, вооруженных топорами и пищалями; они прикинулись мирными людьми, обманом взошли на корабль и начали резню, которая окончилась тем, что англичане сдали им свой корабль со всеми товарами, взяв с разбойников клятву, что они отпустят их живыми [337]).

Стараясь завязать политические сношения с западноевропейскими государствами, московское правительство вместе с тем старалось завести с ними и деятельные торговые сношения. В половине XVI в. открылась торговля с англичанами; шведским купцам, которые во время Герберштейна могли торговать только в Новгороде, дано было право ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но через Россию в Индию и Китай, с условием, чтоб и русским купцам позволено было из Швеции отправляться в Любек, Антверпен и Испанию. Иоанн IV долго и упорно добивался гавани на Балтийском море и потратил огромные средства для достижения этой цели. Но

[337]) Korb. 37.—Hakluyt. I. 443—446.

если в Москве сознавали важность торговых связей с Западом и для упрочения их добивались приморской гавани, то такъ же ясно понимали выгоды от этого для Москвы и ее соседи, стараясь всеми мерами помешать ей в достижении ее целей. Московский государь,—писал Сигизмунд Август польский Елизавете английской,—ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и самые художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех; Вашему Величеству не безъизвестны силы этого врага и власть, какою он пользуется над своими подданными; до сих пор мы могли побеждать его только отому, что он был чужд образованности и не знал искусств; но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет, ему неизвестно [338]).

В одно время с расширением западной торговли Московского государства усиливалась его торговля и на востоке; главным пунктом этой торговли была Астрахань. В 1395 г. Астрахань была разрушена Тамерланом, что нанесло сильный удар ее торговле. Еще в конце XV века, когда через Астрахань проезжал Контарини, она состояла из нескольких небольших мазанок и была окружена низкими стенами, хотя кое-где видны были еще следы гораздо больших зданий [339]). Открытие морского пути в восточную Индию, грозившее торговым городам южной Европы большими потерями, заставило их искать нового пути в Индию с другой стороны, более удобной

[338]) Hakluyt, I, 378.
[339]) Контарини. 91.

для них, и при этом обратить внимание на забытую Астрахань. Примером того, какие планы строились по этому предмету, может служить рассказ Иовия об одном антрепренере, искателе восточного пути, генуэзском капитане Павле. Негодуя на Португальцев за то, что они одни скупали все благовония востока и по непомерным ценам продавали их в Европе и что благодаря им почти вовсе прекратилась выгодная для городов по Средиземному морю торговля с востоком через Евфрат и Персидский залив, он построил план нового пути для торговли с Индией. В XV в. Европа потеряла устье Танаиса, где был ее давний складочный пункт в торговле с востоком [310]), а потому Павел вел свой новый восточный путь от Риги на Москву, оттуда реками Москвой, Окой и Волгой в Астрахань, далее Каспийским морем к Стране (Астрабаду), оттуда рекою Оксом и через Паропамиз к реке Инду. Чтобы привести в исполнение свой план, предприниматель два раза ездил в Москву, просил у великого князя Василия поддержки, обещал его казне и подданным огромные выгоды, если этим путем удастся подорвать торговлю ненавистных Португальцев; но в Москве его не поддержали и широкий замысел остался без исполнения, послужив только поводом к отправлению в Рим московского посла Димитрия Герасимова в 1525 году [311]). Но если события на востоке повредили торговым сношениям южных городов Европы с восточными странами через Азов и Астрахань то восточная торговля Московского государства, вместе с утверждением и распространением его влияния на вос-

[310]) Вслед за Астраханью, в 1395 г., до основания разрушен был Тамерланом и Азов, а в 1471 г. он был завоеван Турками.

[311]) Иовий, 14—18.

токе, приобретала бо́льшую твердость и бо́льшие размеры. Во второй половине XV в. из Москвы ежегодно ходили по Волге в Астрахань суда за солью [342]). По словам Контарини, хан астраханский ежегодно отправлял к великому князю московскому посла за подарками; с этим послом обыкновенно отправлялся целый караван татарских купцов с джедесскими тканями, шелком и другими товарами, которые они меняли на меха, седла, мечи и другие нужные им вещи [343]). Вообще Астрахань и в XV в. была для Москвы важным посредствующим рынком в торговле ее с востоком. Из Дербента ездили в Астрахань купцы с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими товарами востока, и меняли их там русским купцам на меха и другие предметы, требовавшиеся в Дербенте [344]). В княжение Василия относительно восточной торговли принята была московским правительством мера, имевшая важное значение как для московских, так и для восточных купцов: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великий князь велел быть ярмарке в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческом острове, недалеко от города. Казанцы, конечно, много потеряли от этой меры, но не менее их потеряла в первое время и Москва, потому что во всех товарах, доставлявшихся Каспийским морем и Волгой из Персии и Армении, оказался на московских рынках большой недостаток и они очень вздорожали; особенно поднялась в

[342]) Барбаро, 57.
[343]) Контарини, 91.
[344]) Там же, 83.

цене волжская рыба [815]). Восточная торговля Московского государства по Волге должна была значительно усилиться, когда все течение этой реки вошло в пределы государства. Поссевин говорит, что восточные купцы стали меньше посещать Астрахань после ее присоединения к Московскому государству; это событие могло подвергнуть астраханскую торговлю некоторым колебаниям, но нельзя принять, чтоб явление, указываемое Поссевиным, действовал долго, как нельзя принять во всей силе английское известие, что Астрахань вовсе не такой значительный торговый город, как думают, что Русские привозят туда одни безделицы, как то: кожи, деревянную посуду, узды, седла и проч. Магометанские владельцы еще в царствование Иоанна IV, стараясь побудить султана к отнятию Астрахани у царя московского, указывали на огромный доход, который получал этот царь в Астрахани от таможенных пошлин [816]). Кроме указанных товаров, русские купцы отправляли в Астрахань хлеб и другие съестные припасы, также шерстяные и полотняные одежды, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки; оружие и железо можно было вывозить только тайком или по особенному разрешению начальства. В обмен на эти товары в начале XVI в. купцы джагатайские (из-за Аральского моря) снабжали русских в Астрахани множеством шелковых тканей, а татарские доставляли им

[815]) Herbertstein, 73.

[816]) Ханы хивинский и бухарский доносили султану: «въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему (царю московскому) в Астрахани тамги въ день по тысячѣ золотыхъ» (Соловьев, «Исторія Россіи», VI, 293) известие, без сомнения, очень преувеличенное, но показывающее, что было что преувеличивать.

лошадей и превосходные белые материи, не тканые, а сваленные из шерсти, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи. Лошадей они пригоняли в Москву и другие города табунами от 30,000 до 40,000. По английским известиям XVI в., из Бухарии привозили в Астрахань и Москву пряные коренья, мускус, серую амбру, ревень, хлопчатобумажные материи, шелк, краски, также меха, которые они скупали в Сибири. По известиям XVII в., с востока шли в Московское государство, кроме шелковых и хлопчатобумажных материй, ковры, парча, шелк сученый разных цветов, драгоценные камни и широкие сабли из Бактрии; драгоценные камни привозились в Москву с востока в таком количестве, что иностранцы из западной Европы дивились низким ценам, по которым они продавались в Москве: мелкие рубины, по словам Таннера, продарали фунтами, по 6 немецких флоринов фунт. Из товаров, шедших в Москву из Крыма через Киев, Михалон упоминает драгоценные камни, шелковые и золотом шитые ткани, ладан, фимиам, шафран, перец и проч. С Турками в XVII в. шла сухопутная торговля чрез Бессарабию: турецкие купцы привозили в Москву драгоценные камни и разные ткани и вывозили отсюда кожи, меха и белый моржевый зуб, из которого в Турции искусно делали рукоятки кинжалов. По английским известиям XVI в., купцы турецкие и армянские платили в Москве десятую деньгу со всех привозимых ими товаров, кроме того за вес по две деньги с рубля. В Астрахани, по свидетельству Олеария, торговые пошлины были очень умеренны; однакож их ежегодно собиралось там более 12,000 рублей. В заключение о восточной торговле укажем на известие о торговых сношениях Русских с Китаем во второй половине XVII в.:

по словам Коллинса, Русские привозили из Китая через Сибирь чай и бадьян (anisum indicum stellatum), который пили с сахаром от стеснений в груди и желудке; эти растения привозили в бумажных пакетах, по 1 фунту в каждом [317]).

В западной торговле Московского государства во второй половине XVI в. произошли важные перемены. Возникавшее стремление Московского государства к сближению с западной Европой, выразившееся в усилиях добиться берегов Балтийского моря, встретилось с стремлением морских западно-европейских государств в противоположную сторону—в богатые восточные страны; вследствие этого в западной торговле Московского государства образовались новые связи, явились новые деятели и новые рынки, давшие другое направление торговому движению. В конце XVI в. ревельский совет жаловался, что торговля Ревеля с Русскими падает, потому что ею завладели, ко вреду его и всех ганзейских городов, чужие нации. Кроме Шведов и Датчан, получивших право торговли в России, в Новгороде утвердились Голландцы с правом беспошлинной торговли. Но, без сомнения, всего более тревожили ревельских купцов Англичане. Известно, как начались торговые сношения с ними; средоточием этого торгового движения стала пристань в пустынном северном крае при устье Северной Двины. Компания лондонских купцов, составившаяся для торговли с Россией и утвержденная королем Филиппом и королевою Марией

[317]) Новый, 26.—Herberstein. 44.—Флетчер, гл. 19-я —Михалон, 67.—Hakluyt. I, 372, 352, 286.—Olearius. 319. —Mayerberg I. 88 и 89. II, 152.—Коллинс, 574. et Neville. 228.

в 1555 году, деятельно повела завязавшияся сношения с отдаленною Московией и старалась надежными средствами обеспечить успех своего дела. Инструкции, которыми она снабжала своих агентов в России, всего лучше показывают, в каком духе и с какими целями она действовала. В инструкциях 1555 года агентам предписывалось изучить характер Русского народа во всех его классах [248]), его нравы, обычаи, подати, монету, вес, меру, счет, товары, какие нужны этому народу и какие нет, чтобы вследствие незнания всего этого компания не потерпела какого-нибудь вреда или убытка; агенты обязаны были также остерегаться, чтобы никакой закон русский, ни религиозный, ни гражданский, не был нарушен ни ими, ни людьми их, ни моряками, ни кем-либо из англичан; смотреть, чтобы все пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискации товаров, чтобы все происходило покойно, без нарушения порядка в тех местах, где англичане будут торговать; агенты должны в Москве или другом каком-нибудь городе, или в нескольких городах, где будет выгоднее торговать, построить один или несколько домов для себя и всех своих людей, с магазинами, погребами и другими службами, и смотреть, чтоб никто из низших служителей не смел ночевать вне агентского дома без позволения. Агенты и факторы будут ежедневно собираться и советоваться вместе о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании. Агенты должны подробно заметить все роды то-

[248]) Hakluyt, I, 289: that all the saide agents do well consider, ponder and weigh such articles as bee delivered to them to know the natures, dispositions, lawes, customes, maners and behaviours of the people of the countiries where they shall traffike, as well of the nobilitie as of the lawyers, marchants, mariners and common people.

варов, которые могут быть с выгодой проданы в России, должны иметь постоянно в уме, как бы всеми возможными средствами узнать дорогу в Китай, морем или сухим путем [349]). В 1555 г. суда компании совершили второе плавание северным путем в Россию, и с тех пор компания ежегодно посылала к устью Северной Двины обыкновенно три корабля с английскими товарами в конце мая или в начале июня, чтобы к осени корабли могли возвратиться в Англию с русскими товарами. В 1582 г. отправлено было даже 9 кораблей. Один из агентов, Берроу [350]), советовал компании отправлять корабли из Англии в начале мая, потому что к концу этого месяца, когда корабли могли достигнуть гавани св. Николая, русские товары уже свозились туда по весеннему речному пути, а для тех товаров, которые появлялись на рынке позже этого времени, он советовал оставлять в Николаевской пристани один или два корабля. Приехав в гавань св. Николая, англичане помещали свои товары на английском дворе подле монастыря [351]). Из записок агентов компании видно, что торговое движение, открывшееся между Лондоном и гаванью св. Николая, произвело неблагоприятное действие на страны западной Европы, прежде торговавшие с Россией, и они старались помешать этим новым сношениям. Отправляя в 1582 г. 9 кораблей к гавани св. Николая, компания снабдила их сильной артиллерией и военными людьми под управлением адмирала и вице-адмирала, которым дала подробные инструкции, как действовать в случае встречи на

[349]) Hakl. 288—292. Копии льгот см. на стр. 295—298.

[350]) См. его записку у Гаклюйта, I. 513.

[351]) Ibid., 517.

пути с неприятелем [382]); к этому присоединялись неудобства и опасности северного морского пути: по словам агента Лена, со времени открытия торговых сношений Англичан с Россией северным путем, в 1560 г. корабли компании впервые возвратились в Англию благополучно, без всяких потерь и повреждений, из своей ежегодной поездки к гавани св. Николая [383]). Врагов компания встречала и в самой России: когда Ченслер приехал в Москву и вступил в переговоры о торговле Англичан с Россией, голландская компания в Новгороде обратилась к царю с письмом, взводя на Англичан разные клеветы и между прочим стараясь уверить царя, что это - морские разбойники, которых следует задержать и посадить в тюрьму. Узнав об этом, Англичане отчаялись даже возвратиться в отечество; но царь не поверил доносу и дело уладилось [384]). Пред приездом Бауса в Москву таже голландская компания хлопотала об уничтожении торговых льгот, данных Англичанам московским правительством, и приобрела себе в Москве друзей—Никиту Романовича, Богдана Бельского и Андрея Щелкалова, ибо, кроме ежедневных подарков этим советникам царским, Голландцы заняли у них столько денег по 25 процентов, что платили одному из них ежегодно по 5.000 рублей; английские же купцы не имели в это время при дворе ни одного доброжелателя [385]). С своей стороны, и Англичане старались иногда не совсем чистыми средствами помешать утверждению в Москве постороннего влияния,

[382]) Ibid., 511 и 512.

[383]) Ibid., 525.

[384]) «Rerum Moscovitacarum auctores varii», p. 150.

[385]) Hakluyt. I. 517.

которое находили для себя невыгодным. В 1582 г. Поссевин писал, что в бытность его в Москве английские купцы, здесь жившие [356]), подали царю записку, в которой «какой-то еретик» старался доказать, что римский первосвященник—антихрист; это заставило и Поссевина подать царю записку с целию оправдать папу от еретического обвинения. Агенты посылали компании донесения о ходе ее дел в России; письма, посылавшиеся с нарочными чрез континент и содержавшие в себе секретные извещения о мерах, которые могли бы дать компании в торговле с Россией перевес над купцами других стран, агенты должны были писать цифирью [357]). Компания прежде всего хлопотала о том, чтобы привлечь к себе русских торговых людей и захватить в свои руки все важнейшие товары России. Компания писала агентам, чтобы они предлагали русским купцам по возможности выгодную цену за их товары, чтобы эти купцы охотнее везли свои товары в Вологду к Англичанам, чем в Новгород к купцам ганзейским. Компания не даром хлопотала об этом: во время мира между Москвой и ее западными соседями оживлялись и торговые сношения между ними, конкурренция для Англичан усиливалась, вследствие чего цены на русские товары, особенно на воск, поднимались; на это именно жаловалась компания, указывая агентам своим, что все эти обстоятельства поведут к понижению цен на английские товары. Потому компания находила

[356]) Possevino, «Moscovia», p. 194. «Supplementum ad historica Russiae Monumenta», № CLXII: qui Anglici in ea civitate commercia continenter exercent, a vectigalibus ea aere immunes (?), ut semper eorum XII in Moscovia vivant.

[357]) Hakluyt. I, 336.

нужным обратиться к московскому царю с просьбой запретить движение русских товаров к Ревелю и Риге и направить его к Вологде и Холмогорам, за что компания готова была обязаться брать русские товары и продавать свои по выгодной для русских купцов цене; иначе, заключает компания в письме от 1560 года, нам не остается надежды на выгодное ведение дел в России [358]). Компания уговорила в Лондоне русского посла согласиться на ее просьбу о дозволении агентам ее покупать в России товары в долг и приказывала последним закупать этим или другим способом как можно более воску, не заставляя его долго лежать на руках продавцов, чтоб, с одной стороны, захватить весь этот товар в свои руки и снабжать им не только свою страну, но и чужие, а с другой—привлечь к себе русских купцов, облегчая им сбыт их товаров; слыша, что наибольшее количество воска, получавшегося в Данциге, Любеке и Гамбурге, идет из России чрез Новгород, Ригу и Ревель, компания надеялась таким образом отвлечь этот товар от помянутых рынков и направить его к Николаевской пристани и другим пунктам, где господствовали англичане [359]). С тою же целию компания предписывала агентам дать ей знать, какого рода шерстяные ткани привозятся в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое количество их можно сбыть в год, чтоб такое же могла заготовлять компания; также выслать всякого рода кожи, ибо компания слышала, что Немцы и Голландцы заку-

---

[358]) Hakluyt, 342.
[359]) Ibid., 335.

дают их в России большое количество[259]). Таковы были цели и приемы, с которыми английская компания вела свои дела в России.

Англия снабжала Россию чрез компанию не только своими, но и чужими произведениями. Из счета, предоставленного Иоанну IV агентами компании, видно, какие товары поставляли они ко двору: в 1574 году взято было у английских купцов для царя 12 пуд. сахару, по 8 рубл. пуд, и 200 стоп бумаги, по 20 алт. стопа; в 1576 г. взято меди на 1082 рубл., в следующ. году взято сукна разных сортов несколько кусков, в 1580 г. взято свинцу на 267 рубл. и 15 кусков толстого сукна на 210 рубл. [260]). В 1557 г. компания отправила в Россию 4 корабля с товарами, между которыми было 25 тюков толстого сукна, один тюк фиолетового и один алого, 40 тюков бумажной материи, 518 кусков гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочек олова. Компания обозначает цены и этих товаров: кусок толстого сукна 5 фунт. стерл. 9 шил., тонкого фиолетового 18 фунт. 6 шил. 6 пенс., алого 17 фунт. 13 шил. 6 пенс., тюк бумажной материи по 7 кусков в каждом, 9 фунт. 10 шил., кусок каразеи 4 фун. 6 шил. [261]). Из письма компании к агентам от 1560 г. узнаем, что она посылала в Россию бастр,

[259]) Hakluyt, 333 и 336. We must procure to utter good quantitie of wares, especially the commodities of our realme, although we afford a good penyworth, to the intent to make other that have traded thither, wearie, and so to bring our selves and our commodities in estimation etc.

[260]) Rod., 522 и 523.

[261]) Rod., 332.

изюм, чернослив и миндаль [863]). Англичане привозили в Россию оружие и лошадиную сбрую [864]). Горсей пишет, что он закупал в Англии для царя львов, позолоченные алебарды, пистоли, ружья и другое оружие, разные аптекарские снадобья, органы, клавикорды и другие музыкальные инструменты, кармин, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; в 1585 г. накупил таких вещей на 4.000 ливров [865]). Агент Гасс писал в 1554 г., чтобы компания доставляла Русским такие товары, которыми снабжали их Голландцы, именно голландские фландрские сукна, указывая на то, что английская компания может доставлять их через гавань св. Николая с меньшими расходами, нежели купцы голландские чрез Ригу, Ревель или Дерпт [866]).

Согласно с инструкциями компании, агенты ее скоро указали в России города, которые могли служить главными складочными пунктами для ее товаров и вместе лучшими рынками для покупки русских товаров. Джон Гасс доносил в 1554 г., что лучшим местом для склада английских товаров он считает Вологду, потому что это город большой, находящийся на удобном водном пути, в сердце России, окружен многими большими и хорошими городами, изобилует хлебом, вообще жизненными припасами и всеми русскими товарами, особенно льном, пенькой, воском и салом, все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или Новгороде; нет города в России, который не торговал бы с Вологдой; даже Москва не так

---

[863]) Ibid., 344.

[864]) Hakluyt, 340.

[865]) Записки Горсея в «Библ. для Чт.» 1865 г., № 6, стр. 19.

[866]) Hakluyt. I. 287.

удобна для компании в этом отношении, ибо там, благодаря пребыванию двора, компании придется тратить половину своих барышей на подарки царским чиновникам и другие расходы [868]). На основании этого донесения Гасса, компания устроила в Вологде контору. Другой важный пункт северной торговли находился почти на конце водного северо-двинского пути: это были Холмогоры. Здесь сосредоточивалось торговое движение северного поморского края. Сюда, по словам Гасса, на большую ярмарку в зимний Николин день свозились все роды товаров, какие производил северный край России, как то: тюлений жир, соль, рыба (семга и треска), ворвань, меха; ворвани, замечает Ченслер, в Двинском крае добывалось больше, чем в других местах России. Рыбу привозили сюда из Мурманского моря [869]), а меха—с Пинеги, из Лампаса и Пустозерска; промышленники этих мест скупали их у Самоедов и меняли холмогорским купцам на сукно, олово, медь и другие товары. Из Холмогор меха отвозили в Новгород, Вологду или Москву; в Новгород возили также с Холмогорской ярмарки в большом количестве тюлений жир и вяленую рыбу и сбывали там эти товары голландским и ливонским купцам [870]). Холмогоры, по словам Ченслера, снабжали Новгород, Вологду, Москву и все окрестности страны солью, добываемою из морской воды, и соленою рыбою. Жители Пустозерска и других приморских местностей промышляли ловлей моржей, из которых добывали ценный мор-

---

[868]) Ibid., 286.

[869]) Hakluyt, I. 286. their stockefish and salmon commeth from a place called Mallums, not farre from Wardhouse.

[870]) Ibid., 286.

жевый зуб; его вместе с другими произведениями севера возили на оленях в Лампас, а из Лампаса в Холмогоры [371]). Холмогоры так же, как и Вологда, скоро сделались важным складочным пунктом английской торговли; в конце XVI в. здесь жило много английских купцов, имея свою землю и прекрасные дома [372]). Кроме дворов в Вологде, Холмогорах и у пристани Св. Николая, у Англичан был еще двор в Ярославле; этот город был важным торговым пунктом на пути между Москвой и Вологдой; главные товары его были хлеб, кожи, сало и воск [373]). В Лампасе, откуда привозилось много товаров в Холмогоры, два раза в год бывала большая ярмарка, на которую съезжалось множество разноплеменного народа—Русских, Татар, Самоедов и проч. [374]).

Приведенные известия о северной торговле уже определяют отчасти, какие товары могла компания вывозить из России с наибольшими удобствами: это были преимущественно произведения северного края России, преобладавшие на упомянутых рынках Вологды и Холмогор. Компания скоро обозначила своим агентам, какие из этих товаров имели наибольший сбыт в Англии: это были воск, сало, ворвань, лен и пенька. Последнего товара компания предписывала не посылать в Англию в необработанном виде, потому что перевозка его обходилась компании слишком дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компания послала в Россию 7 канатных мас-

[371]) Ibid., 264.

[372]) Мильтон, «История Московии» (в «Отеч. Зап.», т. CXXXI, отд. I, стр. 107).

[373]) Hakluyt. I, 264

[374]) Hakluyt. 338.

теров, которых агенты должны были тотчас посадить за работу в Вологде или Холмогорах, снабдив их работниками и материалами; компания предписывала заготовлять как можно больше канатов, потому что, добавляла она, это главный русский товар, и приготовление канатов таким образом обойдется компании дешевле, нежели выписыванье их из Данцига. Согласно с этими предписаниями построен был дом в Холмогорах для канатного производства, и 8 мастеров ежегодно переделывали в канаты более 90.000 фунтов пеньки [378]). Из мехов наибольший сбыт имели в Англии беличьи, лисьи и куньи; компания предписывала высылать из России больше дешевых мехов и меньше дорогих, потому что последние трудно сбывались в Англии. Вообще меха далеко не составляли главной статьи в торговле компании с Россией; как на причину малого сбыта мехов в Англии, компания указывала в 1560 г. на распоряжение правительства не носить иноземных мехов. Напротив, увеличивался спрос на сало, и компания в том же году предписывала увеличить присылку этого товара, хотя бы пришлось возвысить несколько покупную цену его; она требовала, чтоб агенты ежегодно отправляли в Англию по 3.000 пудов сала [379]). Второстепенными статьями вывоза были мачты, смола и некоторые другие товары, перевозка которых обходилась компании слишком дорого. Но кроме товаров, появлявшихся в изобилии на русских рынках, компания старалась отыскать и захватить в свои руки такие товары, которые дотоле не имели важного значения во внешней торговле России, но о которых компания слышала, что

[378]) Ibid., 332 и 338.
[379]) Hakluyt, 333 и 342.

их можно добывать там в изобилии; так, компания предписывала агентам выслать образцы меди и железа, ибо она слышала, будто в России и Татарии добывается большое количество этих металлов; также прислать на пробу известное количество земель или трав или чего бы то ни было, чем Русские красят свои льняные и шерстяные материи, кожи и т. п., а равно выслать и те красильные вещества, которые Турки и Татары привозят в Россию, с описанием, как употреблять их при крашении; наконец, она посылала знающего человека для отыскания тиса в Пермской и Печорской областях, указывая на то, что эта статья хорошо пошла бы в Англии [377]). Соли компания не вывозила из России: предписывая агентам высылать из России значительное количество соленого мяса, компания посылала для этого соль из Англии, находя ее лучше русской [378]).

Мы видели, какие цены назначала компания некоторым английским товарам, которые она отправляла в Россию. О том, какие выгоды получала она от продажи здесь этих товаров, можно отчасти составить себе понятие по донесению агента Гудсона, который продавал в Нижнем Новгороде сукно, стоившее на месте 4 фунт. стерл., по 17 руб. за кусок, что, по его словам, составляло почти тройную цену [379]); в Москве товары, стоившие 6608 фунт., проданы были за 13,644. Другой агент не согласился про-

[377]) Ibid., 333 и 335.

[378]) Ibid 345. Ср. жалобу вологодских и бѣлозерских купцов в «Истории России» Соловьева. VII, 63.

[379]) Компания принимала русский рубль за 16 шиллинг. 8 пенс., хотя и замечала, что он стоит не больше 13 шиллинг. Hakluyt, I, 337.

дать русскому купцу сукно, стоившее компании около $5^1/_2$ фунт. за кусок, по 12 руб., надеясь получить больше [850]). В донесениях агентов компании находим несколько указаний на цены, по которым она покупала русские товары. Агент Келлингуорт покупал воск по 7 пенс. за фунт; пенька продавалась в Вологде в 1557 г. по $2^1/_2$ руб. за берковец, но в то же время другие агенты купили в Новгороде пеньки на 700 руб. по $1^1/_2$ руб. за берковец; белый новгородский лен продавался по 3 руб. за берковец. В том же году Англичане купили в Вологде 400 пудов сала за 77 руб., 17 берк. 6 пуд. 6 фунт. небеленого льна и пеньки за 28 руб. 11 алт. 2 деньги; в Холмогорах куплено в 1558 г. 13 пуд. 7 фунт. пеньки за 2 руб. 28 алт. 4 деньги. На цену ворвани в России нет указаний в донесениях агентов: но в 1560 г. компания жаловалась в письме к агентам, что в Англии цена на ворвань была не так хороша как прежде, именно, бочка продавалась по 9 фунт. стерл. [851]).

Утвердившись в гавани св. Николая, англичане проторили отсюда свои торговые предприятия в страны, лежащие на восток и запад от Белого моря, и оставили нам любопытные известия о промышленности и торговле на отдаленных северных окраинах Московского государства. Выше мы приняли известия агентов о торговом движении в стране на восток от устья Северной Двины; другие агенты сообщают известие о торговле на Мурманском берегу. Начало сношений компании с жителями

[850]) Ibid., 293.

[851]) Ibid., 295, 337, 338 и 344. См. цены привозных и вывозных товаров в Архангельске, по отпискам 1604 и 1605 годов, у Карамзина, т. X, стр. 234 и 235, примеч. 485.

этого края сделано было в 1557 году: агент ея Стефан Берроу, отыскивая пропавшие английские корабли, приплыл летом этого года в залив, недалеко от местечка Кегора, к северу от устья р. Колы, и встретил здесь несколько норвежских и голландских судов, пришедших сюда для менового торга с Русскими и туземцами, Лопарями и Корельцами. Голландцы привезли сюда серебряную посуду, ложки, позолоченные кольца, украшение для поясов, ожерелья с серебряными цепочками, сукна разных цветов и очень выгодно обменивали на эти товары или покупали у туземцев треску и семгу. Голландцы не хотели сказать английскому агенту, по какой цене покупали они здесь эту рыбу, но он узнал, что они брали по 100 штук трески за 1 доллар. Голандские купцы сказывали английскому агенту, что они ежегодно приезжали к Кегору, где добывалась лучшая треска, и с большою выгодой нагружали здесь свои суда этою рыбой. Корельцы и Лопари предлагали и англичанину купить у них рыбы, и когда последний сказал им, что он не за тем прибыл сюда, они просили его побывать у них на следующее лето. Берроу заметил им, что тогда у них не достанет рыбы, чтобы удовлетворить запросам голландских и английских купцов; но туземцы отвечали, что если больше будет приходить к ним кораблей, то и у них больше народа будет заниматься рыболовством, что и теперь для этого некоторые из них приезжают сюда на оленях издалека, но жалеют, что некому сбывать рыбу, и потому должны отдавать ее Голландцам по цене, какую назначат последние. Русским они продавали 24 рыбы (семги или трески) за 4 алтына. То же сказал агенту и московский чиновник, который собирал подать с Лопарей и пригласил Берроу в свою палатку. Он советовал Англичанам

начать торговыя сношения с туземцами, и на вопрос агента, какие товары всего лучше привозить сюда, отвечал: серебро, жемчуг, сукно, муку, крепкое пиво, вино, олово и золото. Агент обещал, что в будущем году сюда прибудет английский корабль,—и сношения завязались. Тот же агент в другом донесении писал, что в Кегор к 29-му июня сбиралось множество Русских, Норвежцев, Корельцев и Лопарей, и происходил большой меновой торг; туземцы выменивали на рыбу, рыбий жир и меха товары приезжих купцов. Главный надзор и сбор пошлины на этом торгу принадлежал московскому чиновнику; но кроме того здесь присутствовали с тою же целью чиновники датский и шведский. Прежде, чем открывался торг, московский чиновник осматривал товары у Лопарей и Корельцев, подвластных московскому государю, и давал им разрешение на продажу; то же делали и другие чиновники. Берроу добавляет, что за право рыболовства у Лапландских берегов, от монастыря на Печенге до монастыря св. Николая, подданные московского царя платили значительные суммы в казну. Добыванием рыбы и рыбьего жира у Лапландского берега занимались и Англичане: в 1577 г. рыболовы компании, имея при себе одну рыболовную лодку, поймали около 10.000 штук трески, что вместе с добытым из нее жиром доставило компании 320 фун. стерл.; кроме того английский корабль выменял у туземцев рыбьего жира и других товаров на 100 кусков сукна. Однакож агенты жаловались компании, что она не обращает достаточно внимания на торговлю с Лапландией и этим уступает преобладающее значение в той стране другим европейским промышленникам; один агент писал, что в 1574 году два английские корабля вывезли из Лапландии только 300 бочек рыбьего жира.

тогда как другие купцы, преимущественно голландские, купили там у Русских, Корельцев и Лопарей 1.183 бочки [282]).

В конце царствования Иоанна IV льготы английской компании были ограничены, но в царствование Феодора, благодаря приязни Бориса Годунова к Англичанам, последние опять добились позволения торговать в России вольною торговлей, освободившись от платежа пошлин, простиравшихся со времени ограничения льгот более чем на 2.000 фунт. стерл. в год [283]). Но Англичане добивались не одной свободы от пошлин: они добивались права исключительной торговли в России. На предложения об этом со стороны королевы Елизаветы из Москвы отвечали, что дело несхожее указывать царю в его государствах тому торговать, а иному не торговать. За старания компании вытеснить из России других иноземных купцов, даже Англичан, не принадлежавших к компании, последние преследовали ее суда и агентов, на что она сильно жалуется в своих инструкциях и письмах к агентам; но она и сама прибегала к подобным же средствам с целью избавиться от соперников. В Москву приходили жалобы других иностранных купцов, что Англичане не пропускают их кораблей к Московскому государству [284]). Вытеснить соперников не удалось компании: Горсей пишет, что летом в гавани св. Николая всегда можно было найти кроме английских суда немецкие, голланд-

[282]) Hakluyt, I, 329, 467, 469, 464—Флетчер, гл. 20-я.

[283]) Hakluyt, I, 521.

[284]) По поводу этих жалоб царь писал Елизавете: «Если так делается в самом деле, то это твоих гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцев отгоняют? Божию дорогу, Океан-море как можно перенять, унять и затворить». Соловьев. «История России», VII, 335.

ские и французские [885]). Но во внутренних областях государства Англичане не встречали таких сильных соперников, как на пограничных рынках России. Агенты компании доносили, что Англичане пользуются большим доверием русских купцов, что последние с особенною охотой предлагают им свои товары, зная их как хороших покупателей и исправных плательщиков; но из инструкций компании видно, какими соображениями руководилась она, стараясь привлечь к себе русских торговых людей: ей хотелось вытеснить иноземных конкурентов и господствовать на русских рынках, потому что конкурренция возвышала цены русских товаров и понижала цены английских. Действуя таким образом с помощью льгот, непрошенных у московского правительства, компания давила русских торговых людей; последние чувствовали свое бессилие пред богатыми и ловкими английскими купцами, которые действовали соединенными силами, систематически; русские торговые люди не могли стянуть с ними и ненавидели их за их привилегированное положение в России. Горсей рассказывает, что когда Боус ехал на аудиенцию во дворец, народ в Москве, догадываясь о цели его приезда в Россию, поносил его обидными прозвищами [886]). В начале царствования Михаила Федоровича Англичане получили грамоту на свободную беспошлинную торговлю в России; русские торговые люди жаловались на стеснения и потери, которым они подвер-

[885]) Из переговоров с Боусом узнаем, что к Николаевской пристани приходил известный антверпенский купец Иван Белобород (John de Wale), а Кольскую пристань посещали купцы французские. Соловьев, «История России», VI, 400.

[886]) Горсей в указан. месте, № 4, стр. 62.

гаются от иноземных купцов, преимущественно Англичан, желали удаления этих купцов из внутренних областей государства [387]); но Спафарий сказывал Невилю, что Англичане сохраняли преобладающее значение в русской торговле до смерти короля Карла I [388]). В 1649 году наконец исполнено было давнее желание русских торговых людей: Англичане, по царскому указу, высланы были из внутренних областей государства, и им позволено было торговать только у Архангельского города. В объяснение этой меры Карлилю говорили в Москве, что Англичане продавали в России табак вопреки царскому запрещению и не доставляли в царскую казну английских товаров, сукна, олова, свинцу по цене, по какой продавались они в Англии, о чем постановлено было условие в царствование Михаила [389]). По высылке из внутренних областей и уничтожении льгот Англичане платили в казну пошлины 6.000 руб. ежегодно [390]). После этого преобладающее значение в торговле на севере Московского государства получили купцы голландские, несмотря на то, что платили царю 15% пошлины с привоза и вывоза; по словам Невиля, они держали в Архангельске более 200 агентов, которые зимой ездили в Москву и другие города для закупки русских товаров. К Архангельску приходили также суда из Гамбурга и других ганзейских городов. В XVII веке Архангельск был глав-

---

[387]) См. об этих жалобах Соловьев, «История России», IX, 416 и след.

[388]) Neuville, 210.

[389]) О другом побуждении, которым правительство объясняло высылку англичан, см. Соловьев, «История России», X, 161.

[390]) Carlisle, 189, 200 и 257.

ным местом сбыта хлеба за границу, который покупали преимущественно голландцы [321]). По известиям XVII века, по Северной Двине ходило вверх и вниз множество судов: русские купцы свозили по ней к Архангельску воловьи и лосиные кожи, пеньку, смолу, льняное семя, золу, разные меха, меняя все это на товары, привозившиеся голландскими и английскими купцами из Испании, Италии, Франции, Голландии и Англии, как то: пряные коренья, сахар, шафран, соленые сельди, вина, разные ткани, голландские сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, медь, свинец, олово, серебро и золото, тафту, атлас, бархат, парчу, шерстяные и бумажные чулки, волоченое золото, жемчуг, алмаз и другие драгоценные камни, наконец большое количество серебряной и золотой монеты [322]). Купцы фламандские и гамбургские, по свидетельству Невиля, вывозили из России чрез Архангельск преимущественно воск и железо. Иноземные корабли приходили к Архангельску в июле и уезжали в сентябре. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранных кораблей [323]). Северная иностранная торговля чрез пристань св. Николая и потом Архангельск имела важное влияние на северо-двинский край: ей приписывали увеличение народонаселения и развитие промыслов в этом крае [324]). Кроме западных купцов, сюда приезжали

[321]) Carlisle, 72. Продажа хлеба за границу была монополией казны. См. грамоту об этом в «Истории России» Соловьева, IX, 419.

[322]) Mayerberg, II, 56 и 57. Иногда на одном корабле привозилось до 40000 ефимков, с которых платили пошлину, как с товаров. Карамзин, X, 235.

[323]) Neuville, 213.

[324]) Mayerberg, II, 55.

и восточные – Татары, Бухарцы, Персияне [395]). О значительности архангельской торговли в XVII веке можно судить по величине таможенной пошлины, которой, по свидетельству Олеария, в иные годы собиралось в Архангельске больше 300.000 руб. [396]).

Перемена, начавшая обнаруживаться в торговле Московского государства с западною Европой с половины XVI века, состояла в том, что движение этой торговли стало более и более отклоняться от прежних своих средоточий и направляться в другую сторону—на север, к устью Северной Двины. Но прежние средоточия западной торговли и после открытия северной торговли не потеряли своего значения. Мы упоминали о торговом движении по Днепру, передававшем в Литву русские товары из Москвы и Холопьего города. Ланноа встречал в Литве вещи с названием русских, именно шубы, постели, перчатки и чашки [397]); по известию Герберштейна, в Калуге искусно вырезывали из дерева чарки и другую домашнюю посуду, которую отправляли на продажу в Литву [398]). В торговле Московского государства с Польшей важное значение имела Люблинская ярмарка, куда вместе с купцами из Пруссии, Ливонии, Германии, Венгрии, Литвы, Татарии приезжало много и московских купцов [399]). Но главное место в торговле с западом занимали города, находившиеся в стороне от больших речных систем, на реках сравнительно менее значительных,

[395]) Рейтенфельс, 43.
[396]) Olearius, 221.
[397]) G. de Lannay, 35 и 37.
[398]) Herberstein. 50.
[399]) Ibid. 102.

но зато имевших прямую и близкую связь с Балтийским морем: это были Новгород и Псков. В начале XVI века купцы московские, особенно из Новгорода и Пскова, складывали свои товары на правом берегу реки Нарвы, в деревянном городке того же имени близ Иван-города, и потом отправляли их рекой к морю [400]). Во второй половине XVI в. Нарвская пристань была некоторое время во власти московского царя; но и после того, как она отошла к Шведам, торговое движение к ней из России не прекращалось. Из Пскова и Новгорода отправляли туда лен, пеньку, сало, воск и кожи; в торговле этими товарами Новгород и Псков занимали первое место в России. Особенно славился между иностранными купцами новгородский лен; по словам одного английского агента, в Новгород привезли лучший русский лен и продавали связками; было два сорта льна: 100 связок высшего сорта продавались 4-мя рублями дороже такого же количества низшего сорта. Лен высшего сорта был длиннее и чище: пуд его выходил из 22—24 связок, тогда как пуд низшего сорта выходил из 27 или 28 связок [401]). Англичане отдавали Новгороду решительное преимущество пред Москвой в торговом отношении. В первой половине XVI века Голландцы имели в нем свой двор и торговали беспошлинно; незадолго до открытия сношений России

[400]) О Положении Русской Нарвы Олеарий пишетъ: Au pied de ce chateau (Иван-Города) se voit un bourg que l'on nomme la Nerva Moscovite, pour la distinguer d'avec la Nerva Teutonique ou Allemande. Ce bourg est habité par des Moscovites naturels (pag. 86). Следовательно Русскою, или Московскою Нарвой назывался посад Иван-города.

[401]) Hakluyt. I. 468, 287

с Англией они потеряли свои льготы за какие-то противозаконные поступки и снова возвратили их, заплативши 30.000 руб. [402]). Псков и в конце XVI века был наполнен иностранными купцами, по выражению Вундерера. О значении Пскова для прибалтийских городов можно составить себе понятие из того, что писал в Любек в 1593 г. ревельский совет; он писал, что торговля с Русскими чрез Псков всегда составляла для жителей Ревеля и других ганзейских городов один из главных источников пропитания и благосостояния. Расширение западной торговли Московского государства во второй половине XVI века чрез Нарву, появление в Нарвской пристани кораблей из отдаленных морских государств западной Европы грозило ганзейским городам большими потерями, и совет города Ревеля, жалуясь в упомянутом письме на эти перемены, указывает на необходимость перевести торговый порт из Нарвы в Ревель, чтоб удалить чужих купцов из России или по крайней мере заставить их действовать в интересах Ревеля и других ганзейских городов [403]). Соображения, высказанные в письме ревельского совета, объясняют нам известие агента английской компании Лена, который пишет, что Англичане давно имели торговые сношения с Ригой и Ревелем, но до

[402]) Ibid. 286 «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 150.

[403]) Wir aber nun mit höchsten Schmerzen vernehmen, wie zu dieser Zeit derselbe Handel zur Pleskow der erbaren Stetters Inwohner unndt Bürgers je lenger je mehr durch die frembde Nationen zu Schaden, Verderb unndt Untergang getrieben werden etc. Въ 1596 г. совет опять жалуется, что торговля Ревеля съ Россией падает и торговый порт попрежнему в Нарве. «Supplementum ad histor. Rus. Monumenta», №№ LXXXVII—XCIV.

1560 г. ничего не знали о нарвской торговле, которую тщательно скрывали от них купцы Данцига и Любека [104]). В 1560 г. корабли английской компании в первый раз посетили нарвский Порт, и с тех пор начались постоянные сношения Англичан чрез этот порт с важнейшими торговыми городами Московского государства, которые ссужали приходившие к Нарве корабли своими товарами. Какие выгоды получала компания от этой торговли, можно заключать по известию о торговой поездке агента ее Гудсона, который в 1567 г. прибыл в Нарву с товарами на 11,000 фунт. стерл.; товары эти состояли из сукна, каразеи и соли; при продаже их компания получила 40% прибыли. Но и нарвская торговля Англичан соединена была с такими же затруднениями, как и беломорская. В 1569 г. тот же агент Гудсон прибыл из Лондона в Нарву на трех кораблях и писал компании, чтобы на следующую весну она прислала 13 кораблей, которые все он надеется нагрузить товарами; но при этом он писал, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрельным оружием на случай встречи с корсарами. Действительно, английские корабли встретили 6 кораблей польских корсаров; бой был неравный: один корсарский корабль ушел, другой был сожжен, остальные 4 были приведены в Нарву и 82 человека пленных выданы были московскому воеводе [105]). Несмотря однакож ни на жалобы ревельцев, ни на разбои польских корсаров, Нарва и в XVII веке продолжала быть важным посредствующим рынком в торговле ближайших к ней городов Ливонии и Московского государ-

[104]) Hakluyt. I, 525.
[105]) Hakluyt. I, 451.

ства с приморскими странами западной Европы. По известию, сообщенному Олеарием, туда привозили водным путем товары из Дерпта и Пскова; в 1654 году к Нарве приезжало более 60 судов, которые нагрузили здесь товаров более чем на 500,000 экю [406]). — Кроме Нарвы, товары из России шли по Западной Двине к Риге; это были: мыло, кожи, хлеб, смола, лен, пенька, мед, воск, сало и меха; эти товары шли чрез Ригу в Пруссию, Швецию, Данию и Германию [407]). По словам Рейтенфельса, русские купцы имели складочные дворы в Риге, Ревеле и Вильне; если им нужно было вести товары за море, они нанимали суда у иностранцев за высокую плату [408]).

Сличая изложенные известия о восточной и западной торговле Московского государства, мы находим любопытную разницу между той и другой относительно предметов вывоза: в товарах, отпускавшихся на восток, преобладали произведения не первоначальной промышленности, продукты более или менее обработанные; на запад, напротив, Московская земля отпускала почти исключительно сырые произведения — мед, воск, сало, меха, кожи, лен, пеньку, лес. Во время Новия меха по значительному спросу на них до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоил не менее 1,000 золотых; западные купцы вывозили из России в большом количестве дуб и клен, высоко ценившиеся в Западной Европе; Кампензе, соображая обилие меда и леса в Московском государстве, думает, что все количество воска и смолы, а также мехов, потребляемое Европой, вывозится из Московских вла-

[406]) Olearius, 85.

[407]) Mayerberg, I, 50.

[408]) Рейтенфельсъ, 43.

дений [109]). Мед и воск Олеарий называет лучшими вывозными статьями внешней торговли России; за внутренним потреблением, весьма значительным, воску, по свидетельству Флетчера, вывозилось за границу в его время до 10,000 пуд., но прежде гораздо больше, до 50,000 пуд.; по показанию Олеария, воску вывозилось в XVII веке ежегодно более 20,000 центнеров [110]). За указанными статьями вывоза следовали меха; московские купцы сказывали Флетчеру, что за несколько лет до его приезда в Москву купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и из разных христианских стран вывозили мехов на 400,000 или 500,000 руб. В XVII веке вывоз мехов усилился: Олеарий пишет, что в иные года русские купцы продавали за границу мехов более, чем на миллион рублей [111]). Относительно других статей вывоза Флетчер оставил нам цифры, показывающие, насколько уменьшился вывоз разных товаров в его время в сравнении с прежним, при этом Флетчер ссылается на свидетельство людей знающих, говоря, что от них так слышал. Сала вывозилось прежде до 100,000 пуд., а теперь, во время Флетчера, не более 30,000; кож прежде вывозили до 100,000 штук, а теперь около 30,000; льном и пенькой ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, а теперь не более 5. Здесь Флетчер не определяет ясно, что разумеет он под

[109]) Новый, 40. Относительно смолы и воска это известие не совсем точно, ибо воск и смола шли в Европу и из Литовских владений, но оно указывает, откуда привозилось наибольшее количество этих товаров.

[110]) Флетчер, гл. 3-я. Olearius 120.

[111]) Флетчер, там же. Olearius 121

словом прежде; из приводимых им причин уменьшения вывоза, именно отнятия Нарвской пристани у Москвы и закрытия сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войны с Польшей (которой в царствование Ѳедора не было), можно заключать, что он разумел время до царствования Іоанна IV или по крайней мере всю первую половину XVI века [112]).

Между тем, с половины XVI века торговые связи Московского государства расширяются; видим со стороны московского правительства попытки завести деятельную торговлю с западными европейскими государствами, открыть русские рынки большему числу иностранных купцов, с условием, чтобы и русским торговым людям открыто было больше заграничных рынков. В первой половине XVI века в Москву могли приезжать для торговли купцы польские, литовские и из некоторых восточных стран; во второй половине XVI века туда допущены были еще купцы шведские и английские; но купцам из Ливонии и Германии открыты были только рынки в Новгороде и Пскове. В первой половине XVII века по всему государству вели деятельную торговлю купцы голландские, ганзейские, английские, датские, шведские, немецкие, татарские, польские, персидские, армянские и другие. По словам Невиля, в Москве, в Немецкой слободе жило в его время больше 1.000 купцов голландских, гамбургских, английских и итальянских [113]). Впрочем, и в XVI в. бывали случаи, когда всякий иностранный купец мог попасть в Москву с товарами: когда, говорит Герберштейн, отправляются в Москву послы из какого-нибудь государства,

---

[112]) Флетчер, там же Ср. Carlisle. 72.

[113]) Neuville. 211.

к ним обыкновенно пристают купцы из разных стран, потому что под покровительством послов всякие купцы могли свободно приезжать в Москву и торговать здесь беспошлинно; иногда они получали в Москве даже содержание от государя как члены посольства, с которым они приехали [114]). Привезенные в Москву заграничные товары тотчас предъявлялись таможенным приставам, которые осматривали и оценивали их; но и после того нельзя было еще продавать эти товары, пока их не показывали государю или назначенным для этого сановникам; при этом осмотре лучшее покупалось в государеву казну. Отсутствие прямых и правильных торговых сношений производило иногда странные явления в торговле с иностранцами. Своевременный привоз даже дешевых товаров непомерно обогащал продавцов; но не легко было рассчитать эту своевременность. Часто случается, пишет Герберштейн, что является сильный спрос на какой нибудь товар, и кому первому удавалось привезти его, тот получал непомерные барыши: но потом, когда другие купцы навозили много этого товара, он так падал в цене, что первые купцы, которые продали свой товар по высокой цене, опять скупали его по гораздо меньшей цене и возвращались на родину с большими барышами. Мы видели, как выгодно отозвался Герберштейн о торговых обычаях жителей Пскова. Совсем иначе отзывается тот же иностранец о торговых людях других городов, особенно Москвы. Они,— говорит Герберштейн, — ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая иностранные товары,

[114]) Possevino, 26 nec aliquid pendunt et alunter a Principe Cp. «Rerum Moscovitic. auctores varii» p. 156.

они всегда понижают цену их наполовину, и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния; но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не теряет присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже, так что иная вещь стоит им самим 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какую-нибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина. Если при сделке неосторожно обмолвишься, обещаешь что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют то, что обещают. Если они начнут клясться и божиться, — знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть. Я просил одного боярина, рассказывает Герберштейн, помочь мне при покупке мехов, чтобы купцы не обманули меня: тот сейчас обещал мне свое содействие, но потом поставил меня в большое затруднение: он хотел навязать мне свои собственные меха, а тут еще начали приставать к нему другие продавцы, обещая заплатить за труд, если он сбудет мне их товар по хорошей цене. Есть у них обычай ставить себя посредниками между продавцом и покупателем, и взяв подарки особо и с той и с другой стороны, обеим обещать свое верное содействие. Есть у них обширный двор недалеко от Кремля, называемый Гостиным двором (Curia dominorum mercatorum), в котором купцы складывают свои товары; здесь перец, шафран, шелковые материи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, чем в Германии. Причину этого надобно полагать в преобладании меновой торговли.

Если московские купцы назначают очень высокие цены своим мехам, приобретенным ими очень дешево, то и иностранные купцы, чтобы не быть в убытке, дают им в обмен на эти меха дешевые товары, назначая им высокие цены; но в этой мене московский купец выигрывает столько, что может продавать иностранные товары, выменянные на меха, по такой низкой цене, по какой не мог бы продавать их иностранный купец, привезший их в Москву. Из всех этих известий видно, что торговля московских купцов с иностранцами носила на себе в сильной степени характер игры. Олеарий указывает на другие операции московских купцов, которые еще лучше характеризуют дело: я изумлялся,—пишет он,—видя, что московские купцы продавали по $3^1/_2$ экю аршин сукна, которое они сами покупали у англичан по 4 экю; но мне сказывали, что это им очень выгодно, потому что, купив у англичан сукно в долг и продавая его за наличные деньги, хотя и дешевле своей цены, они обращают вырученные деньги на другие предприятия, которые не только покрывают потери, понесенные ими при продаже сукна, но и доставляют сверх того значительные барыши. Московские купцы, по словам Олеария, высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что это — дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю; один голландский купец, самым грубым образом обманувший многих из московских торговых людей, приобрел между ними такое уважение за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять их к себе в товарищи, в надежде научиться его искусству [413]). Один Герберштейн оставил нам известие о

[413]) Herberstein, 42 и 43.—Olearius, 143.

росте; он называет его невыносимо-большим, именно брали, по его словам, обыкновенно не менее 20 процентов, и только церкви соглашались давать ссуды по 10 процентов [416]).

XII.

Монета.

Оканчивая изложение известий иностранцев о промышленности и торговле Московского государства, изложим некоторые сообщаемые ими сведения о монете. Рубруквис, проехавший по южной России в половине XIII в., говорит, что обыкновенная русская монета состоит из кожаных пестрых лоскутков [417]). Эти кожаные деньги еще ходили на Руси в начале XV в., и их видел Лануа, бывший в Новгороде в 1412 году. Этот путешественник пишет, что монетой в Новгороде служат куски серебра [418]) около 6 унций весом, без всякого изображения; золотой монеты нет, а мелкою монетой служат головки белок и куниц [419]). С этим известием согласно и свидетельство Герберштейна, который говорит, что за сто лет до него в России отливали продолговатые кусочки серебра ценою в рубль, без надписи и изображения; он прибавляет, что

[416]) Herberstein, 44.

[417]) Карамзин, IV, 60.

[418]) Рубли, или прежние гривны серебра. Счет гривнами заменился счетом рублями в первой половине XIV века.

[419]) G. de Lannoy, 20: Et est leur monnoye de keuelles d'argent, pesans environ six onces, sans empreinte; et est leur menue monnoye de testes de gris et de martres.

в его время таких рублей уже не было в обращении [420]). В то же время, продолжает Герберштейн, оставили моряки и ушки белок и других зверей, употреблявшиеся до того времени вместо денег [421]). В первой половине XVI в., в Московском государстве ходила монета 4-х родов: московская, новгородская, тверская и псковская. Низшею монетною единицею была деньга. Московская деньга имела овальную форму с различными изображениями. Герберштейн различает в этом отношении древние и новейшие деньги; древние имели на одной стороне изображения розы, а на другой надпись; на новейших по одну сторону изображался человек на коне, а по другую была надпись. Из сложения денег составлялись высшие счетные единицы: 6 денег московских составляли алтын, 20 гривну, 100—полтину, 200—рубль; во время Герберштейна чеканились новые монеты (полденьги), с надписями по обе стороны; в рубле их было 400. Тверская деньга имела надписи по обе стороны и по цене равнялась московской. Новгородская деньга по цене была вдвое больше московской; на одной стороне ее изображался государь на престоле и преклоняющийся перед ним человек, а на другой была надпись; в новгородской гривне считалось 14 денег, а в рубле 222. Псковская деньга имела на одной стороне изображение увенчанной головы быка, а на

---

[420]) Герберштейн говорит, что до этого времени на Руси вовсе не было серебряной монеты: vix centum annis ditatior moneta argentea, praesertim apud illos cusa. Но существование серебряной монеты до XV века доказывается неоспоримыми свидетельствами. Соловьев, «История России», т. III, стр. 53.

[421]) Об отмене кожаных денег и перемене в иностранной монете в Пскове и Новгороде в первой половине XV века см. «Полн. Соб. Р. Лет.», V, 21 и 24, Соловьев, «История России», IV, 262 и 283.

другой надпись. Золотой монеты в Московском государстве не делали; но в обращении было много золотых венгерских и рейнских. Ходили еще рижские рубли, из которых каждый равнялся двум московским. Московская монета делалась из хорошего чистого серебра. Почти все золотых дел мастера в Москве, Новгороде, Пскове и Твери, по свидетельству Герберштейна и Гваньини, чеканили монету. Желавший обменять кусок серебра на деньги приносил его к мастеру и получал равное по весу количество серебряной монеты, платя мастеру указную, очень незначительную сумму за труд. В правление Елены (в 1535 году) произошли перемены в монетной системе: счетная единица рубль понизилась в значении, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейне в рубле считалось 200 московок, или московских денег; во второй половине XVI века, по словам Гваньини и других иностранцев, в рубле считалось 100 денег. На степень понижения рубля указывают известия о цене венгерского золотого в Москве: при Герберштейне обыкновенная цена его была 100 денег московских, т.-е. полурубля; во время Гваньини венгерский золотой стоил 60 денег, т.-е. больше нового полурубля. Монетная единица также уменьшилась в достоинстве: при Герберштейне за московку давали 60 медных пул, а во время Гваньини только 40 [122]). Герберштейн, Гваньини и

[122]) Эти известия о перемене в денежной системе объясняются словами летописи: «Повеле Великий Князь делати новые деньги на свое имя без всякого примеса из гривенки из каловые 300 денег новгородских, а в московское число три рубля ровно; а по указу отца его из гривенки делали 250 денег новгородских, а в московское число полтретья рубли с гривною. А при Великом Князе Василии Ивановиче быть знамя на деньгах князь великий на

англичане XVI века пишут, что в Московском государстве не чеканили золотой монеты; в обращении были только иностранные золотые, но Бухау говорит, что попадались, хотя очень редко, и золотые монеты, деланные в Московском государстве, с таким же изображением и надписью, как на серебряных деньгах; эти золотые монеты были несколько меньше венгерских золотых. Все упомянутые иностранцы XVI века указывают на употребление в Московском государстве маленьких медных монет, называвшихся пулами; при Герберштейне их ходило за московскую деньгу 60, а при Гваньини 40; но таких монет было немного в обращении; по свидетельству Гваньини и Бухау, они делались преимущественно для бедных и употреблялись на мелкие покупки и на милостыни нищим [682]). Таким образом, ходячею серебряною монетою были полденьги, или полушки, деньги, или прежде-

коне, а имея меч в руце; а князь великий Иоанн Васильевич учини знамя на деньгах князь великий на коне, а имея копие в руце, и отселе прозвашася деньги копейные». Карамзин, VIII, примеч. 67. Из этого видно, что название копейки перешло на новгородскую деньгу, только уменьшенную в количестве металла, название же деньги, как половины копейки, удержалось за московской деньгой. Этим объясняется, какие деньги разумел Гваньини, говоря что в новом рубле 100 московских денег. Московки и в XVII в. имели прежнее изображение человека на коне с саблею. Котошихин, гл. VII, ст. 9.

[682]) Herberstein 41 и 42.—Guagnini 157 и 158.—Printz a Buchau, 243—245. Агент английской компании Гасс прибавляет: there is a coine of copper, which serveth for the reliefe of the poore in Mosco and no where else. Hakluyt, I, 285. Таких медных монет, или пул, ходило 18 за полденьгу, т. е. почти столько же, сколько показывает Гваньини. В торговле медные монеты, по словам Гасса, не обращались: it is no current money among merchants.

ние московки, и копейки, или прежние новгородки; из сложения копеек составлялись высшие счетные единицы— алтын, гривна, полтина, рубль, которые не имели соответствующих им металлических знаков [124]).

В первой половине XVII века в достоинстве монеты не произошло перемены, по крайней мере значительной. По словам Петрея, 36 денег (т. е. новгородских или копеек) весили немного менее 2 лотов; следовательно, в рубле было немного менее 16 золотников серебра; по указу 1535 года, из полуфунта серебра велено чеканить ровно три рубля [125]). Ходячей серебряной монетой в первой половине XVII века продолжали быть копейки, ценою около 16 денариев, по Маржерету и Олеарию, московки и полушки; последние были так мелки, что, по словам Петрея и Олеария, русские на рынке горстями клали их в рот, чтоб не потерять, и это нисколько не мешало им говорить. Чеканили монету по прежнему в 4-х городах,— Москве, Новгороде, Пскове и Твери (где право на это, по Петрею и Олеарию, иногда отдавалось на откуп богатым купцам). Серебряная монета чеканилась из привозного серебра, особенно «ефимочного», т. е. из перелитых рейхсталеров, привозившихся в Россию, как мы видели,

---

[124]) Мелкий денежный счет был такой: в рубле 400 полушек, 800 полуполушек, 1.600 пирогов, 3.200 полупирогов, 6.400 четв. пирогов.—Карамзин X, прим. 435.

[125]) Маржерет говорит, что московский рубль его времени равнялся 6 ти ливрам и 12-ти су; на этом основании Карамзин ценит рубль второй половины XVI в. в 5 серебр. рублей своего времени, «История Государства Российскаго», т. X, прим. 404. Но г. Устрялов, на основании известия Петрея, считает рубль начала XVII в. почти равным 3 руб. 30 коп. серебром по курсу 30-х годов текущего столетия. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 3-я, примеч. 63.

во множестве чрез Архангельск в виде товара [426]): на то же употреблялись, по свидетельству Олеария, и испанские реалы. Ефимки, по свидетельству того же иностранца, были по весу немного более полурубля [427]), но в Москве принимали их от иностранных купцов по гораздо низшей цене. По словам Маржерета, цена их иногда падала до 12 алтын или 36 денег [428]); как видно из иностранных известий, мена иностранных монет была для московских торговых людей предметом настоящей биржевой игры, в которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейн говорит, что, как скоро иностранец покупал что-нибудь на свою монету, московские купцы понижали ее цену; но если иностранец продавал свой товар московским купцам или, уезжая из Москвы, искал иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цене. Особенно сильно колебалась цена иностранной золотой монеты, даже во внутреннем обращении; по словам Маржерета, русские покупали и продавали золотую монету, как и прочие товары; иногда за червонец платили 24 алтына, а иногда 16; обыкновенная же цена им была 18—21 алт. Но бывали случаи, когда цена червонцев возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успевшие во-время запастись ими: такая доро-

---

[426]) Ефимками, по Олеарию, назывались в Москве рейхсталеры потому, что некогда на них делалось изображение св. Иоахима и эту монету сперва чеканили в Богемии, в городе Ioachimsthal. См. Олеарий, 183.

[427]) Именно рубль весил на $\frac{1}{2}$ лота менее 2-х ефимков: mais d' autant qu' il s' en faut deux gros que les cent copeks ne pesent deux rixdalers, les Moscovites etc.—Олеарий, 182.

[428]) Царская казна принимала от иностранцев ефимки в уплату за свои товары по 40 или по 42 коп.—Котошихин, гл. VII, ст. 9.

говизна случалась во время царского коронования или брака, также при крестинах, ибо тогда много червонцев шло на подарки царю и царице. То же было и за несколько дней до Пасхи, ибо на Пасху Русские, христосуясь с боярами и другими влиятельными людьми, подносили им вместе с красными яйцами, и червонцы [429]). Вследствие этих колебаний цен на иностранную монету заграничные купцы в Москве предпочитали меновую торговлю, платя за русские товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петрея медных денег въ Московском государстве уже не было въ обращении. В царствование Алексея Михайловича выпуск медных денег по одинаковой цене с серебряными не удался, и только в царствование Петра медная монета вместе с другими нововведениями в денежной системе вошла в обращение.

---

[429]) Маржерет, 50 или 51.—Petrejus, 309.—Olearius, 182.

ПРИЛОЖЕНИЕ [1]).

I.

«Сказания иностранцев о Московском государстве» были представлены В. О. Ключевским «для получения степени кандидата по историко-филологическому факультету»; аттестат на эту степень был выдан ему 25 июня 1865 года; в следующем году «Сказания» были напечатаны в «Известиях Московского Университета» (Приложения, № 7, стр. 3—80; № 8, стр. 81—160; № 9, стр. 161—264); тогда же они появились отдельно, в оттисках (М., в Университетской типографии, 8°, стр. 1—264) и в издании Общества распространения полезных книг (М., 1866, 8°, стр. 1—264); спустя пять лет Василий Осипович представил «Сказания» в совет Московской духовной академии в качестве диссертации (pro venia legendi) и защитил ее публично в присутствии профессоров церковно-исторического отделения; 8 июня 1871

[1]) Сост. для настоящего издания Я. Л. Барсковым.

он прочел пробную лекцию на тему, по назначению комиссии, «О житиях русских святых, как источнике сведений для Русской гражданской истории»: «как защищение Ключевским его кандидатского сочинения, так и пробная его лекция найдены комиссиею удовлетворительными» и он был избран, по баллотированию, на должность приват-доцента [1]).

Новое издание «Сказаний» появляется полвека спустя после их появления в свет. На перепечатку «Сказаний» Василий Осипович не соглашался — он считал необходимым переделать или значительно исправить книгу. В настоящем издании текст оставлен без перемен; лишь в примечаниях под строкой изменена нумерация; в дополнения к примечаниям внесены заметки, сделанные автором в печатном экземпляре «Сказаний» (рукопись не сохранилась). Согласно желанию Василия Осиповича, выраженному в последний год его жизни, в дополнениях помещены также сведения о новых переводах Герберштейна, Мейерберга, Олеария, Флетчера и др. и составлен указатель личных и географических имен.

---

[1]) Василий Осипович Ключевский. Издание Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1914, стр. 388 и 442.

До половины XIX века библиография известий иностранцев о России наиболее обстоятельно была разработана в двух трудах:

1) Meiners, C., Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeshreiber B. I—II., L., 1798;

2) Adelung, F., Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. B. I—II. St.-P.—L.,1846 (Русский перевод А. Клеванова в Чтениях О. И. и Д. Р., 1848, кн. 9 (22), стр. III—VIII, 1—48; кн. 1 (23), стр. 49—104; 1863, кн. 1 (44), 105—174; кн. 2 (45), стр. 175—301; кн. 3 (46), стр. 1—86; кн. 4 (47), стр. 87—168; 1864, кн. 1 (48), стр. 169—264, I—V, I—IV). На труд А. Н. Шемякина «Жизнеописания древних, средневековых и нового времени путешественников, посещавших Россию или говоривших о ней и других соседственных с ней странах (перевод с немецкого), изданный Обществом И. и Д. Р. при Московском Университете (М., 1865; Чтения О. И. и Д. Р., 1864, кн. 2., от. IV, стр. 1—77; кн. 3, отд. IV, стр.

79—210; кн. 4, отд. IV, стр. 211—292; 1865, кн. 1, отд. IV, стр. 293—359; кн. 2, отд. IV, стр. 361—479; кн. 3, отд. IV, стр. 481—521) в «Сказаниях» нет ссылок.

Хотя в «Сказаниях» отдается решительное предпочтение подлинникам, но иногда Василий Осипович должен был пользоваться переводами — так, например, у него не было под руками лучших изданий Олеария и Мейерберга. В течение полувека «рассуждение» студента Ключевского сохраняло свою научную ценность: другого труда, в котором с такой же законченностью и полнотой были бы изучены известия иностранцев о Московском государстве, все еще нет. Большой интерес представляют «Сказания» и для того, кто стал бы изучать жизнь и творчество Василия Осиповича Ключевского — уже в этой юношеской работе отчетливо выступают черты, какими отличаются его позднейшие труды.

Далее, в дополнениях к примечаниям, указаны важнейшие труды русских ученых, посвященные известиям тех иностранцев, на которых ссылается В. О. Ключевский в своей книге; более полныя библиографическия сведения заключаются: 1) в «Русской исторической библиографии» В. И. Межова, Т. I,

С.-П.Б., 1892; 2) в «Опыте русской историографии» В. С. Иконникова, Т. I, кн. 1, Киев, 1891, кн. 2, 1892; т. II, кн. 1 и 2, 1908; 3) в «Обзоре записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке» С. Р. Минцлова, Вып. 1, Новгород, 1911; а также в «Catalogue de la section des Rossica ou écrits sur la Russie en langues étrangères», V. I—II, St.-P., 1873.

II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ:

(В этом списке принята во внимание только русская литература. Работы, указанные В. О. Ключевским, здесь не повторены).

2) О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григорья Котошихина. Издание четвертое С.П.Б., 1906.

[4 а] *Минцлов, 28.*

«Фламандский рыцарь, служивший в Пруссии и Ливонии (род. 1388, † 1452). В 1413 посетил Новгород. Издан Лелевелем в 1844 г. с комментариями. [*Заметка в авторском экземпляре книги*].

Ф. Бруп. Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллервала, Троншиена, Бомона, Васени; в 1399 -1450 годах. [Записки Одесского Общества Истории и Древностей», III, 433—465 (Одесса. 1853)].

Небольшой отрывок из путешествия 1421 года по Южной России, с обширными примечаниями Бруна. Он издан и отдельным оттиском (33 стр.)—Одесса. 1852.

[К. Говорский?] Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Ланноа. [«Вестник Западной России», 1867, № 7, стр. 38—47. (Вильна 1867)].

Отрывок из путешествия 1433 года.—Ср. «Ковенския Губернския Ведомости» 1845, №№ 1, 2, 5 и 7.

Емельянов. Путешествия Гильбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413—14 и 1421 годах. [«(Киевские) Университетские Известия» 1873, № 8, стр. 1—46].

Наиболее обширный отрывок.—См. еще: П. С. Савельев. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланнуа, в 1412—1414 годах. («Географические Известия» 1850, стр. 17—35)).

5) *Минцлов, 29.*

6) *Минцлов, 35.*

7) Матвей из Мехова, польский историк и продолжатель хроники Длугоша, профессор и ректор Краковского университета, род. 1457 в Мехове, ум. 1523 в Кракове. См. о нем в Wielka encyklopedya powszechna ilustrowana, serya I tom XLV—XLVI, стр. 1007—1010 (Warszawa. 1911).

8) *Минцлов, 47.*

«Записки» Герберштейна, пер. А. Старчевского. Берлин. 1841.

Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. Том второй. Сигизмунда Герберштейна (sic!). Часть первая. Санктпетербург. 1817. 8°; стр. 2 нен.+128 русского перевода+32 латинского подлинника.

Редкость; издание осталось недопечатанным и не выпущено в продажу; оба текста, русский и латинский, обрываются на полуслове.

Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum commentarii) барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 года перевел И. Анонимов. С.-Петербург. 1866. 8°; стр. 2 нен.+VI+230+XIV.

Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. С приложением 2 портретов в красках, 8 рисунков на отдельных листах, 34 рисунков в тексте и подробных указателей. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1908; стр. 4 нен.+XLVI+12 нен.+384+9 табл.

Сведения о частичных переводах, помещенных в сборниках и периодических изданиях, см. у Минцлова.—Ср. Иван Лобойко. О важнейших изданиях Герберштейна «Записок о России» с критическим обозрением их содержания. С.-Петербург 1818.—Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. С приложением материалов для историко-географического атласа России XVI в. Спб., 1884.

9) *Минцлов. 51.*

10) *Минцлов, 52.*

Новый перевод проф. Маленна издан А. С. Сувориным в одном томе с Герберштейном, стр. 251—275 (см. выше).—Об извлечениях см. у Минцлова.

11) *Минцлов, 54.*

Донесение Д. Иоанна Фабра Его Высочеству Фердинанду, Инфанту Испанскому, Эрцгерцогу Австрийскому, Герцогу Бургундскому и Правителю Австрийской Империи, о нравах и обычаях Московитян. С латинского К. У. [«Отечественные Записки», XXV, 285—305 и XXVII, 47—67 (1826, №№ 70 и 75)].

Перевод по тексту «Rerum Moscoviticarum auctores».—Извлечение см. у Минцлова.

12, 14, 16, 18, *Минцлов, 62.*

Известие англичан о России во второй половине XVI века. Перевод с английского, с предисловием, С. М. Середонина. [«Чтения в И. О. И. Д. Р.» 1884, кн. 4, стр. IV + 106].

Здесь помещены в сокращенных переводах:
I. Ричард Ченслер (стр. 1—12).
II. Неизвестный (стр. 12—29).
III. Антон Дженкинсон (стр. 30—91).
IV. Томас Рандольф (стр. 91—95).
V. Ер. Баус (стр. 95—109).

Отдельного издания не было.—Ср. И. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Спб., Ст. I: 1865; Ст. II, 1869; стр. 1—308. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. Спб., 1875, стр. 441 + VIII. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Спб., 1883. (Сборник И. Р. И. О., т. XXXVIII). С. Середонин. Английские известия о России о второй половине XVI века (Ж. М. Н. П., CCXLII, 116—165 (1885, № 12)). С. М. Середонин. Известие иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. С.-Петербург 1891. Приложение к журналу «Библиограф» 1891, № 2 и №№ 3—4]. Нина Любименко. История торговых сношений России с Англией. Выпуск 1. XVI век. Юрьев, 1912.—Другие переводы и выдержки указаны у Минцлова.

13) *Минцлов, 63.*

Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанелера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, королю английскому. С латинского К. У. [«Оте-

чественные Записки». XXVII. 368—395. XXVIII. 83 — 133 и 177 — 188 (1862 №№ 77—79).

Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году. С латинск. И. Тарнава-Барщевский. [Ж. М. Н. П., XX. 35—64 (1838, № 10)].

Ср. П. Иванов. Собрание сведений о приезде Чанслера. [«Архангельские Губернские Ведомости» 1850, № 63].

«Журн. М. Н. П. 1838, окт.». *[Заметка в авторском экземпляре книги]*.

14) В. Н. Берх. Путешествие английского купца Антона Дженкинсона из Лондона в Москву в 1557 году. [«Сын Отечества» LXXVIII. 113—129 (1822)].

15) *Минцлов, 95*; указаны незначительные выдержки в журналах 20-х—40-х годов.

[16 а] *Минцлов, 83.*

Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. Перевод с латинского, с предисловием Елпидифора Барсова. Москва. 1889. Стр. 2 нен. + IV + 62.

(«Из чтений в И. О. Н. Д. Р.». 1883, кн. 1 — 4).

«См. Попова. Прав. Об. 1878. 2. стр. 300». *[Заметка в авторском экземпляре книги]*.

17) *Минцлов, 88 и 89.*

Выписки из иностранной книги о старине Русской. [В. Е. CXIII, 196—208 (1820), № 19; статья осталась без окончания].

Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. [Перевел Экстраординарный Профессор Киевского Университета Домбровский [Ж. М. Н. П., XXXV. 127—153 (1842, № 9)].

Федор Вержбовский. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях.

Выпуск IV. Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575—1576 гг. Исторический очерк Федора Вержбовского. Варшава. 1896. 8°; стр. 4 нен. + 68.

Выпуск IV. Донесение Иоанна Кобенцеля о Московии от 1576 года. Издал [в оригинальном немецком тексте] Федор Вержбовский. Варшава. 1901. 8°; стр. XII + 68.

[17 а] *Минцлов, 86.*

Начало и возвышение Московии. Сочинение Данила Принца из Буxова, советника Августейших Императоров Максимилиана II

и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, Великого Князя Московского. С латинского перевел Ив. А. Тихомиров. Москва, И. О. И. Д. Р., 1877. Стр. 10 нен. + IV + 74.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1876, кн. 3).

Отрывок указан у Минцлова. — Ср. [Ив. Снегирев]. Об иностранных посланниках в России. [Ж. М. Н. П., 1845, ч. 45, отд. II, стр. 45—56].

[17 b] *Минцлов, 100 и 146.*

Повествование о Дмитрии Самозванце, собранное Бареццо Бареции [=Антонием Поссевином]. Москва, И. О. И. Д. Р. 1847. Стр. 4 нен. + VIII + 22 + 16 (вместо 20; дефект во всех экземплярах). (Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. 4).

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1848, кн. 5, стр. VIII + 22 + 20).

Ср. П. Пирлинг. Бареццо Бареции или Поссевин? [«Русская Старина», CIV, 193—200 (1900), № 10]. — Н. П. Лихачев. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. С.-Петербург. 1903. [Из «Летописи занятий Археографической Комиссии», вып. XI].

19) *Минцлов, 76.*

Путешествие в Московию Еремея Горсея. Перевод с английского Юрия Толстого. Москва. 1907. Стр. 4 нен. + 2 нен. + 110.

(Стр. 2 нен. и 1—30 из «Чтений в И. О. И. Д. Р.». 1877, кн. 1; стр. 4 нен. и 31—110 допечатаны в 1907 году).

Россия в конце шестнадцатого столетия. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перевод с английского Н. А. Белозерской. С предисловием и примечаниями Н. И. Костомарова. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1909. Стр. 160.

Ю., Толстой. Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия. [«Отеч. Зап.» 1859, т. CXXVI (сентябрь), стр. 99—158].

[19 a] *Минцлов, 115.*

О государстве Русском. Сочинение Флетчера. [Москва, И. О. И. Д. Р., 1848. Стр. 2 нен. + XVI + 106.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1848, кн. 9).

Fletcher. О Государстве русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. Сочинение Флет-

чера. (Лондон? Базель?) En vente chez tous les libraires. 1867. Стр. XVI + 116.

О государстве Русском. Сочинение Флетчера. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1905. Стр. 2 пустые + XXII + 138 + 2 пустые.— Издание второе. 1905.—Издание третье. 1906.

Ю. Толстой. Флетчер и его книга «О Русском государстве при царе Феодоре Иоанновиче» [«Библиотека для Чтения» 1869, январь, стр. 35—44, февраль, стр. 45—71]. —А. Пыпин? Джильс Флетчер. [«Современник» 1865, март, стр. 125—132]. —С. М. Середонин. Сочинение Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. С.-Петербург, 1891. [Из «записок историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского Университета», часть XXVII].

21) *Миницлов, 152.*

Состояние Российской державы и великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях, случившихся в правление четырех государей, с 1590 года по сентябрь 1606. Сочинение Капитана Маржерета. Перевод с французского [Н. Устрялова]. Санктпетербург. 1830. Стр. XXVI + 122 + 62 + 1 табл.

Исторические записки, содержащия в себе повествование о знаменитейших происшествиях, случившихся в царствование пяти Государей, как-то: Иоанна Васильевича Грозного, сына его Феодора Иоанновича, Бориса Феодоровича Годунова, Лжедимитрия и Василья Ивановича Шуйского, начиная с 1590 по 14-е сентября 1606 года с присовокуплением описания нравов и обычаев Двора Российского и нравов народа в то время. Сочиненныя очевидцем Маржеретом. Перевод с французского. Москва. 1830. Стр. 218.

22) *Миницлов, 152.*

Свадьба Отрепьева. Из Записок Георга Паерле. Перевел с немецкой рукописи Николай Устрялов. [«Сын Отечества», CXLV 353—370 и CXLVI, 21—29 (1831, №№ 44—45)].

23) *Миницлов, 152.*

Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором. [«Северный Архив», XIII, 3—20, 109—128, 221—242; XIV, 117—136, 217—245 (1825, №№ 1—3, 6—7)].

Москва в 1612 году. (Отрывок из Записок Маскевича) [«Северная Пчела» 1834, № 249, стр. 994—996].

24) *Минцлов, 151.*

История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, правах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 162 года. Перевод с немецкого А. И. Шемякина. Москва. 1867. Стр. 2 нен.+XII+478 [sic, не 578].

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1865—1867).

[24а] *Минцлов, 203.*

Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого Павел Барсов. Москва, И. О. И. Д. Р., 1870. Стр. 2 нен.+XIV+76+ +1040+32+X.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1868 –1870).

Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. С 19 рисунками на особых листах и 66 рисунками в тексте. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1906. 4°; стр. 8 нен+XXVIII+4 нен.+582+2 пустыя+17 табл.

Об извлечениях см. у Минцлова.

25) *Минцлов, 267.*

Донесение Августина Майерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московию. Перевод с латинского с предисловием и примечаниями Е. В. Барсова. Москва, И. О. И. Д. Р., 1882. 4°; стр. 2 нен+II+54.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1882, кн. 2).

Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. [Перевод А. И. Шемякина]. Москва, И. О. И. Д. Р., 1874. 4°; стр. 2 нен.+VIII+ +216+XXX.

Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1873, кн. 3—4 и 1874, кн. 1.

[Том I]. Барон Мейерберг и путешествие его по России. С присовокуплением рисунков, представляющих виды, обряды, портреты и т. п., в продолжение сего путешествия собранных. Издано Федором Аделунгом. Перевод с немецкого. Санктпетербург. 1827. 8°, стр. VIII+374.

[Том II]. Рисунки к путешествию по России римскоимператорского посланника барона Мейерберга в 1661 и 1662 годах, представляющие виды, народные обычаи, одеяния, портреты и т. п. Изданы Федором Аделунгом. С.-Петербург. 1827. f° обл., стр. 4 нен. +61 табл. +1 портрет +1 фронтиспис.

Одновременно вышло и немецкое издание; оба—на средства гр. Н. П. Румянцева. Значительно выше по воспроизведению рисунков стоит:

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. [Том I—Том II]. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1903.

[Том I]. Рисунки дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину, с приложением карты пути цесарского посольства 1661—62 г.г. f° обл.; листов 4 нен. +61+2 нен.

[Том II]. Объяснительные примечания к рисункам. Составлены Ф. Аделунгом, вновь пересмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. 8°, стр. XVIII+192.

Об извлечениях из «Донесения» и «Путешествия» см. у Минцлова.

[25 a]. Новое издание, сделанное под редакцией русского ученого:

La relation de trois ambassades de Monseigneur le comte de Carlisle, De la part du Serenissime et très puissant prince Charles II roi de la Grande Bretagne vers leurs Serenissimes Majestés Alexey Michailovitz czar et grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suède, et Frederic III roi de Danemark et de Norvège. Commencées en l'an 1663 et finies sur la fin de 1664. Nouvelle édition revue et annotée par le prince Augustin Galitzin. Paris, P. Jannet, 1857. Стр. XXXII+358. (Bibliothèque Elzevirienne). Редактор разъясняет в предисловии вопрос об участии в первых изданиях Мьежа (Guy Miege). См. примечание 24.

26) *Минцлов*, 271.

Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя

Алексея Михайловича. [Эпиграф]. Перевел с английского Петр Киреевский. Москва. 1846. стр. VIII+48.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1846, кн. 1).

Перевод глав XX—XXII:

О Дворе Российском при Царе Алексее Михайловиче. [«Московский Вестник», VII, 243—256 (1828, № 2)].

Здесь на стр. 245—246 переведены 12 строк в главе XX (о Б. И. Морозове), отсутствующие у Киреевского на стр. 31.

[26 а] *Минцлов, 277.*

Путешествие по России Голландца Стрюйса. Переводил П. О. Юрченко. [«Русский Архив» 1880. кн. I, стр. 5—128].

«Р. Арх. 1880, I». [*Заметка в авторском экземпляре книги*].

Библиографическая заметка о немецком переводе книги Штрауса [Johann Jansen Straussens Reise durch Italien etc., Gotha und Erfurt, 1832, помещена в Ж. М. Н. П., II.—Ж. М. Н. П., 1834, ч. 2, стр. 326—328]. Ср. Adelung. II, стр. 344—346. Приводя отрывок из путешествия Стрюйса, А. Корнилович называет его: «голландец Ян Янсен Стрейс» [«Северный Архив», 1824. № 5, стр. 275—290; № 7, стр. 26—40].

Об извлечениях см. у Минцлова.

27) *Минцлов, 281.*

Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. Иждивением книгопродавца Петра Мария Фрамботти. С разрешения старших. С латинского перевел Алексей Станкевич. Москва. 1905 на обложке—1906]. Стр. X+228.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1905).

Об извлечениях см. у Минцлова.

[27 а] *Минцлов, 287.*

Посольство Боттони от Австрийского Императора Леопольда к Царю Алексею Михайловичу в 1675 году, описанное Адольфом Лизекком, секретарем посольства. С латин. К. У. «Отечественные Записки», XXXIII, 290—316; XXXV, 280—296, 301—332 (1828, №№ 94, 100, 101)].

Сказание Адольфа Лизека о посольстве от Императора Римского Леопольда к Великому Царю Московскому Алексию Михан-

ловичу, в 1675 году. Перевел с латинского И. Тарнава-Барановский. С. Петербург, 1837. Стр. 2 нен.+68.

Из Ж. М. Н. П., XVI, 327—394 (1837, № 11).

[27 b] *Минцлов, 292.*

Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. Перевод с латинского, примечания и приложения И. Иванина. Москва. 1891. Стр. XII+204+5 табл.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.»).

[27 c] *Минцлов, 310.*

Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Авриллем, в Москве, в 1686 году. [«Русский Вестник» VI, 69—104 (1842, № 4)].

«Сод. 14, 67». [*Заметка в авторском экземпляре книги*].

[27 d] *Минцлов, 312.*

Любопытные и новые известия о Московии, 1689 года (де ла Невилля). [«Русский Вестник», III, 596—614 и IV, 95—157 (1841, №№ 9 и 10)].

Записки де-ла Невилля о Московии 1689 г. Перев. с французского А. И. Браудо. [«Русская Старина», LXXI, 419—450 и LXXII, 241—281 (1891, №№ 9 и 11)].

28) Корб, Иоганн Георг *(Минцлов, 333).*

Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гваринента, посла императора Леопольда I к Царю и Великому Князю Московскому, Петру Первому, в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом. Перевод с латинского Б. Женева и М. Семевского. Москва, И. О. И. Д. Р., 1867 [на обложке—1868]. Стр. 2 нен.+XII+382+XXIV+6 табл.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1866—1867).

Иоанн Георг Корб. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.г.). Перевод и примечания А. И. Маленина. С приложением 19 рисунков на отдельных листах и указателей. С.-Петербург. А. С. Суворин, 1906. Стр. 4 нен.+XX+322+19 табл.

«Устр. Ист. II. 4, 82». [*Заметка в авторском экземпляре книги*].

Переводы отрывков указаны у Минцлова.

Михаил Литвин (*Мицлавъ, 58*).

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Выпуск I (XVI в.). Михаил Литвин. Б. де-Вижинер. Л. Горецкий. Э. Лассота. Перевод К. Мельник (под редакцией В. Антоновича). Киев. 1890. Стр. 2 нен. + IV + 192.

(Из «Киевской Старины» 1889, № 5—6 и слл.).

В. Н. Берх. Суд английского купца Генриха Лена с московским жителем Ширяем Костромитиным в 1560 году. («Сын. Отеч.» 1822, ч. LXXVIII, стр. 158—261).

80) *Мицлавъ, 57.*

Московия Джона Мильтона, с статьею и примечаниями Юрия Вас. Толстого. Москва, И. О. И. Д. Р., 1875. Стр. 6 нен. + 24 + + 2 нен. + II + 84.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1874, кн. 3).

43) Ян Ласки (Johannes de Lasco), архіепископ гнезненский, получил на Латеранском соборе (1515) титул «legatus novus». См. Zeisberg, Johannes Laski. Erzbischof von Gnesen [Е. Е. Замысловский. Герберштейн, стр. 40, прим. 15 и след.].

281) Полный текст у Лизека (стр. 47—48) следующий:

[Царь] in triginta enim argenteis majoribus patinis, per totidem bajulos, varias huic nationi imprimis charas cupedias, allio et cepis non parce conditas, addito insuper in duodecim cantharis potu, mulso nimirum, cremato et cerevisia transmisit, quibus potius Germanorum oculi, quam stomachus, his condimentis non assuetus cogebantur satiari.

92) Meiners, I. 26: «La Relation de trois Ambassades de... Carlisle de la part de... Charles II... Diese Reisebeschreibung erschien zuerst in Englischer Sprache. Ich habe die erste Englische Ausgabe eben so wenig, als die erste französische gesehen und kann also auch von beiden das Jahr nicht angeben. Die französische Edition hatte vor dem ersten Englischen Druck den Vorzug, dass sie das Original war. Dies sagt der Herausgeber, Guy Miége, in der Dedication an den Sohn des Grafen von Carlisle. Ich führe diese Reisebeschreibung unter dem Namen Miége an». Ср. издание под редакцией кн. Голицына (Paris, 1857), стр. XXII—XXX.

III.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

Австрия—17, 20, 74.
Азия—26, 31, 37, 40, 175, 178, 214, 249.
Азовское море—32.
Азов—12, 233, 259, 260, 269.
Александровская слобода—223, 244.
Англия—19, 69, 252, 275, 276, 279, 280, 282, 283, 284, 285, 290, 291, 294.
Антверпен—267.
Арания—2[illegible].
Аральское море—271.
Армения—270.
Архангельск—101, 167, 167, 169, 189, 201, 247, 252, 263, 285, 290, 291, 307.
Астрабад (Страва)—269.
Астраханское царство—34, 133, 192.
Астрахань—32, 33, 34, 187, 188, 192, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 245, 247, 248, 249, 254, 259, 265, 267, 268, 269, 270, 271, 272.
Африка—6.
Ахас—203.

Бактрия—272.
Балтийское море—24, 240, 267, 273, 298.
Басмановка — (в Москве) — 233.
Башкирия—35.
Березов—201.
Бессарабия—272.
Богемия—207.
Болгарское царство—33.
Болгары—34.
Борисов—31, 43, 249.
Борисфен р.—28.
Брянск—180.
Бухария—33, 272.
Белая Россия—26.
Белая стена (в Москве)—229.
Белгород—31.
Белое море—20, 39, 43, 188, 247, 285.
Белозерская крепость—244.
Белозерская область—181, 199.
Белоозеро—166, 187, 189, 257.
Белый город (в Москве)—52, 101, 223, 224, 229, 230, 231, 238.

Вага р.—257.
Вайгачский пролив—38, 39.
Вайдгуз—39.
Васильсурск—82, 85.
Великая р.—30, 242.
Венгрия—74, 291.
Verchni-lomon—211.
Вильна—43, 286, 296.
Висла р.—24.
Вифлеем—219.
Владимирская область—179, 185.
Владимир—246.
Волга р.—26, 29, 32, 33, 34, 40, 133, 178, 180, 181, 182, 187, 188, 194, 195, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 246, 248, 254, 257, 259, 265, 266, 267, 269, 270, 271.
Вологда—162, 182, 194, 246, 247, 255, 257, 262, 263, 265, 266, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 285.

Вологодская область—181, 184.
Вычегда р.—188, 258.
Вышера р.—258.
Вышний Волочек—180.
Вена—56, 98.
Вязьма—43, 196, 261.
Вятка—85, 181, 200, 257.
Вятская область—181, 202.

Гавань св. Николая — см. Никольская пристань.
Галич—185, 257.
Гамбург—278, 290.
Gwoskoffski—188.
Германия—24, 292, 296, 298, 300.
Гиперборейская Скифия—26.
Голландия—101, 291.
Горетов стан—114.
Городецкая волость—189.
Гостиный двор — (в Москве) — 300.
Грустина—35.

Дания—89, 43, 260, 293.
Данков—259.
Данциг—278, 283, 295.
Двинская область—185, 187, 188, 195, 257, 281.
Дербент—270.
Дерпт—40, 280, 296.
Десна р.—40.
Дмитров—255.
Двепрец р.—261.
Днепр р.—29, 32, 34, 39, 40, 193, 203, 213, 244, 260, 261, 292.
Днестр р.—25, 29, 202.
Долгий остров—248.
Донец р.—40, 203, 203.
Дон р.—11, 26, 28, 40, 91, 178, 202, 203, 250.
Дорогобуж—43, 264.
Дубна р.—255.
Дубровна—30, 43.

Евфрат р.—269.
Енисей р.—35.
Енисейская губерния—36.

Закавказье—33.
Замоскворечье—215.

Западная Двина р.—276.
Земляной город (в Москве)—223, 231.
Ивангород (в Москве)—228.
Иван-город—244, 249, 293.
Изюм—31.
Ильмень озеро—241.
Индия—5, 260, 267, 268.
Инд р.—269.
Иноземская слобода (в Москве)—282
Иртыш р.—35, 195.
Испания—74, 267, 291.
Италия—157, 291.
Ichkebre—206.
Jerom—35.
Иерусалим—219, 225.
Иоахимсталь (Ioachimsthal)—307.
Кавказский хребет—33.

Кадом—186, 211.
Казанка р.—246.
Казанская область—186.
Казанское царство—29, 34, 85, 133, 199.
Казань—34, 35, 134, 152, 185, 188, 190, 204, 215, 242, 245, 249, 256, 259, 267, 270.
Kainkowa—188.
Калуга—292.
Кама р.—32, 33, 34, 195.
Cameni Carawool—206.
Камышенка р.—208.
Кандалакса—89.
Каргополь—189.
Карское море—87, 38.
Каспийское море—33, 240, 235, 270.
Cassima—36.
Cossin—36.
Кафа—25, 32, 259, 260, 261.
Кегор—39, 200, 286, 287.
Кетский острог—201.
Киверова гора—76.
Китай—267, 272, 273, 275.
Китай город (в Москве)—58, 217, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 233.
Китайское озеро—36.
Киев—29, 40, 260, 261, 272.
Клязьма р.—180.

Кокуй (в Москве)—231.
Кола—39, 185, 249, 286.
Коломенское—51.
Коломна—214, 249, 266.
Кондийская земля—35.
Константинополь—32, 259.
Копаный Яр (Koczeyow)—206.
Корелия—30, 39, 189.
Корсула—30.
Кострома—162, 257.
Краков—15, 28, 43.
Красная площадь (в Москве)—59, 224, 227.
Красная Россия—26.
Красная стена—223, 226, 227.
Кремль (в Москве)—52, 53, 58, 143, 163, 218, 219, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 233, 300.
Крым—260, 272.
Кубань р.—32.

Купеческий остров—270.
Лампас—281, 282.
Лампожня—256.
Lepin—35.
Лапландия—39, 287.
Лапония—39.
Ливны—233.
Ливония—12, 26, 29, 40, 43, 62, 86, 94, 202, 205, 208.
Ливонский орден—24.
Литва—25, 26, 29, 30, 40, 43, 62, 74, 83, 107, 113, 213, 261, 278, 292.
Лондон—14, 19, 215, 275, 278, 295.
Лукомория—36.
Любек—267, 278, 294, 295.

Мазовия—29.
Малая Татария—31, 40.
Малороссия—40.
Меотийские болота—28.
Минск—43.
Можайск—43, 196, 249, 267.
Mozonowski—188.
Мокша р.—202.
Молога—254.
Молога р.—254.
Монастырь—202.
Москва р.—214, 216, 223, 228, 229, 230, 231, 251, 254.
Московский уезд—114.
Мстиславль—30.
Мурманский берег—39, 185, 188, 285.
Мурманское море—281.
Муромская область—186.
Муром—185, 187.

Наливки (в Москве)—215, 230, 231.
Нарва—26, 268, 294, 295, 296, 297, 298.
Нарова р.—40.
Нарым—201.
Неглинная р.—223, 226, 228.
Нижегородская область—180.
Нижний Новгород—29, 187, 188, 205, 244, 246, 249, 270, 284.
Нижняя Россия—26.
Никольская пристань—248, 252, 265, 275, 276, 278, 280, 282, 285, 287, 288.
Новая Голландия—6.
Новая Земля—39.
Новгородская область—39, 180, 185, 187.
Новгород—12, 18, 25, 43, 45, 89, 94, 134, 161, 162, 167, 180, 182, 192, 195, 214, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 249, 252, 260, 263, 267, 273, 278, 280, 281, 284, 293, 302, 304, 306.
Новгород-Северский—249.
Ногайская область—33.
Ногайская орда—90.
Норвегия—39.
Нордкап—39.
Ногобург—40.
Немецкая слобода—56, 232, 233, 298.

Обдорская земля—35, 186.
Обь р.—30, 35, 38, 39, 200, 201.
Овечий брод—204.
Одер р.—24.
Ока р.—29, 92, 168, 180, 185, 212, 254, 269.
Окс р.—269.
Опочка—30, 43.
Оренбургская губерния—35.

Орша—43, 107.

Palooy (Polowon)—206.
Панинов город—37.
Паропамиз—269.
Пейпус оз.—40.
Пелым—201.
Переволока—206, 259.
Перекоп—260.
Переяславль—257.
Пермская область—181, 182, 255, 257, 281.
Пермь—35, 164, 182, 185, 188, 195, 255, 256.
Персидский залив—266.
Персия—12, 17, 33, 204, 260, 267, 270.
Печенга р.—200, 287.
Печора—249, 256.
Печора р.—38, 185, 189, 199.
Печорская область—38, 164, 185, 256, 284.
Пинега—256, 282.
Pinzer (Рензa?)—211.
Поганый пруд (в Москве)—228.
Покровские ворота (в Москве)—231.
Подеземский (пудожерский) остров—247.
Полоцк—43, 298.
Польна—30.
Польша—24, 26, 27, 28, 29, 40, 43, 62, 74, 76, 193, 214, 278, 292, 298.
Полярный круг—40.
Понтъ Эвксинский—29.
Порохов—244, 249.
Прага 215.
Пруссія—11, 292, 296.
Псел р. 40, 203.
Псковская губернія—40.
Псков — 89, 134, 162, 193, 213, 214, 242, 243, 244, 246, 249, 252, 260, 293, 294, 296, 298, 299, 303, 304, 306.
Пустозерск—256, 281.
Путивль—249, 260.

Ревель—278, 278, 280, 294, 296.
Рига—269, 278, 280, 294, 296.
Рим—43, 179, 269.
Ростовская область—180.
Рязанская область—180, 186, 198.
Рязанское княжество—90.
Рязань—26, 182, 246.

Самара р.—34.
Самогитія—29.
Сан р.—29.
Сарай—204
Саранск—211.
Саратов — 34, 207, 211, 212, 254, 259.
Сараматия—26, 31, 33.
Сараматские горы—28, 29.
Святой нос—39.
Серпонов—36.
Серпухов—189.
Сестра р.—255.
Сибирь—30, 31, 35, 143, 164, 168, 182, 185, 190, 198, 199, 201, 262, 263, 272, 273.
Сирия—260.
Сицилия—179.
Скифия—26.
Скифский океанъ—26.
Скородом (в Москве)—231, 232.
Смоленская область—184, 185, 188.
Смоленскъ—30, 40, 43, 45, 89, 94, 134, 162, 177, 180, 182, 193, 196, 244, 245, 246, 264, 298.
Соловки—188.
Соляная гора—188.
Сосва р.—35.
Спасские ворота (в Москве)—58, 224, 227, 236.
Средиземное море—269.
Старая Руса—162, 187.
Страва—см. Астрабад.
Старица—244.
Стрелецкая слобода (в Москве)—230.
Stupino—206.
Сура р.—29, 32, 202.
Сухона р.—265.
Северная Двина—189, 195, 252, 255, 257, 258, 273, 285, 291, 292.
Северный Ледовитый океанъ—26, 29, 36, 39, 40, 43.
Северская область—29, 40, 185, 186, 247.

Таврида—260.
Тара—291.
Тавнис р.—26, 40, 269.
Татария—33, 189, 292.
Татарское море—37.
Tachlin—38.
Тверская область—180.
Тверское княжество—90.
Тверь—162, 246, 304, 306.
Теменка р.—33.
Терский городъ—33.
Тетюши—234.
Тобол р.—182.
Тобольск—235, 262.
Тозанский перевоз—260.
Торжок—162, 180.
Тотьма—188.
Троицкий монастырь—261.
Троки—193.
Тула—31, 189, 203, 249.
Туркмения—33.
Турция—272.
Тюмень—35, 201.

Углицкая волость—184.
Углич—185, 189, 257.
Угория—255.
Урал—35, 38, 182, 197, 198.
Уса р.—188.
Устьвым—258.
Устьвыльма—249.
Устюгъ—189, 225, 257.
Устюжская область—181, 199.

Финляндия—29.
Финнмарк—290.

Флоренция—215.
Флоровские ворота (в Москве)—223.
Франция—291.

Холмогоры—256, 265, 266, 278, 281, 282, 283, 285.
Холопий город—254, 261, 292.

Царево-Займище—196.
Царев-город—31.
Царев-город (в Москве)—227.
Tsaristna—206.
Царицын—204, 207, 259.
Цымна р.—189.

Черное море—32.
Черный яр—207, 208.
Чудское озеро—26, 40.

Шанчурин—259.
Швеция—30, 40, 62, 260, 296.
Шексна р.—187.
Шклов—40.

Эвксинское море—260.

Югорская область—185.

Яик р.—33, 34, 35, 209, 210.
Якутская область—36.
Ярославль—162, 166, 187, 189, 194, 246, 252, 253, 257, 265.
Ярославская область—180, 184.
Яуза р.—216, 225, 233.
Яхрома р.—255.

IV.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

Август—173.
Авриль (Philippe Avril)—16, 34, 40, 201, 210, 211, 212, 219, 222, 239, 249.
Адам (Clemens Adamus) 12, 18, 90, 102, 108, 115, 142, 146, 192, 216, 219, 252.
Аделунг (Adelung)—11, 12, 17, 238.
Алексей Михайлович — 14, 16, 53, 67, 166, 170, 224, 233, 248, 308.
Анна Ивановна—224.
Альберт Кампенский (Alberio Campense) 18, 25, 26, 86, 108, 175, 177, 185, 186, 192, 219, 240, 241, 296.
Аристотель—52, 218.
Аттила—85.

Барбаро (Jos. Barbaro) — 12, 17, 24, 26, 117, 178, 193, 203, 217, 218, 219, 253, 256, 270.
Батый—28.
Берроу (Steven Burrouch) — 17, 200, 204, 205, 209, 286, 287.
Боттони (Bottoni)—51.
Боус (Jerome Bowes) — 18, 57, 276, 289.
Буссов (Conrad Bussow)—221, 222, 239, 245.
Бухау см. Принц.
Белобород Иван (John de Walle)—289.
Вельский В. кн.—276.
елиев И. Д.—114.
Вальк—101.
Василий Иванович III—11, 13, 29, 69, 81, 82, 85, 93, 100, 151, 215, 230, 246, 270, 304.
Василий Иванович Шуйский—79, 112.
Виквор (Wicquefort)—15.
Витовт—203.
Вундерер (Johann David Wunderer)—15, 242, 243, 294.

Гаклюйт (Richard Hukluyt) — 12, 13, 17, 19, 20, 32, 38, 39, 40, 57, 103, 134, 139, 145, 195, 201, 205, 206, 209, 210, 211, 247, 248, 256, 264, 266, 267, 268, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 288, 293, 295, 305.
Гасс—17, 280, 281, 305.
Гваньини — (Alessandro Guagnino)—14, 22, 77, 84, 91, 98, 100, 104, 105, 106, 118, 164, 166, 172, 215, 219, 251, 304, 305.
Герасимов Дм.—269.
Герберштейн (Siegmund Freih von Herberstein)—13, 21, 22, 23, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 43, 45, 46, 51, 52, 58, 60, 61, 62, 69, 70, 73, 74, 77, 78, 83, 84, 85, 86, 90, 91, 93, 100, 103, 107, 108, 113, 115, 118, 119, 134, 136, 137, 142, 145, 146, 147, 163, 164, 165, 166, 172, 176, 177, 179, 181,

185, 187, 188, 189, 194, 195, 198, 199, 202, 208, 214, 215, 217, 218, 219, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 251, 253, 255, 256, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 266, 267, 278, 292, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 305, 307, 315.
Годунов Борис — 20, 79, 127, 224, 245, 288.
Голицын В. В. кн.—220, 224, 292.
Горсей (Jerome Horsey) 15, 248, 262, 284, 286, 288, 289.
Гудсон—284, 295.

Далматов—118.
Даниил Заточник—148.
Дженкинсон (Anthony Jenkinson)—11, 33, 205, 206, 208, 209, 264, 265, 266.
Джонсон (Richard Johnson) 17, 30.
Димитрий Донской—217.
Димитрий Самозванец—15, 31, 41, 73, 81, 112, 142, 166, 222, 224, 228, 264, 306.
Димитрий царевич—79.
Домбровский—14.

Елена Глинская—304.
Елизавета (английская) — 288, 293.

Забелин, И. Е.—59, 79, 228.
Звенигородский В. А. кн.—248.

Иван Васильевич III—21, 136, 190, 165, 217, 244.
Иван Васильевич IV Грозный—13, 67, 82, 84, 85, 86, 91, 92, 106, 114, 136, 149, 161, 164, 199, 248, 259, 262, 267, 271, 279, 288, 298, 305.
Иовий (Paulus Jovius Paolo Giovio)—13, 18, 26, 27, 77, 90, 93, 108, 119, 136, 146, 148, 149, 177, 184, 186, 188, 194, 214, 219, 240, 253, 255, 260, 273, 296, 297.
Калачов Н. В.—17.
Кампензе см. Альберт Кампенский.
Карамзин Н. М.—161, 201, 285, 291, 302, 305, 306.
Карлейль (Carlisle)—14, 40, 51, 56, 67, 68, 69, 77, 155, 157, 171, 183, 195, 196, 239, 241, 247, 264, 220, 291.
Карл I английский—69, 290.
Карл шведский—16.
Карпович Е.—30.
Киллингуорт—286.
Кирин—21.
Климент см. Адам.
Климент VII—13.
Кобенцель (Hans Cobenzl)—14, 98, 244, 245.
Коллинс (Samuel Collins) 16, 77, 153, 167, 168, 175, 184, 185, 196, 197, 224, 230, 237, 238, 239, 273.
Контарини (Ambr. Contarini)—12, 17, 24, 52, 72, 78, 104, 134, 177, 195, 216, 218, 219, 253, 258, 259, 261, 268, 270.
Корб (Johan Georg Korb)—17, 21, 40, 46, 47, 55, 56, 58, 108, 109, 121, 153, 159, 167, 168, 171, 221, 226, 230, 238, 239, 266, 267.
Котошихин 7, 65, 73, 77, 79, 95, 96, 104, 120, 121, 122, 130, 152, 157, 163, 168, 169, 170, 171, 305, 307.
Курбский А. М. кн.—126.

Ланнуа (Lannoy)—11, 17, 25, 26, 177, 202, 239, 240, 253, 292, 302.
Ласский Иоанн (Joh. Lasko)—28, 91, 260.
Лезенель—12.
Лен (Henrie Lane) 17, 20, 136, 276, 294.
Лизек (Adolph Lyseck) — 16, 40, 51, 56, 59, 70, 73, 191, 222, 225, 229, 240, 245, 254.

Максимилиан (Maximilianus)—14.
Маржерет (Jacques Margeret)—15, 20, 21, 80, 94, 95, 97, 120.

6

121, 130, 140, 154, 156, 159, 161, 162, 163, 166, 182, 188, 203, 204, 220, 235, 236, 239, 249, 306, 307, 308, 319.
Мария (английская)—273.
Маргелис—189, 191.
Маскевич (Samuel Maskiewicz) 15, 19, 20, 132, 140, 142, 153, 154, 227, 228, 229, 235, 245.
Матвеев А. С.—229.
Матвей из Мехова (Mathias de Mechovia)—11, 12, 28, 199, 200, 215, 315.
Мейерберг (Mayerberg)—10, 16, 20, 21, 34, 38, 40, 41, 44, 58, 56, 61, 63, 65, 73, 77, 86, 94, 95, 96, 97, 121, 122, 123, 130, 152, 166, 170, 171, 196, 201, 220, 239, 245, 246, 249, 273, 291, 296, 320, 321.
Мейнерс (Meiners)—5, 12, 35.
Милославский, И. Д.—170, 224.
Мильтон (John Milton) 20, 250, 282.
Михаил Литвин (Michalon')—11, 17, 98, 105, 108, 134, 146, 148, 149, 165, 166, 260, 261, 272, 273.
Михаил Феодорович—160, 166, 191, 229, 289, 290.
Морозов—224.
Мьеж—224, 239.
Мехонский см. Матвей.

Наталия Кирилловна—51.
Невиль (Neuville)—17, 95, 97, 117, 118, 171, 220, 222, 225, 233, 235, 237, 239, 245, 262, 264, 266, 273, 290, 291, 298, 323.

Одерборн (Paul Oderborn)—84, 240, 241.
Одоевский кн.—224.
Олеарий (Adam Olearius)—15, 21, 22, 23, 32, 33, 34, 37, 40, 41, 48, 51, 52, 54, 56, 57, 61, 70, 72, 73, 78, 79, 81, 86, 101, 117, 121, 122 130, 140, 141, 142, 143, 144, 152, 154, 155, 157, 158, 159, 166, 167, 171, 177, 181, 183, 188, 189, 190, 191, 192, 195, 204, 206, 208, 209, 210, 212, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 231, 232, 234, 237, 238, 239, 241, 245, 247, 248, 249, 254, 263, 264, 265, 266, 272, 273, 292, 293, 296 297, 301, 306, 307, 308, 330.

Павел (генуэзский капитан)—269.
Паерле (Georg Peyerle) 16, 20, 67, 78.
Петрей (Peter Petreius-Peer Peerson)—15, 20, 23, 98, 101, 116, 117, 122, 142, 144, 221, 263, 264, 306, 308, 320.
Петръ Великий—5, 51, 308.
Плавий—27.
Попов—14.
Поссевин (Ant. Possevino)—14, 18, 42, 43, 52, 54, 59, 60, 63, 73, 76, 77, 81, 83, 91, 105, 108, 128, 134, 164, 165, 166, 173, 194, 199, 215, 217, 218, 219, 241, 243, 244, 245, 246, 259, 271, 277, 299, 318.
Принц (Daniel Printz'a Buchau)—14, 66, 77, 143, 183, 251, 264, 305.
Птоломей—27.

Рандольф (Thomas Randolfe)—14, 56, 195, 247, 265.
Рейтенфельс (Jacob Reutenfels)—16, 22, 60, 61, 66, 94, 96, 97, 122, 128, 152, 189, 190, 220, 221, 222, 224, 232, 233, 239, 262, 264, 292, 299, 322.
Рубрукиис (Wilh. de Rubruquis)—302.
Рудольф—14.

Саутам (Thomas Southam)—17.
Семенов, В.— 12.
Сигизмунд Август—268.
Соловьев, С. М.—106, 114, 149, 163, 195, 232, 258, 271, 284, 288, 289, 290, 303.
Софья Алексеевна—171.

Софья (Палеолог)—82.
Спарк (John Sparke)—17.
Спафари—262, 296.
Стефан Бахорий—93, 105, 242.
Стефан Пермский св.—199, 258.
Строганов—192.

Тамерлан—28, 204, 268, 269.
Танцер (Bernhard Leopold Franz Tanner)—16, 40, 53, 54, 60, 73, 77, 143, 171, 192, 196, 219, 221, 223, 226, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 239, 244, 245, 257, 264, 272, 328.
Татищев—155.
Трубецкой кн.—224.
Трубецкой, А. Н. кн.—63.

Ульфельд (Jakob von Ulfeld)—14, 20, 67, 94, 97, 181, 241, 242, 317.
Уссун-Гассан—12.
Устрялов Н. Г.—296.

Фабри (Johann Fabri)—13, 18, 73, 76, 91, 168.
Филипп (испанский)—293.
Фишард (Fischard)—15, 243.
Флетчер (Giles Fletcher)—15, 20, 21, 30, 39, 78, 81, 91, 93, 94, 100, 101, 104, 107, 108, 110, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 138, 142, 146, 147, 150, 160, 161, 163, 164, 166, 169, 172, 173, 182, 184, 186, 187, 189, 194, 199, 215, 216, 218, 219, 246, 273, 297, 298, 318, 319.
Фридрих III датский—15.

Ченслер (Chancellor)—13, 60, 80, 92, 96, 145, 146, 240, 276, 281.
Черкасский кн.—224.
Чичерин, Б. Н.—141, 152, 154.

Шестаков, С.—17.
Штраус (Johan Struys)—17, 34, 167, 171, 187, 192, 208, 221, 222, 239, 244, 245, 248, 249, 266, 322.
Щелкалов Андрей—276.

Юрьев, Н. Р. 276.

Федор Иванович—127, 259, 298.

BINDING SLOT. APR 23 1970

DK
21
K55
1918

Kliuchevskii, Vasilii Osipovi
Skazaniia inostrantsev

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY